

Елена Сироткина «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ» (книга)

Предисловие к книге 3

Часть первая. Учёные мужи, журналисточки и Пушкин 3

Глава 1. «Учительская газета». Легко ли быть свободным? 4

Глава 2. КПСС и буржуа. Основные вопросы педагогики 6

Глава 3. От маленьких гениев к большим дуракам. Безграничность общения 8

Глава 4. Заложники скромности. Среда как двигатель пошлости 10

Глава 5. «Первая сентября». Гамбургский счёт к шопоголичкам 12

Глава 6. Философическая дурь. Особенности женской групповухи 14

Глава 7. Свобода педагогического действия. Пустословы против вдохновителей 16

Глава 8. Стандарт, который съел программу. Ремесло Диснея 18

Глава 9. Красота в роли зубной щётки. Октябрьские прощания 21

Глава 10. Личная жизнь гитары. Смешная редколлегия 23

Глава 11. «Общая газета». Они замучились править 26

Глава 12. «Педагогический калейдоскоп». Без лишних примесей 28

Глава 13. Virtuozы учебного рынка. Корреляция и корректура 30

Глава 14. Три табу для журналиста. Победное шествие доллара 33

Глава 15. Толкователи персон. Гостиничный сервис для малолеток 34

Глава 16. «Педагогический вестник». К нам приехал, к нам приехал... 36

Глава 17. Прогрессисты и консерваторы. Физиологический фундамент экономики 38

Глава 18. Воспитание воли и характера. Беспредел

интеллектуалов 41

Глава 19. Организация дохода. «Пушкинский класс» 43

Глава 20. Расследование честной коммерсантки. Решительные самозванцы 45

Глава 21. Соответствие попкорну. Сам себе учитель 47

Глава 22. Проектная деятельность жён. Правило двух предупреждений 49

Глава 23. Деньги вместо людей. Промежуточное послесловие 51

Часть вторая. Сборник задач по взаимопомощи человек

Глава 1. Псковская Венеция. О пользе некоторой загруженности 53

Глава 2. Двусоставная честность. Борьба за самодисциплину 57

Глава 3. Версия о сложном характере. Ведьмин романс 61

Глава 4. Драгоценная молния. Аттестат порядочности 64

Глава 5. Прохладная Москва. В объятиях провинции 67

Глава 6. Машинистка нарасхват. Ссылка за независимость 70

Глава 7. Этот Толстой и этот Платонов. Своевременное страхование 74

Глава 8. Браконьеры и дефицит. Откуда берутся червонцы 78

Глава 9. Покровские вдовы. Не марш энтузиастов 81

Глава 10. Словесность с музыкой. Кошкин дом 84

Глава 11. Моделирование Болдинской осени. Пирог к празднику 87

Глава 12. Внепрограммные вольности. Естественность несогласия 90

Глава 13. Обывательский бой кинематографу. Кардинал поневоле 94

Глава 14. С кем можно драться? Союз дома и школы 97

Глава 15. Зачётная литература. Пряжки от себя 101

Глава 16. Будни чиновницы. Психология и жизнь	105
Глава 17. Кооперативные мечтатели. Сначала выбрать, потом назначить	108
Глава 18. Сентиментально, но надёжно. Эстетика и разруха	111
Глава 19. Лесть и страх. Нечистое дело курения	114
Глава 20. Сколько раз отмерить? Опасности Вавилона	118
Глава 21. Внезапные экзамены. Прощение без мщения, но со смыслом	121
Глава 22. Слова живые и мёртвые. Культура чтения	124
Глава 23. Дорогое легкомыслие. Подсказка на всю жизнь	127
Глава 24. Счастье без жертв. Уход болезненный, но верный	130
Глава 25. Отвлечённые ответы на конкретные запросы. Графики отношений	133
Глава 26. Новое расписание. Бумага, заверенная слезами	136
Глава 27. Инициативы на местах и вне таковых. Чужое и своё	140
Глава 28. Неидеологическое радио. Бой инфантилизму	143
Глава 29. Любовь красивая и добрая. Рисковые мини-проценты	146
Глава 30. Чины людьми даются. Был ли Моцарт?	150
Глава 31. Невидимый причастный оборот. Как выпускают учителей	153
Послесловие к книге	156

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Памяти моих родителей Тамары Михайловны и Владимира Ивановича Сироткиных.

Посвящается моему племяннику Владимиру Викторовичу Сироткину.

Предисловие к книге

Если честно, я не очень-то хотела писать эту книгу. Во-первых, потому что не слишком жалею автобиографический жанр: всё-таки лучше, когда о человеке рассказывает кто-нибудь, а не он сам. Во-вторых, потому что моя жизнь в целом и «педагогические» её отрезки в частности не типичны, читатели могут подумать, что я просто выдумываю то, чего в реальности быть не может. Но вот мои бывшие ученики и коллеги считают иначе: именно нетипичность, вызванная успешностью, даёт право учителю поделиться своими соображениями о педагогическом искусстве. Ну, если думать, что успешность эта измеряется добрым словом о тебе, произнесённым через десятилетия, может быть, они и правы. :)

Есть и иное обстоятельство, заставившее меня взяться за эту работу, – полное отсутствие в общественном поле разговора о той личностной дороге, по которой идёт человек, выбравший профессию учителя, о тех открытиях, которые обязательно дарит ему жизнь, если он становится не пассивным наблюдателем окружающих, а действующим лицом для них.

Наконец, исполнилось двадцать лет (работа над книгой началась в 2012 году) газете «Первое сентября», в которой я начинала писать об образовании. После смерти её основателя Симона Львовича Соловейчика она довольно сильно изменилась, перестала быть мне духовно близкой – именно из-за того, что её редакция не знает, да и не хочет знать самого учителя. Остался только девиз, провозглашённый создателем издания: «Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики!» Хотя в этом нет ничего удивительного: вокруг педагогики толчется так много не-учителей... Бог с ними со всеми, каждый делает то, на что способен. Но в какой-то степени моя книга может стать и содержательной репликой в диалоге с теми, кто не видит необходимости говорить о мировосприятии педагога и строить саму образовательную систему, исходя из его знаний и запросов, и опорой для тех, кто чувствуют, что

педагогика – это их занятие, они не ошиблись в творческом выборе.

Книга будет в двух частях, хронологически перевёрнутых – сначала я расскажу о том, чему была свидетельницей в образовательной журналистике, затем о том, что узнала благодаря практической работе в школе. Почему так? Потому что я постараюсь провести вас от дополнительного к главному – от обслуживающей педагогику сферы к сфере, саму педагогику творящую. Есть, конечно, и другие причины для такой траектории повествования, но о них я умолчу – они касаются только меня. Поскольку в последнее время я публикую свои литературные произведения только в интернете, главы этой книги тоже будут последовательно появляться в сетевом пространстве. Многих имён я называть не стану, ибо не ставлю себе задачу позлословить. Но если кто-то узнает себя в персонажах – не обессудьте. Да, и друг с другом не сплетничайте, автор, как вы знаете, этого ужасно не любил. :)

Часть первая. Учёные мужи, журналисточки и Пушкин

Глава 1. «Учительская газета». Легко ли быть свободным?

Знаменитая фотография встречи учителей-новаторов в Переделкине. Слева направо: Ш.Амонашвили, Л.Никитина, С.Соловейчик, С.Лысенкова, В.Матвеев (на втором плане выше всех), Б.Никитин, В.Шаталов, В.Каракровский, И.Волков, А.Адамский, Г.Алёшкина (один из организаторов),

Е.Ильин. Ещё один участник встречи М.Щетинин приехал позже.

Позвонила И.:

- Слушай, тут новая газета затевается. Об образовании. Ищут подходящих авторов. Отец моего знакомого – главный редактор. Может, напишешь чего?

- А что их вообще интересует?

- Да всё, что угодно, но про образование. Он затащил тут нас к себе домой – вполне адекватный парень. Я не на его курсе училась, ни про него, ни про папаню толком не знаю.

- А кто папаня?

- Симон Соловейчик.

- Ладно, попробую. Через пару дней отдам тебе рукопись.

Это был 1992 год. Я ещё не бросила педагогическую практику. И. несколько лет проработала со мной в одной школе психологом – тогда ставки этих специалистов только вводились в образовательных учреждениях. Это была довольно интересная и любознательная молодая женщина, сошлись мы на почве наших общих интересов к творчеству. Ну, и вообще – психологов и философов часто тянет друг к другу. Школа не стала для И. серьёзной площадкой для самореализации, она плохо чувствовала подростков, чаще они её раздражали, хотя она старалась это скрыть. Правда, сугубо исследовательская «математическая» практика ей удавалась – видимо, потому, что не требовала содержательного индивидуального общения.

Имя Соловейчика в это время не было для меня новостью, мы пересекались на Останкинских встречах с учителями-новаторами. Собственно, идея этих встреч мне и принадлежала. Нет, сама я не была известным человеком, но случай помог мне высказаться на другой важной встрече – с главным редактором обновляемой в перестройку «Учительской газеты» Владимиром Матвеевым. Бывают странные сближенья, вы же знаете. :)

На весенних каникулах 1985 года меня, как школьного парторга, отправили в столичный университет повышения квалификации на специальные курсы для учителей. Затеяны они были идеологами социализма с человеческим лицом. Время было кипучее и шаткое. Дяденька, командированный горкомом партии к грозным школьным тёткам для выявления «народных настроений» и разъяснения линии Горбачёва, в перестройку верил. Моя партийность произошла вследствие очень банального обстоятельства: ещё первокурсницей я

стала главным редактором институтской газеты. На втором курсе меня «вступили» в кандидаты, а на третьем уже не хотели принимать в КПСС по-настоящему. Это была очень забавная история, потому что, конечно, райком завернул результаты голосования моих «соратников» с формулировкой типа «вы там обалдели что ли? что такого ужасного могла совершить за год какая-то пигалица?» «Соратники» переголосовали с зубовным скрежетом в мою пользу.

Истинная причина скандала была в том, что газета, которую редактировала пигалица, пользовалась довольно внушительной популярностью. Просто потому, что там печатались все самые интересные и способные преподаватели и студенты. Я посмела их не замалчивать. Был у меня и другой грех. Проректор как-то у себя в кабинете любезно сообщил мне, что я очень перспективный кадр и есть мнение рекомендовать мою кандидатуру в секретари комитета ВЛКСМ института. Я же простодушно ответила, что мне это не интересно, да и не смогу я быть девочкой на побегушках. Он ничего мне не возразил, но злобу затаил. Скажу прямо, что в дальнейшей жизни партийность моя мне не мешала, а скорее даже помогала – в тех случаях, когда кто-то нуждался в защите. Но об этом потом.

Матвеев, ища свежие идеи для своей газеты, решил тоже побывать на упомянутых выше курсах. Да, тогда за свежими идеями ещё было принято ходить в народ, их не производили с помощью специальных технологов и не выдавали за результаты социальных опросов. Курсистки встретили журналиста и нескольких его коллег, которых он прихватил с собой, очень враждебно. Надо вам сказать, что каникул учителя ждут с не меньшим нетерпением, чем ученики. Весенние – это только жалкая неделя, сделать же нужно так много! А тут какой-то странный тип драгоценное время крадёт. Дама, представляющая администрацию курсов, выступила с воспитательной инициативой, то есть сказала: «Теперь понятно, почему в наших школах так много дурного! Какие же вы учителя!» «Что-о-о?!» – пронеслось по залу. Тётки, подобно тринадцатилетним детям, зашумели ещё больше. Пришлось вмешаться: «Коллеги, мы всё равно уже здесь. Ну, уж выслушаем человека-то – он чем виноват?»

Владимир Фёдорович улыбнулся мне благодарно и, наконец, рассказал про свою печаль. «Учительская газета» всегда была послушным рупором чиновников от образования, Матвеев же хотел сделать её по-настоящему учительской, то есть учителям интересной. Я не была уверена в этом после описываемой встречи, но дальнейший ход событий меня в том убедил. Тётки превратились в милых дам и слушали журналиста уже спокойно. Вот здесь-то судьба и предоставила мне возможность сказать, что интеллигенция слишком увлеклась руганью в адрес учителей. Это и несправедливо, и бесперспективно.

если общество на самом деле хочет качественного образования. Почему не сделать акцент на том, что хорошо в школе? Почему не представить людям талантливых учителей? Они же есть и достойны тех же Останкинских встреч на телевидении, почему туда приглашают только писателей и певцов? А газете было бы полезно привлечь к сотрудничеству тридцатилетних учителей – уже чему-то научившихся, но ещё не выгоревших на трудной школьной стезе. Можно было бы клуб организовать при «Учительской газете»...

После встречи ко мне двинулась девушка из журналистской группы и записала все мои координаты. Но никогда уже не позвонила. Зато через некоторое время в «Учительской газете» появилось объявление, приглашающее всех заинтересованных учителей в редакцию, создающую новый клуб. Я не смогла туда попасть – уже не помню почему, кажется, болела, – но там побывала моя школьная коллега, Галина Алёшкина. Она рассказала мне об организации клуба творческих учителей «Эврика», о ребятах, которых она встретила в редакции. Именно она помогала в 1986 году группе учителей-новаторов вместе с Симоном Соловейчиком записывать в Переделкине манифест «Педагогика сотрудничества».

Самого Соловейчика я увидела впервые в студии «Останкина». Кажется, это была встреча с Виктором Шаталовым. Впрочем, не важно. В то время все активно боролись с чиновниками. Учителя полагали, что это главные враги образования, потому что представляют себе людей очень посредственными и одинаковыми, в реальной педагогике ничего не смыслят, только мешают каждому живому движению. Поэтому почти все выступающие на встрече говорили с эдакой борьбистской интонацией: «Надо чтобы!.. Надо чтобы!..» Симон Львович очень выделялся на фоне таких возгласов – он высказывался как будто мягко, но настойчиво обращал внимание на внутреннее течение именно школьной жизни, на необходимость её очеловечивания.

«Учительская газета», выражавшая «народные интересы», была абсолютно не нужна ни бюрократам управленческим, ни бюрократам околонучным, ни бюрократам партийным. Социализм с человеческим лицом напрягал само политбюро ЦК КПСС – что уж говорить о какой-то газетке для училок! В январе 1989 года Владимира Матвеева перевели на должность заместителя главного редактора, а на его место посадили Геннадия Селезнёва. В октябре Владимир Фёдорович умер. Ему было только 57 лет.

Глава 2. КПСС и буржуа. Основные вопросы педагогики

Расстрел «Белого дома» в Москве. 1993 год.

Народу на похоронах Матвеева было очень мало. Уже не помню, напечатала ли «Учительская газета» вовремя некролог. Во всяком случае, мне о месте прощания сообщил знакомый директор школы из района, где я работала.

В том же 1989 году я добровольно вышла из партии. Желание такое у меня созрело давно, но исполнить его было нереально – все, кто пытались прекратить своё членство в КПСС до того, получали написанные заявления назад, и никакие ссылки на устав, закреплявший подобную возможность, не помогали. Немного поразмыслив, подала заявление о выходе из партии и директриса школы, в которой я трудилась. З.Ф. была старше меня на 16 лет, но это обстоятельство не мешало нашим дружеским отношениям. Зоя Александровна, наш парторг, увидев мою бумагу, только руками всплеснула: «Но ведь перестройка, Елена Владимировна, всё будет по-другому...» Это была очень добрая женщина, обожавшая свою работу в начальной школе и верившая в то, что живёт в социалистическом государстве.

В советской школе догматический партийный пресс работал не так уж жёстко, как думают иные. Тяжело было историкам в старших классах: они должны были долдонить про всякую чепуху, связанную со съездами КПСС и противоречащую настоящему марксизму. Пионерия и комсомолия, конечно, не существовали без принятой для этих организаций символики, но она не воспринималась как главное. А что было главным? Просто доброжелательные отношения между разными поколениями и командные игры, способствующие воспитанию не стаи, а коллектива. Дело в том, что настоящий педагог всегда найдёт лазейку, чтобы увернуться от мертвечины. Хотя, разумеется, в советский период в школах, как и всегда – увы! – было много антипедагогов, они

насаждали бессмысленный формализм, мучая и коллег, и учеников.

Я прочла Маркса рано. Не всего, конечно, но основные работы, список которых предлагался студентам. Ну, я так устроена, что никогда не пользуюсь чужими сентенциями, готовыми и широко распространёнными формулами, – мне интересно и важно знать, каким образом они возникли, есть ли доказательства того, что они верны. :) Поэтому я понимала, что никакого социализма, а тем более коммунизма, в моей стране нет и быть не может при тех общественно-экономических отношениях, которые существуют. Людей, которые бы не принимали на веру догмы марксизма-ленинизма, гордо провозглашённого наивернейшей из наук, я встретила до описываемых событий немного. Причём вера была довольно странная: коммунизм – это замечательно, мы всё равно к нему придём, только не скоро; а пока нужно сменить дурных руководителей на дельных. Параллельно с этим рассказывались всякие анекдоты про русских царей, в число которых включались все государственные лидеры после 1917 года. Параллельно с этим советский народ много пил, воровал, кричал о свободе западного мира. На последнее обстоятельство дружно налегали дети номенклатурных партийных работников и творческая богема – эти «элитные» особи нарекали себя интеллигенцией.

На одном из своих телемостов с Америкой Познер задал вопрос аудитории: «Кто верит в перестройку?» Аудитория бодро подняла руки, просто лес рук. «А кто не верит?» Нашлась только одна женщина. «Почему вы не верите?» – удивился журналист. «Потому что людей нельзя переделать. Христос вот пытался, да ничего не вышло», – спокойно возразила женщина. Зал как-то трудно замолчал, но спорить с ней не стал.

Четыре года – с 1989-го по 1993-й – наша страна активно продвигалась к буржуазной революции. Это не было очевидным фактом для большинства, люди кричали о необходимости свободы, путали её с рыночными отношениями, которые-де непременно дадут всем равные конкурентные возможности. Наверху же Ельцин дрался с Горбачёвым, а старые партийцы из политбюро надеялись на возврат к благополучному для себя прошлому. Правозащитники не успели оглянуться, как оказались на содержании всевозможных фондов и фондику. Растворилась в воздухе партия, а с нею партийная касса, закрылись заводы, вклады бывших советских граждан превратились в пыль, здоровые мужики нанялись в бандиты, а здоровые женщины в проститутки. Образовалась целая армия «челноков», московские «Лужники» заполнили торговцы всем и вся. Ползущая гражданская война в провинции поедала жизни без разбора.

Однако я тороплюсь в своём повествовании. Я не во всём была согласна с манифестом «Педагогика сотрудничества», написанном на заре перестройки.

Разве возможна педагогика без сотрудничества? Если учитель и ученик скользят мимо друг друга, соблюдая лишь по возможности правила приличия: один говорит, другой думает о своём – где эта самая педагогика? Но учителя, подписавшие манифест, были правы в том, что возможно учить одновременно очень разных детей, а дробить классы на «подходящих» учеников и наоборот – антипедагогично. И многие из них действительно разработали такие методики, которые позволяли достигать результата и другим учителям, вне зависимости от их личных качеств.

Испокон веку ведутся споры о том, что такое педагогика – наука или искусство? Конечно, если помнить, что эта область знаний лежит внутри этики, которая озабочена отношениями людей, выработкой таких правил, которые бы поддерживали данные отношения на принципах добра и общей пользы, – то наука. И в то же время нельзя не признать, что основной инструмент, которым пользуется учитель в общении с учеником для передачи своих знаний, есть сама личность учителя со всеми её индивидуальными особенностями, да ещё следует сделать поправку на индивидуальные ученические особенности, которые нужно очень быстро улавливать, – поэтому и искусство тоже. Вот и получается, что прежде чем вы постараетесь усвоить азы этой науки и развить себя до творческого состояния, необходимо поразмыслить над вопросами: «Что есть человек? Кем он приходится другому человеку? И можно ли признать, что ребёнок – полноценный человек?»

Глава 3. От маленьких гениев к большим дуракам. Безграничность общения

То есть как это? Ребёнок – неполноценный человек? А вот так. Многие и сейчас уверены, что если он маленький, то глупый, хочет только развлечений, абсолютно безответственный, целиком ориентирующийся на среду, никакого внутреннего «я» ещё не чувствующий. Потому он должен безоговорочно подчиняться взрослым. А всё общение с ним этих взрослых должно сводиться к последовательным похвалам и наказаниям (чаще как раз наказаниям). Вот и вся педагогика, что родительская, что школьная. Такое положение вещей считалось нормальным долгое время. Добавим к этому и тот факт, что физическое наказание тоже воспринималось совершенно естественным. Ну, если провинившихся перед общиной взрослых можно было стегать чем попало, то детей раз в неделю розгами воспитывать тоже не возбранялось. Удивительно, но в некоторых современных западных школах пытаются возродить культ такой «воспитывающей» силы.

Человечество проделало очень большой и непростой путь, чтобы как-то определиться с отдельной личностью вообще. Соблазнительно думать, что люди в принципе одинаковы, если стремятся объединяться в социуме. Общественность наша всё время тяготеет к навязыванию тех или иных требований стандартного поведения, но индивид этому сопротивляется. При этом ненароком переступает через права личности, как это ни парадоксально, – в первую очередь, своей личности. Это я о взрослых говорю. А что же тогда можно предложить детям, подросткам, юношеству? До поры до времени – до совершеннолетия – сидеть в своём загончике и просто подглядывать за другими и подражать «сильнейшим»?

Сейчас весьма популярной стала сентенция о том, что лишь 5% человечества можно отнести к его творческой части, все остальные – только пользуются результатами этого творчества и гнобят несчастных гениев. Это так и не так. Так, если махнуть рукой на человека со всеми его индивидуальными качествами с самого детства. И совсем наоборот, если предоставить возможность по-настоящему развиваться. Не-не, говорят, природу не перешибёшь, если уж родился дураком...

А кто сказал, что природа поставляет в наш мир множество дураков? Примерно в год все дети (во всяком случае, очень значительное большинство) начинают говорить. Причём, на любом языке – в соответствии с главенствующим в среде обитания. То есть человеческий мозг устроен так, что довольно быстро «расшифровывает» сложную систему знаков, какой является язык. А вспомните, как ребёнок учится читать. Особенно те моменты, которые связаны с переходом к слогам и целым словам. Детский (неполноценный – ха-ха!) мозг решает сложнейшие логические задачи. Нужно ведь уловить связь между разными картинками с буквами, отследить её в цепочке примеров звукосочетаний, потом слогосложений или словосложений... И с этими «детскими» задачами справляются опять-таки все! А теперь подумайте, что такое для человека усвоение абстрактного понятия числа, на котором стоит вся математика? И как можно научить ребёнка считать даже до десяти, если он самостоятельно в сознании не соединил конкретные предметы с порядком чисел? Взрослый ведь только что-то говорит, опять просто звуки издаёт, а маленький человек думает-думает и додумывается до закономерности... Вы полагаете, те штуки, с которыми мы сталкиваемся в более старшем состоянии, труднее, затратнее интеллектуально? Чепуха.

Что происходит дальше? Рядом со взрослыми, смотрящими на маленьких людей как на несмышлёнышей, процесс познания мира и себя в нём затормаживается. Прорываются только самые волевые и одарённые. Вместо необходимой помощи в детстве человек получает обратное – постоянную угрозу, в лучшем случае, равнодушие. Покормил, одел, игрушек накопил, от соседей не отстал – позиция родителя. Своё в тихом классе отговорил, баллы сосчитал, записи для чиновников сделал – позиция учителя. Ну, и где тут сам ребёнок с его реальными вопросами к миру? Да он уже давно уяснил, что в мире этом каждый сам по себе, но с окружающими спорить не следует, жить лучше без вопросов, к взрослым нужно обращаться только в крайних случаях – за модной одеждой или игрушками. К подростковому возрасту между учителем-формалистом и его воспитанниками возникает невидимая, однако прочная стена.

В середине 1980-х годов уходящая с общественной сцены советская

педагогика сделала отчаянный публичный акцент на гуманность. Разумеется, кроме тех учителей, которых называли новаторами, было множество других, неизвестных обществу, но отстаивавших позиции человеческой взаимопомощи, без которой настоящая педагогика невозможна. К началу 1990-х, кстати, многие из них перезнакомились, и это я считаю самым главным достижением того времени в российском педагогическом деле. Не так называемые авторские школы, не «круглые столы» с часто беспомощными экспертами и даже не публикации в СМИ – живое общение педагогов, вынесенное за рамки отдельных учебных заведений, давало свежую и содержательную пищу для тех, кого можно назвать учительской интеллигенцией.

А есть ещё не-интеллигенция? Конечно, как и в любой другой профессии. Но, знаете, и из этих, казалось бы, навсегда омещанившихся тётенок можно извлечь любознательных и человеколюбивых женщин при определённых условиях. Хотя об этом я расскажу позднее. Не верьте тем, кто говорит, что школьная работа делает человека ограниченным: в добрых она культивирует терпимость, злобных доводит до свирепости.

На самом деле у учителя, действительно, есть риск замкнуться в стенах своей школы и потерять связь с остальным миром. Он непременно должен чувствовать себя участником какого-то большого, серьёзного движения, объединяющего многих творческих людей, с которыми можно говорить и об основах мастерства, и о значимых культурных явлениях. Замечательно, когда в родной школе возникает деятельный педагогический клуб (в который, кстати, обязательно должны входить и родители), когда периодически люди видят друг друга не замотанными всякой рутинной, а обсуждающими возникающие в творческом процессе ситуации. Но так бывает далеко не везде, и тогда спасительным средством может стать, например, интернет.

Тогда, в 1980-х, никакого интернета ещё не было. Учителя своим ходом отправлялись на семинары и конференции, проходившие по всей стране. Больших зарплат у них, разумеется, не было, но железнодорожные билеты ещё не имели запредельных для них цен. И, конечно, люди активно переписывались – у меня хранятся многие из тех писем. Учителям – как и другим интеллигентам, – казалось, что страна освобождается от всякой дряни и вот-вот заживёт той жизнью, в которой каждый, кто трудится, может рассчитывать на заслуженную им социальную оценку. Что поделаешь: советские люди, долго находившиеся за железным занавесом, в своём загончике, не имели реального опыта существования в том обществе, которое бурлило за границами СССР. Ласковые речи про общечеловеческие ценности сбили с толку немало число искателей гуманизма.

Глава 4. Заложники скромности. Среда как двигатель пошлости

Василий Сухомлинский

Можете ли вы, уважаемые читатели, назвать хотя бы нескольких выдающихся педагогов? Антон Макаренко? Так. А ещё? А ещё... Был какой - то Ян Амос Коменский, классно-урочную систему изобрёл. А, ну да – Януш Корчак, тот, что в газовую камеру вместе с детьми шагнул. Пожалуй, на этом любой считающий себя образованным человек останавливается. Хотя вполне возможна ситуация, когда он и этих не назовёт.

С одной стороны, российское общество всё время воодушевлённо напоминает, что педагог должен быть некоей идеальной личностью, с другой, оно совершенно не знакомо с педагогическим творчеством, с его мастерами. Ну, что там, дети, маленькие, недоросли – значит, и деятельность, с ними связанная, такая не важная, не серьёзная, не взрослая. Своё же детство большинство людей забывает, ошибочно считает его неполноценным периодом жизни.

Есть и другие причины общественного замалчивания успехов учителей. Сама профессия требует умения воспринимать ученика равноправной по отношению к себе, непременно любимому, личностью. Да, ещё не

раскрывшейся, не предъявившей все свои способности, не имеющей выразительных практических результатов в освоении жизни, но уже личностью. Именно здесь тезис о том, что ближнего следует любить не менее, чем себя, применяется как ни в какой другой области отношений. Учитель поэтому спокойно отходит в сторону, давая ученику возможность заявить себя. Нередко из-за этого у растущего человека возникает иллюзия, что он учителя перегоняет.

Для того чтобы понять, что сделали для меня мои школьные учителя, я должна была сама 15 лет побывать в учительской школе и параллельно освоить ещё несколько профессий, дабы получить опыт общения со многими и разными людьми. Педагог работает на будущее, уловить в настоящем его достижения весьма проблематично. Можно, конечно, просто положиться на то, что называется репутацией, – она обычно известна в той местности, где он трудится. Но это есть результат коллективного эмоционального восприятия – учеников, их родителей, других учителей – того, что он делает, не более. Можно задать некие математические параметры и измерить ими педагогический результат. Это делается постоянно: то процент успеваемости, то баллы ЕГЭ, то число поступивших в вузы школьных выпускников. Но и это мало что сообщает о влиянии конкретного учителя на конкретного ученика.

Разумеется, школа – не единственный фактор воздействия на растущего человека. Глуп тот, кто считает, что его учительство (или родительство) – главное, что есть в среде обитания ребёнка, а значит, и его воспитания. Картина всегда довольно сложная. Однако это не позволяет учителю и приуменьшать своё участие в жизни ученика. Такая тенденция сейчас прослеживается довольно явно, проистекает она в том числе и из вынужденного перехода российского общества к буржуазной педагогике, которая, как ни крути, а строится на опасной для развития личности теории полной зависимости человека от среды. Хотя декларативно внушается, что у всех в так называемом демократическом обществе есть возможности для успеха.

ЮНЕСКО в 1988 году объявила имена четырёх педагогов, оказавших на человечество в XX веке наибольшее влияние. Это были Антон Макаренко, Мария Монтессори, Джон Дьюи и Георг Кершенштейнер. Про первого из этих людей в СССР говорили очень много. И правильно делали: Макаренко работал со сложными подростками, бывшими беспризорниками, он организовал в колонии настоящее производство фотоаппаратов, которое помогало этим «отбросам» найти себя в полезном труде. Конечно, там не всё было гладко и сладко, но Макаренко доказал, что даже такие трудные люди поддаются педагогическому влиянию. Он был довольно дружен с Максимом Горьким и по его совету написал книги «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». Если

бы этих книг не было, наверное, многие так и не узнали бы, что, собственно, делал Макаренко для своих воспитанников. У него, кстати, было достаточно врагов – как у всякого незаурядного человека. В перестроечные годы они вновь зашевелились и обвинили педагога в антигуманных методах работы.

Зато весьма популярным у нас стало упоминание Дьюи. Только лишь потому, что он сам себя провозгласил гуманистом. Придумал он то, что всегда было известно: человек должен хорошо приспосабливаться к различным ситуациям. Посему задача педагога – моделировать разнообразные положения, которые предлагает реальный социум, и наблюдать за тем, как ребёнок к ним адаптируется. Гуманизм же сводился к тому, что ученика не следует утруждать «отвлечёнными» материями. Американские учителя вспоминают, что в 1920-е годы в результате увлечения школ идеями Дьюи многие выпускники не умели ни писать, ни читать.

Если уж говорить о педагогах-гуманистах XX века, то следует вспомнить о Василии Сухомлинском. Да, опять советский период. А что вы хотите? Культурный поиск в это время шёл очень активный, он проявился и в педагогике. Не ограничение оперативной приспособляемостью к среде, а возможность её осмысленного возделывания для обеспечения личностного развития каждого – вот что занимало лучших педагогов СССР. Такой социальный акцент за кордоном пытались объяснить как причёсывание всех под одну гребёнку. У формалистов, в самом деле, только и получается, что подобное причёсывание. Сухомлинский же был очень тонким, я бы даже сказала, поэтически настроенным человеком. Это чувствуется во всём, что он написал. Подозревать его в невнимании к отдельному ребёнку – кощунство. Причём он не был оторванным от реальности мечтателем: учителя павлышской школы, где он директорствовал, вспоминали его как очень строгого, немногословного, быстро находящего нужное средство для разрешения той или иной проблемы. О Василии Александровиче много писал и Симон Соловейчик, он считал своим журналистским долгом рассказать об этом выдающемся педагоге. Если бы себе такой долг вменили и другие, культура наша только бы выиграла. Но, увы, мы всё ещё ленивы и нелюбопытны.

Есть интересные имена и в более далёком прошлом: Иоганн Песталоцци, Жан-Жак Руссо, Константин Ушинский, Лев Толстой. Их идеи не бесспорны, но все эти люди мучительно размышляли над тем, как должно вести себя взрослому, чтобы не навредить ребёнку, а напротив – развить лучшее, что в нём есть, и тем самым приумножить это лучшее в обществе. Конечно, каждый из них был в плену у того времени, которое застал, но ведь каждый был и заложником вечности, если верить поэту. :)

Знаете, существует такой смешной спор о писателях-врачах и писателях-учителях. Мол, врачи известны, а учителя – нет. Значит, и писатели они плохие, и про человека что-то недопонимают. Это неправда (посмотрите только на имена тех, кого я перечислила выше). Настоящий учитель приближается к тому пониманию человека, перед которым все писания блекнут. :) Однако он скромнен – он другим быть не может. А наша пошлая среда остервенело кричит о тех, кто и сам о себе кричать горазд.

Глава 5. «Первая сентября». Гамбургский счёт к шопоголичкам

Логотип газеты «Первое сентября»

Как пробную для новой газеты, я написала небольшую заметку под названием «Легко ли быть свободным?». Там заавыка была в том, чтобы спросить учителя (да и вообще того, кто считает себя человеком культурным), может ли он, без оглядки на что-либо и кого-либо, предъявить себе личный образовательный счёт. Да-да, тот самый, который принято называть гамбургским.

И. передала текст своему знакомому. К моему удивлению, редакция ответила очень быстро (обычно у нас любят помусолить «начинающих»). Я отправилась на встречу с главным редактором. Выяснилось, что редакция у издания небольшая, всего несколько человек. Симон Соловейчик силился вспомнить, где он меня уже видел, но я разговаривать об Останкине не торопилась. Надо сказать, что он всегда очень радовался, находя полезного для своей газеты сотрудника, и даже старался его подбодрить каким-нибудь выражением типа «А вы выдающийся человек!» В то время он был уверен, что доброе слово – это и есть доброе дело в каких угодно отношениях. Жизнь не преминула его поправить...

Поскольку я свою статейку рассматривала и как вопрос к редакции по поводу её идеологической ориентации, такое скорое приглашение к сотрудничеству означало согласие с тем, что для меня мировоззренчески важно. Соловейчик объяснил, что газета, которую он затеял, никогда не будет ругать учителей, а будет пытаться вести с ними спокойную, но глубокую беседу о

человеке. Отсюда и девиз – «Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики!» Выходить она будет трижды в неделю на четырёх полосах (страницах) формата А2. Каждая полоса – отдельная тема. Первая – новости, авторские колонки, передовая программная статья номера. Вторая – практическое школьное дело. Третья – теоретический фундамент, мир идей. Четвёртая – либо родительское воспитание, либо события культуры.

И вот, представьте себе, вторую статью, уже довольно объёмную, я написала о том, каким серьёзным препятствием для развития учителя могут быть толстокожие тётки, которых немало везде, в том числе и в школе. Тема была подсказана непосредственно жизнью: мой знакомый бросал педагогическую практику из-за засилья в его трудовой конторе этих невыносимых шопоголичек, пишущих с орфографическими ошибками. Прочитав материал, Соловейчик задумался.

- Так, мы договорились учителей не ругать...

- Я не ругаю. Я называю вещи своими именами. Проблема-то существует, и она серьёзная.

- Это так. И статью я опубликую. Меня другое удивляет... Ты говоришь не самые приятные вещи, но это не звучит агрессивно и безнадёжно...

- А может быть как-то иначе?

- Конечно. Откуда, ты думаешь, чернуха берётся в журналистике?

- Да-да – журналист буйно радуется: а вот ещё какая гадость существует на свете!

Засмеялся:

- Что-то вроде.

Нет, я не буду вам рассказывать про каждую свою статью в «Первом сентября». Их, конечно, за несколько лет работы в этом издании накопилось предостаточно. Но эти первые две были особенно важными для меня, потому что многое высветили в жизни самой редакции. Довольно быстро я поняла, что Соловейчик определяет для газеты некие просвещенческие цели, а те люди, которые находятся с ним рядом, видят и учителя, и школу как не самые интересные предметы для внимания. Более того, они не очень понимают и собственно издательскую технологию, то, что называется предпечатной подготовкой СМИ.

Первое дежурство на выпуске тоже помню отчётливо. Газету нашу

печатала тогда типография «Красной звезды», и редакционные сотрудники по очереди ездили туда вычитывать полосы перед отправкой в печать. Так как я раньше никогда не принимала участия в такой работе – только сдавала свои статьи в издания и получала уже готовые номера, – мне была довольно интересна эта внутренняя кухня. Метранпаж, который вёл «Первое сентября», оказался человеком очень добросовестным и даже читающим саму газету (не удивляйтесь – «своё» издание даже многие журналисты не читают толком). Опытным профи был и ответственный секретарь, который совершенно поразил меня тем, как его поведение в типографии отличается от того, что я наблюдала в офисе редакции. Там он был молчаливым, замкнутым – здесь уверенным в себе, жизнерадостным, чётко делающим своё дело. Проработал он, к сожалению, в газете недолго, потому что не вынес диктата редакторов, считающих себя «белой костью». Вместе с женой они перешли, кажется, в «Огонёк».

На этом самом первом дежурстве я обнаружила на своём столе номер с упомянутой выше статьёй про толстокожих тёток. Она вся была испещрена замечаниями какого-то анонимного читателя. Записи были весьма несурзные, часто опять-таки даже попирающие орфографию, но очень громко кричащие о том, что я наступила кому-то на большую мозоль. И не лень же было этому кому-то столько корпеть над «неправильной» статьёй! Я даже развеселилась: тётенькам глубоко за тридцать, а они всё ещё топчут чужие куличики в песочнице. Но и задумалась: значит, и в моей дорогой редакции поселились невыносимые шопоголички...

Соловейчик, спеша делать добро, невольно окружил себя просто знакомыми и детьми своих знакомых. Он их трудоустроил. Так поступали (и поступают) многие неопытные владельцы и управленцы самых разных предприятий. Разумеется, им же это выходит боком. Несоответствие своих новых коллег занимаемым должностям Симон Львович обнаружил быстро. Хотя в какой-то степени он был готов с этим мириться, думая, что научит их нехитрой, в общем-то, работе. К тому же он полагал, что авторы для газеты важнее, чем редакторы. Главный ужас был в том, что образовавшаяся редколлегия не разделяла его педагогических взглядов, входящие в неё женщины просто выслушивали шефа и что-то делали под его диктовку. Был даже такой драматический момент, когда он решился всех уволить и набрать сотрудников заново. Но сам же не выдержал жёсткой меры и вернул этих уволенных. Касалось это только редколлегии – корректоры, бильд-редактор, фотографы, верстальщики, распространители, типографские сотрудники были вполне качественными.

Грустно мне это говорить, но человечность и даже личная талантливость

не избавляют руководителя любого предприятия от ответственности за то, как строятся функциональные и этические отношения в команде. Соловейчик был очень добрым, порядочным, эрудированным человеком, однако беспомощным управленцем и педагогом (что не мешало ему точно определить педагога в другом). Правда, для всех была очевидна его литературная одарённость, и она отчасти – вместе с добротой, порядочностью и эрудицией – спасала положение.

Как я уже сказала, он делал упор на авторский состав, поэтому в газете одно за другим появлялись новые лица. Среди них было много способных людей, но они вынуждены были после радужных диалогов с главным редактором представлять перед сбившимися в стайку дамами, жаждущими признания своих регалий. Последние «клали под сукно» всё, что им не нравилось, а не нравилось им многое, не написанное самим Соловейчиком – это заиграть в дальних ящиках было нельзя. Ему приходилось напоминать о припрятанных статьях, объяснять лишний раз, чем они на самом деле хороши и полезны для газеты. Дамы подчинялись, а потом бурно между собой обсуждали отношения главного редактора с очередным автором. Впрочем, это старо, как мир: ленивый обыватель по предъявлению гамбургского счёта норовит прикрыться регалиями и связями за неимением ничего иного.

Как я сквозь такие барьеры прорывалась? А мне помог педагогический опыт. Он ведь работает не только там, где дети, – он решает довольно сложные этические задачи везде, где есть люди. Америку не открываю, это известно любому учителю.

Глава 6. Философическая дурь. Особенности женской групповухи

В 1990-е годы в Россию хлынули коммерсанты со всего мира. Ещё бы – новая рыночная территория всегда сулит быстрые прибыли. Но экономические

интересы должны быть прикрыты привлекательными для аборигенов игрушками, в том числе «культурными». Интеллигенцию нашу охмурили «иррациональными способами познания» и «доминантой субъекта», ведущими якобы к настоящей свободе. Надо сказать, что с истинно гуманитарным образованием у нас (да и везде) большая беда. А без него купиться на всякие глупости, которые то и дело рождает воображение, – пара пустяков. Особенно, если все вокруг уже купились. Логика никак не присутствует в реальном преподавании гуманитарных наук, ученики лишь послушно повторяют за «гуру» то, что те «открыли в моменты просветления». Число просветлённых гуру растёт внушительными темпами, а люди всё больше верят в то, что Солнце вращается вокруг Земли.

У Симона Соловейчика был непростой путь к своей газете. Как всякого одарённого человека, его мучили в редакциях, коверкали статьи, блокировали публикации. В пятьдесят лет он круто изменил свою жизнь: ушёл из журналистики вовсе и завёл другую семью. Вместе с женой его приютил у себя на даче писатель Анатолий Рыбаков. Жили они тогда почти впроголодь, но надежды на лучшее будущее не теряли. В переломные 1990-е Рыбаков уехал в США. Через него Соловейчик познакомился с какими-то людьми, которые вложили деньги в новую российскую газету для учителей и родителей. Сам он полагал, что она станет продолжением линии, обозначенной в 1980-е «Учительской газетой» и «Педагогикой сотрудничества». Отчасти это сделать удалось.

Как и многие, Соловейчик поначалу был совершенно очарован возможностями, которые дарил ему изменившаяся социальная реальность. Старший сын его отправился на учёбу в Америку (это плюс к психфаку МГУ), жена устроилась в российское отделение «Рейтер», сам он получил трибуну, с которой мог говорить без помех всё, что считал нужным. Более того – он попробовал себя в совершенно ином творческом деле, сочинил целую газету, и она оказалась востребованной. И он поверил в капитализм. В то, что такой способ экономических отношений осчастливит каждого россиянина. Немалую роль в этом смысле сыграло и общение с Анатолием Чубайсом, который в ту пору был не меньше воодушевлён вездесущим рынком.

Третья (философская, как её называли в редакции) полоса «Первого сентября» быстро заполнилась всякими изысками о Сёрене Кьеркегоре, Эдмунде Гуссерле, Мартине Хайдеггере, Карле Ясперсе. Много всякого было написано и о методике Марии Монтессори и школах Рудольфа Штайнера. Не хочу обидеть никого из перечисленных, но только слепой может не заметить, что все они, вольно или невольно, ограничивали личность в её развитии чувственными инструментами восприятия. Для познания себя и мира человеку

этого ох как недостаточно.

В общем, как вы понимаете, я не вписывалась полностью в то, что делал Симон Соловейчик. Но, возможно, именно это и послужило основанием для нашей дружбы. Она не требовала бесконечных встреч и разговоров «вживую» – мы были в состоянии диалога благодаря самой газете, тому, что и как мы для неё писали. Хотя, конечно, и наши дискуссии за её пределами тоже делали своё дело. Иногда они обретали характер очень острый, даже непримиримый – я заявляла, что наша третья полоса распространяет дурь. Главный редактор вздыхал и предлагал написать что-нибудь о поэтах, которые тоже всегда мыслители. Помню, я сделала-таки эссе о Марине Цветаевой для этой «умной» полосы. Помню также и тот факт, что Соловейчик сам взялся его сокращать – материал оказался объёмнее печатной площади, которая была позволительна. Только после его смерти мне был явлен настоящий профессиональный уровень других редакторов, и этот эпизод стал понятен.

Несмотря на солидный уже возраст, Соловейчик сохранил ту застенчивость, которая часто отличает глубокого и совестливого человека, он многие вещи не мог говорить людям в глаза, опасаясь, что его поймут неправильно. Видя, что редколлегия ведёт себя, мягко говоря, нецивилизованно, он придумал для неё воспитательный крючок – «Пушкинские проповеди». Конечно, они были написаны и в помощь учителям. Но, в первую очередь, именно для наших родных редакционных тётенок. Он выбирал какое-нибудь стихотворение и его строфами объяснял, почему человек должен быть добр. Однажды он сознательно допустил в такой проповеди фактическую ошибку, по которой я поняла, что наш персональный диалог для него важен. Мы оба хорошо знали биографию российского поэтического солнца, поэтому «пароль» сработал. Думаю, что такая игра была у него и с другими авторами – это и интересно, и полезно. Тем более в ситуации, когда редколлегия очень тщательно отслеживает все «отношения». Была и ещё одна специальная воспитательная рубрика – «Стыд неграмотности». Тоже призвана была работать на внутреннюю и внешнюю аудиторию.

Женские группы – вообще большая проблема для руководителей. Они требуют «демократии», то есть равного внимания к каждой даме, признать «выдающуюся подругу» они могут только в случае обгона последней прочих на несколько порядков. Если лидер в женской стае – номер один, то все другие – номер двадцать один. Но именно все. Поэтому зачастую никакого лидера вообще нет, а есть двочки-троечки, легко меняющиеся партнёрами по «дружбе». Пунктирная коммуникация, дающая чисто эмоциональную подпитку, куда важнее устойчивой информационной или деловой коммуникации. В крайнем случае, право на какую-то значимость получает старшая по возрасту –

но она находится, скорее, вне группы, чем внутри её. Что интересно, при этом каждая женщина себя считает наиболее «правильной», у неё есть некая самоуверенность. Видимо, сказывается тысячелетиями длившееся соревнование в очень неестественных, ограниченных социумом, условиях. У мужчин подобное поведение тоже имеет место в случае слишком большой зависимости от обстоятельств, а не от собственной деятельности. Но они, к счастью, запрашивают от окружения комплименты реже и присутствие лидера в группе воспринимают как должное.

Как я уже заметила, мне в отношениях с редакторами «Первого сентября» помог имеющийся ко времени описываемых событий опыт работы в школе. Однако там засилье женщин к столь уродливым формам общения, с которыми я столкнулась в редакции, всё-таки не приводит. Спасает невозможность спрятаться за чужими спинами, необходимость хоть как-то, а работать самостоятельно – учитель же не может месяцами отменять уроки и всё своё внимание сосредоточить на сплетнях и интригах.

Сначала мне была довольно странна потребность моих редакционных коллег в индивидуальном внимании – а я почувствовала её быстро и даже несколько рассердилась: взрослые люди оказались более зависимыми от моего участия в них, чем дети! Ребёнку предложишь какое-нибудь занятие – он и доволен, вполне сам при себе трудится, забывает о тебе. А эти большие тётки ежеминутно ждут, чтобы каждую погладили по голове и подтвердили, что она прекрасна.

Булат Окуджава прав, конечно: людям не стоит стесняться говорить друг другу комплименты. Но это ведь должны быть объективные оценки, а не дешёвый ритуал, бессмысленность которого для каждого очевидна. Хотите расположить человека к себе, снять с него колючую и тяжёлую кольчугу недоверия ко всем? Найдите в нём сначала то, что на самом деле хорошо, и разверните этой стороной его к себе – он будет вам за это по-настоящему благодарен и даже смирится со своими несовершенствами. Может быть, не сразу и не на всю оставшуюся жизнь. Но тем не менее. А если вам удастся произвести такие отдельные развороты со всеми участниками «дикой» группы, она в целом обязательно станет чище.

Глава 7. Свобода педагогического действия. Пустословы против вдохновителей

Рынок в Грозном после бомбёжки

В 1994 году Симон Соловейчик написал новый педагогический манифест – «Человек свободный». В нём он провозгласил необходимость воспитания такого человека, для которого внутренняя свобода – естественное качество, помогающее избавиться от страхов перед людьми и жизнью. Большое внимание он уделил понятию совести, которая, по его мнению, существует как в индивидуальном варианте, так и в общественном. Чтобы ребёнок не заглушал в себе совесть, он должен расти не в атмосфере угнетения и насилия, а среди внутренне свободных воспитателей.

И мы опять взяли спорить. :) Интеллигенция преклоняется перед талантливыми людьми (правда, чаще на дистанции – временной или пространственной), поэтому много рассуждает о становлении отдельной личности. Внимание такое, конечно, необходимо – каждый человек неповторим, в процессе обучения он должен чувствовать, что его индивидуальность важна наставнику. Но если параллельно не заниматься теми связями, которые устанавливаются между разными личностями и определяют атмосферу свободы/несвободы для всех (то есть для каждого опять-таки), то, разумеется, совесть придётся заглушать. Учитель не может быть просто улыбающимся наблюдателем при учениках. Он обязательно лицо действующее, а действие его может быть ученику не сразу понятно и – о ужас! – в какой-то степени некомфортно. Современная буржуазная педагогика всё время транслирует тезис о ласкательном обращении с ребёнком, которое оборачивается полным равнодушием к нему. При этом подростки в своей среде демонстрируют чудеса жестокости.

В то время, как из шляпы фокусника, стали выскакивать различные модернистские школы. Про все из них говорить не буду, но многие просто освободили себя от всякой ответственности целенаправленно и в учебном, и в воспитательном процессах, то есть как бы пошли не рядом с ребёнком, а позади него. Намучившись советскими лживыми декларациями, интеллигенты наши решили, что возможен социум вообще без идеологии, а всякая организация подросткового общежития не входит в обязанности педагогов, воспитание – долг родителей и только. Если вы смотрели сериал «Школа» Валерии Гай Германики, то должны были почувствовать ту растерянность, беспомощность и персонажей-учеников, и персонажей-учителей, и персонажей-родителей, которая сквозит во всех уголках мира, отображённого камерой.

Соловейчик не соглашался с тем, что мы живём в буржуазной стране. Он думал, что человечество подбирается к той эпохе, когда число внутренне свободных людей должно стремительно увеличиться, а значит, они построят некие справедливые государства – в том числе в России. Вместе с тем, он всё больше попадал в зависимость от тех людей, которые участвовали в его издании экономически. Сын уже вернулся из Штатов и начал строить свой бизнес. Чем в целом он занимался, я не знаю, но отчасти и издательством – многочисленные приложения к газете «Первое сентября» были в его ведении.

В 1995 году впервые прошла Всероссийская олимпиада по литературе. В советский период таких мероприятий не проводили. Оно и понятно: упор делался на точные и естественные науки, которые обслуживали интересы государства в оборонной промышленности. Горько об этом говорить, но за организацию первой литературной олимпиады министерство образования взялось под нажимом фонда Джорджа Сороса, который в то время вёл себя чрезвычайно активно на «освободившихся от идеологии» российских просторах. Ещё через год была проведена первая Всероссийская олимпиада по русскому языку. Финансов в образовательной системе страны тогда было с гулькин нос, учителя в регионах месяцами не получали зарплату. Однако ловкачи уже смекнули, что можно делать деньги на крупных образовательных проектах, манипулируя тезисом деидеологизации и входящими в обиход жадной своры из чиновников и коммерсантов откатами.

Поскольку газета «Первое сентября» поручила мне освещение олимпиады, я отправилась в Ярославль, где оргкомитет решил устроить это мероприятие. Уже не очень помню, как именно тогда строилось всё дело. Конечно, было несколько этапов, в каждом отбирались наилучшие работы. Часть из них была письменными, часть – устными. Разумеется, были номинации и для учителей. В одной из них победил представитель принимающей стороны, словесник одной из ярославских школ. С ним у меня произошла нелепая история. Несколько раз

я обращалась к нему за небольшим интервью, но он отговаривался занятостью. Уже все прочие педагоги-номинанты были опрошены, уже организаторы олимпиады с удовольствием рассказали мне о том, что им показалось наиболее полезным, уже я подружилась со старшеклассниками, с которыми мы обменивались интересными книгами, – а этот блестящий господин всё вытанцовывал передо мной свою значительность. Соседка по номеру смеясь сказала мне: «Вы же заметная женщина, вот он и дурит!» Ах, вот в чём дело... его величество полагает, что у меня к нему дамский интерес? :) В общем, когда в очередной раз словесник этот стал кривляться, пришлось чётко сформулировать, что перед ним не женщина, а журналистка, посему либо он говорит в диктофон нечто, имеющее отношение к олимпиаде, либо я в своём очерке ограничусь упоминанием его имени. Выбрать пришлось, естественно, второй вариант – наш победитель посерел лицом, опять что-то проямлил про занятость и сбежал от меня подальше.

Был и другой памятный эпизод. В олимпиаде приняла участие небольшая группа чеченских девушек. Они подготовили литературную композицию из стихотворений русских классиков. Выступала эта группа в концерте как раз вслед за петербуржцем, читавшим отрывок из «Войны и мира», тот самый, где Лев Толстой говорит о противоестественности войны. В декабре 1994 года по Грозному был нанесён первый бомбовый удар, к марту 1995-го город был практически разрушен. Девушки закончили читать стихи и обратились к залу с очень эмоциональным текстом: мы же так долго жили в одной стране, за что теперь убивают наших мальчиков? Публика притихла. Но что могли сказать друг другу все собравшиеся здесь люди? Что они-то никаких войн не хотят, что есть государственные интересы, которые то и дело идут в разрез с человеческими? Но более всего меня удивила одна женщина, уже зрелых лет, из числа экспертов. Она объяснила поступок чеченок очень просто: учительница привезла их в Россию, чтобы выдать замуж. И почему недалёким людям везде видится только половая озабоченность?

Когда на следующий год я попала на такую же олимпиаду в Великий Новгород, она показалась мне более уверенной, организаторы учли критические замечания и по формальной, и по содержательной части конкурсов. Однако в кулуарах много говорилось о том, что литература неправильно преподаётся в школах, это чувствуется в том, что делают на олимпиаде старшеклассники – а их ведь отбирали со всей страны как лучших. Но, увы, частенько разговоры эти сводились к спискам произведений, именам писателей, бесконечным сетованиям «они в этом возрасте понять не могут...». Опять та же проблема – мы забываем, что все программы и методики зависят от цели, которую ставит преподаватель. В случае с литературой это укоренение потребности в

достаточно глубоком чтении, потому что только такое чтение развивает и чувства, и разум. У нас же в результате многолетнего бормотания о бездоказательном величии классики вырастают люди, либо вообще не читающие, либо принимающие за литературу всякий словесный суррогат.

Учителя, сопровождавшие своих питомцев на олимпиадах, были при всём при том очень любопытствующими. Они напоминали мне коллективного Пьера Безухова, приехавшего на вечер к Анне Шерер и ожидающего непременно умных, эрудированных собеседников. Среди экспертов таковые находились, но, прямо скажем, не всегда: на клетке кролика, как известно, нередко красуется надпись «лев». Удивление и отчаяние школьных сотрудников, сталкивающихся с элементарным пустословием, тоже бывали непомерными. Тогда они уподоблялись курируемыми ими подросткам, бросали вызов требованиям политеса, выразительно показывали всем своим поведением, насколько они недовольны теми, кто берётся их чему-либо учить. Очень жаль, что организаторы олимпиады не включили в её программу развёрнутые педагогические дискуссии. Хотя, может быть, со временем что-то изменилось – я давно на таких встречах не бывала.

Вторая полоса «Первого сентября», на которой я в основном печаталась, была, пожалуй, наиболее содержательной в газете. С её помощью удавалось передать живое дыхание самой школы. У неё было самое большое число постоянных авторов, зачастую они переходили к нам работать именно из образовательных учреждений. Особенно в этом смысле пригодилась придуманная Симоном Соловейчиком рубрика «Четверговая школа». В ней раз в неделю, по четвергам (день был выбран случайно), рассказывалось о какой-нибудь реальной школе. Конечно, попадавшие на эту «доску почёта» педагогические коллективы гордились вниманием к ним газеты. Но задача журналистов была не в том, чтобы петь дифирамбы, а в том, чтобы на конкретном примере рассказать о движении, которое обязательно сопутствует настоящему творчеству, об особенностях творчества педагогического. Очерки из этой рубрики вдохновляли учителей, которых опасная школьная рутина стремится превратить в «человеков в футляре». Именно благодаря отношению газеты к учительству как творческой части общества педагоги того времени называли «Первое сентября» своим любимейшим изданием. Было и ещё одно важное обстоятельство – Симон Соловейчик вёл себя независимо с чиновниками и многочисленными представителями околонаучной образованческой братии. Учителя чувствовали и этот момент, тоже их вдохновляющий.

Одиозное словосочетание «стандарт образования» возникло в российской педагогической жизни тоже в 1990-е годы. Это и печальная, и смешная история одновременно. В нашей стране нет ни одного педагога, который не застал бы своё время реформы или модернизации образования. А уж в последние десятилетия этой дерготни прибавилось столько, что на каждого учителя уже приходится несколько реформ/модернизаций. Ну, мы же всё время переделываем социально-экономическую жизнь, стало быть, хотим, чтобы из школ выходили такие человеческие единицы, которые вписываются в обновлённые реалии, как солдаты в армию.

Буржуазная революция, разумеется, тоже сказала своё веское слово. Те реформаторские потуги, которые имели место в середине 1980-х годов благодаря перестройке, быстро объявили вредными и античеловечными – как всё, связанное с советским периодом и с коммунистической идеологией. Исчезло министерство просвещения, появился Государственный комитет образования. Когда распался СССР, он трансформировался в министерство образования России, а с 2004 года – министерство образования и науки РФ. И всякий раз обновлённая вывеска на главной педагогической конторе приводила к созданию какого-нибудь научного объединения по проведению реформаторских мероприятий. Первое время в эти объединения ещё входили люди из Российской академии образования, потом их сменили представители Высшей школы экономики. Мысль о необходимости стандартов в образовании возникла очень просто: на западе они существуют, пусть и у нас будут. Вообще – зачем велосипеды изобретать? Возьмём их на милом западе и поедem в

светлое будущее.

Как только ни оправдывали эту затею! И содержание-то образования без стандартов никак не улучшить, и детям-то невозможно сориентироваться при переходе из одной школы в другую, и поднять-то уровень знаний самих учителей без этой волшебной меры просто невозможно... На деле же возник весьма прибыльный бизнес для образованческих дельцов. Нет, многие разработчики этих (всё быстрее сменяющих друг друга) мертворождённых бумажек не отдавали себе отчёта в том, что происходит, они искренне полагали, что способствуют чему-то важному.

Вдумайтесь: зачем нужен какой-то стандарт параллельно учебной программе? Ведь качественная программа – это фиксация конкретной цели, которая стоит перед преподавателем (для каждого ученического возраста – отдельная, с учётом возможностей его сознания, но работающая на обозначенный для всей предметной области результат) и перечень необходимых средств для её достижения (то есть конкретные задачи, которые должен уметь решать ученик). Всё. Что вы там, учёные господа, ещё мусолите?

Вместо этого в программу впахивается растущий, как на дрожжах, статистический материал, который при ближайшем рассмотрении есть несусветный сумбур, только отрывающий и учителя, и ученика от реального сотрудничества в познавательном процессе. Но это ещё ладно – толковый учитель умеет вытряхнуть всё лишнее и сосредоточиться на тех моментах, которые действительно связаны с целью, к которой он идёт. А бестолковый? А бестолковый выхватывает некоторые случайные фрагменты, которые близки его субъективному вкусу, и смакует их перед учениками. И вот вслед за стандартами, которые представляют собой ту бабу, что хочется сбросить с воза, российскому образованию навязали тестовые методы проверки усвоенного материала. Этого не могло не произойти – подмена программы стандартом требует всё большей формализации, которая как бы демонстрирует... индивидуальный подход к ученикам. Ну, у них же разные баллы по ЕГЭ – что ещё нужно? :)

В общем, не стоит удивляться тому, что теперь мы наблюдаем так часто фикцию обучающей деятельности. И в школе, и в вузе. Те велосипеды, которые с горячностью оседлали строители спасительной демократии два десятилетия назад, в другую сторону привезти не могут. Если Цукерберг – пронырливая посредственность, извлечённая рулевыми рынка из недр суперпуперрейтингового Гарварда, – представляется неискушённым жертвам образовательного стандарта властителем дум, то о чём говорить? Российские же педагоги опять виртуозно разговаривают на двух языках: на одном – с

детьми, на другом – с чиновниками. А это не только нелегко, но и не всегда безопасно.

Симон Соловейчик не уставал писать о вреде стандартизации в образовании. Ведь если главное слово для желающего обновиться общества «свобода», то школу надо не контролировать без конца, не выматывать бессмысленными инструкциями, а просто пустить в самостоятельное плавание. Да, обсудить программы, сконцентрироваться на главном, переписать, воспринять как обязательные для всех маршрутные листы, – ну и хватит. Всё равно на самом деле образовательные учреждения разные, как ты их ни причёсывай. Формальное, общее для всех людей, поддерживается самой природой в нужной мере – зачем мы ей не доверяем?

Но многим в те годы не давали покоя лавры организаторов нового образования. Они успешно выплеснули ребёнка из корыта – сначала как-то кривенько научились произносить само словечко «стандарт», потом подводить под него некую спасительную теоретическую базу, потом уже с жаром доказывать, что без него российскому образованию надо сыграть реквием... Я не о чиновниках: они всегда слуги власти, действующие по принципу двух «у» – угадать и угодить. Я о тех, кто гордо называл себя философами образования.

Где-то к 1995 году произошёл идеологический кризис у самого Соловейчика. «Будем держаться вместе», – сказал он мне полушутя, когда я сообщила, что собираюсь оставить педагогическую практику и зарабатывать хлеб насущный только журналистикой. И добавил уже грустно: «Конечно, тебе надо сосредоточиться на своей литературе...» Я не очень поняла тогда подтекст этой фразы: его заслонило странное выражение «своя литература» – мою писанину можно назвать литературой? Потом только дошло, что у него всё не так гладко, как может показаться, что его мучает что-то и более того – ему нужна помощь, но он не решается о ней просить.

Я перебралась на работу в редакцию. С редколлегией на тот момент отношения стабилизировались, хотя, конечно, не только благодаря моим усилиям, но и открытой поддержке Соловейчика. Но теперь коллеги получили возможность общаться со мной чаще и подробнее. С одной стороны, это делало наши контакты более содержательными. С другой стороны, я ещё отчётливее, чем раньше, видела пропасть между главным редактором и его ближайшими помощниками. Хотя утешала себя тем, что она образовалась вследствие масштаба личности руководителя: как ещё эти барышни могли с ним соотноситься?

Однако главная беда заключалась в том, что всё более кристаллизирующаяся в капитализм социальная реальность уверенно кричала:

человек не важен – важна прибыль. А значит, нужны опять же теоретические пассажи для приглушения этого акцента. Нет-нет, ну что вы, россияне: это всего лишь трудности переходного периода, потерпите, пока у нас рынок дикий, это этап первоначального накопления капитала, а дальше всё устаканится. Какое накопление капитала, в каком заповедном российском месте он сам собой образовался и начал это своё накопление? Его завезли в страну, и он благополучно заработал на рулевых международного рынка, которому дикое состояние уже давно нигде не грозит.

Открыла «Первое сентября» – на «культурной» полосе небольшая заметка Соловейчика о том, что американские мультфильмы полезны для здоровья маленьких детей. Захожу в кабинет главного:

- Это какие мультфильмы? Там, где всё гремит, визжит, падает, дёргается, взрывается? Или где странный медведь в маечке до пупа мотается из стороны в сторону?

- Ну, почему ты так?.. Они тоже неплохие...

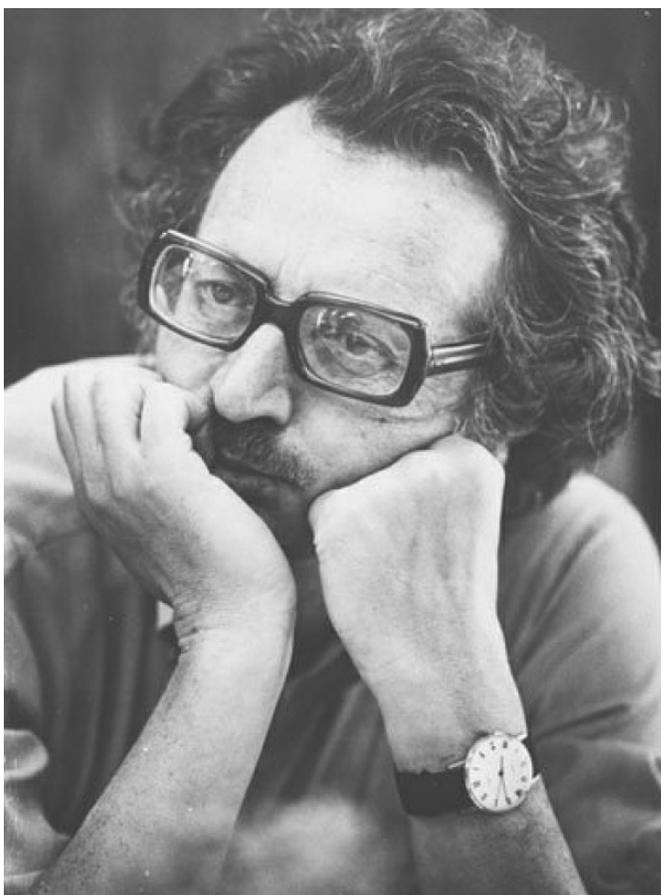
- Неплохие. Но с нашими рядом не стояли. И именно по части полезности для здоровья маленьких детей.

- Понимаешь, так надо. Мы же современные люди и на своей культуре заикливаться не должны.

- Да я не про то. Не в том дело – наши или не наши. Если б художественный уровень Диснея действительно превосходил то, что наши мультипликаторы сделали, я бы слова не сказала. Но ведь он просто толковый ремесленник. А уж польза для здоровья при таком звуке и такой суете в кадре...

Он отмолчался. Через пару недель опубликовал огромную статью о Макаренке. Тогда как раз очень модно было его пинать ногами. Правда, статья получилась больше не про педагогическое мастерство, а про личную жизнь замечательного человека – и всё же хотя бы таким образом Соловейчик выразил несогласие с поведением тех, кто готов был топтать «всё прежнее».

Глава 9. Красота в роли зубной щётки. Октябрьские прощания

Симон Соловейчик

Уход из школы позволил мне освободить время для литературного творчества. Редакционной работой Симон Львович меня слишком загружать не считал возможным, так же, как и многих других – как я уже писала, он полагал, что журналистов-авторов нельзя мучить скучной рутинной. С одной стороны, я должна его за это благодарить, с другой, он загнал себя в жесточайшую необходимость контролировать процесс выпуска газеты – на всех его этапах, во всех мелочах. Конечно, это неправильный подход к делу, в таких условиях полноценная деловая команда не рождается. А ведь людям – каждому работнику – хочется чувствовать себя достойными, значимыми участниками общей деятельности.

В 1996 году у Соловейчика обострилась сердечная болезнь. Российские врачи сказали, что нужно ехать в Голландию, дабы выяснить возможность операции. Он понял, что вероятность скорого ухода из жизни для него велика. В начале августа он собрал всех сотрудников и объявил, что газета будет существенно обновлена – даже написал по этому поводу специальную разъяснялку, и по части идеологии, и по части организации. И представил

нового ответственного секретаря, В.С., которому поручил внутреннее руководство изданием. Объявил и о своей предстоящей длительной поездке за рубеж, правда, не уточняя её цель.

Меня на этом собрании не было: я заканчивала отпуск в Санкт-Петербурге. Когда же я пришла в наш офис, застала довольно странную картину. Стояла какая-то тяжёлая тишина, казалось даже, что во всех комнатах стало темно. Вошла в ту, где был мой компьютер. И увидела В.С.

- Ой! Здравствуйте. Я обозреватель, из отпуска вернулась, тут вот моё рабочее место...

- А теперь здесь я сижу, ответственный секретарь... Мы позднее придумаем что-нибудь для обозревателей.

- То есть пока можно вещичками пользоваться?

- Ну, конечно!

Я почувствовала, что В.С. явно обрадовался моему появлению. Он оживился, стал звонить каким-то знакомым. Потом как-то напряжённо попросил секретаря передать сотрудникам, что хочет с каждым познакомиться поближе и просит зайти к нему. Я решила не мешать новоявленному руководителю в этом деликатном деле и предприняла обход соседей. Действительно, барышни наши сидели на своих местах с поджатыми губами, то есть в полной боевой готовности продемонстрировать В.С., как его здесь не хотят. Симон Львович привёл человека со стороны, редколлегия же ожидала, что заметное местечко займёт кто-нибудь из старожилов. Мало того – В.С. получил расширенные полномочия, а его предшественница довольствовалась более скромными возможностями. Объяснять редколлегии, что она состоит из людей, которые в реальности представляют собой только группу секретуток, было, конечно, неприлично.

А что собой представлял В.С.? У него был неплохой опыт организатора редакционной деятельности, он замечательно выстраивал всю технологическую цепочку выпуска. Разумеется, он привлёк к сотрудничеству некоторых своих знакомых журналистов. Так, например, у нас появился Андрей Николаев, ему поручили создание информационного отдела, с которым у газеты дело не очень клеилось до того. Педагогическую тему при этом В.С. знал очень приблизительно, и это обстоятельство стало козырем в руках его врагинь.

Когда я зашла в последний раз к новому ответственному секретарю, чтобы забрать свои бумаги – обозревателям выделили комнату в соседнем здании, где «Первое сентября» арендовало несколько помещений, – он вдруг задал мне

нелепый вопрос:

- А ведь с красотой легче продвигаться, правда?

- В смысле?

- Ну, этим же пользоваться можно...

- Каким образом? Пользоваться зубной щёткой – это понятно. А красотой как пользоваться? Предлагать что ли свои лакомые телеса всем, от кого что-то зависит?

- Зачем же так?..

- А как же? Вот я красива, и ты в связи с этим будешь публиковать только мои статьи? Кстати, что там с моим последним материалом, я его уже недели три как сдала.

- Школьный отдел говорит, что там какие-то проблемы... Вроде ты школу неправильно понимаешь...

- О как. Пятнадцать лет в школе протрубила, но так ничего и не поняла. Всё красоту свою продвигаю.

- Ты поговори с Симой...

Поговори с Симой – тоже теперь каким образом? У него дела поважнее, чем редакционные интриги: нужно молодцом продержаться всю осень, такую опасную для глубоких сердечников. Галя Слободчикова, сестра его жены, работавшая у нас корреспондентом, сказала мне, что дела идут непросто, однако он собирается приезжать хотя бы раз в неделю в офис – затевает новую рубрику, «Интервью с главным». На самом деле, конечно, её бы следовало назвать «Интервью о главном»: Симон Львович хотел сказать в этих своих беседах с обозревателями «Первого сентября» о самом существенном для себя и на всякий случай с каждым попрощаться.

В этот последний год его жизни мы вообще мало пересекались, и я не устаю корить себя за это. Может быть, поэтому наши редкие встречи помнятся так отчётливо. Поскольку мне самой знакомы сердечные проблемы, 1 октября – в день его рождения – не удалось приехать в редакцию. Галя на следующий день рассказала, что он привёл своих трёх детей и был как-то особенно трогателен. Я позвонила ему, поздравила – ответил грустно: «Не хватало тебя и твоей гитары...» Вспомнила со стыдом, как не поехала и на вечеринку к Гале, когда та хотела познакомить меня с сестрой, Татьяной Пахомовой. По Галиной просьбе я перечитала стихи последней, они оказались очень умелыми, я даже

написала две песни на понравившиеся тексты. И ещё вспомнила, как однажды он вдруг поднялся из-за стола в кабинете, подошёл к окну, открыл форточку, надышался и вдруг – совершенно без связи с темой нашего разговора – сказал: «Знаешь, Артём, он хороший...» Зачем вдруг о сыне? Видимо, много думал о том, что будет, если Голландия не поможет.

Школьный отдел передал, что Соловейчик просит меня провести с ним интервью для новой рубрики. Я решила, что имеет смысл поговорить о его писательской деятельности, ведь он является автором нескольких книг и даже пробовал себя в художественной литературе. Он почему-то удивился, что вопросы у меня заранее записаны. Я в ответ засмеялась: время – вещь дорогая, тратить его на шуточки случайные, необязательные не следует. Беседа получилась приятной для нас обоих. Но Боже мой! – когда через день я принесла готовый текст, чтобы показать герою интервью, мне сообщили, что Симона Львовича срочно положили в больницу. А ещё через несколько дней ему сделали-таки операцию.

18 октября ранним утром меня разбудил телефон и та самая И., которая передала мой первый текст для «Первого сентября» в редакцию, взволнованно объявила: «Эхо Москвы» передало – умер Симон Сооловейчик». Не прошло и трёх недель, как он отпраздновал своё 66-летие. И прошло ровно 10 лет со дня похорон Владимира Матвеева.

Глава 10. Личная жизнь гитары. Смешная редколлегия

Артём, сын Симона Львовича, в первое время в редакции чувствовал себя не очень уверенно. Он больше привык заниматься бизнесом, в журналистике

асом себя не считал. Тётяшки наши эту неуверенность уловили быстро и не преминули ею воспользоваться. Как это нередко случается с мужчинами, он не на шутку испугался их напора и поспешил спрятаться за своими коммерческими делами, оговорив лишь для себя обязанность писать колонку в каждый номер.

И началось. Уже первый номер газеты, выпущенный без её основателя, памяти его и посвящённый, показал, насколько странное представление у редакторов о том, чем они должны заниматься. Перековерканы были буквально все воспоминания авторов, кроме тех, кто был удалён от самой редакции – их спасли более-менее известные в культурной тусовке имена. Субъективное отношение к пишущему руководило этим «редактированием», а вовсе не знание языка. Так, мне объяснили, что фраза «Всё ему было интересно: как гитара устроена...» должна быть вычеркнута из текста, потому что она о личной жизни. Ну, конечно, все читатели «Первого сентября» в курсе, что какая-то журналистка играет на гитаре, да и, кроме неё, ведь никто на свете этого не умеет. :) Других авторов тоже «чистили» подобным образом.

За несколько месяцев до ухода из жизни Симон Львович назначил первым замом Е. До того она казалась человеком неглупым, трудолюбивым, но предпочитавшим держаться в тени шефа. Без него картина кардинально изменилась. Что ж, хотите узнать человека – дайте ему власть... «Конечно, – старалась я не думать о худшем, – кому приятны претензии коллектива? Е. просто нервничает, потом это пройдёт». Но когда мне пришлось остаться с ней наедине, дабы обсудить один из материалов и что-то пролепетать про синонимические пары, я обнаружила, что редактор не понимает вообще такого словосочетания. И, естественно, слова мои вызвали только раздражение – де, учёность свою показать хочу. М-да, а учёность такая должна соответствовать всего-то уровню 5 класса средней школы...

Редакционные сотрудники навели справки: у Е. заочное юридическое образование. Ну, какая в том беда? Хорошие журналисты нередко получают из людей с самыми разными дипломами. Не бумажки же должны дело делать, а знания и способности. Поскольку мы с Артёмом были в дружеских отношениях, первый вопрос о залежавшихся материалах я задала довольно весело.

- Е. всё твердит, что ей нечего ставить в номер, а тем временем все авторы знают, что у неё собралось немало трудов наших праведных. Что такое? Меняется концепция газеты, всё это не годится, или мы писать разучились?

- Ну, это просто наша кухня. Ничего страшного. Я посмотрю.

Смех смехом, но есть ведь ещё и материальный момент: зарплата

пишущего журналиста во многом зависит от гонораров. Я печаталась тогда и в некоторых других изданиях, однако это были художественные публикации, а толстые наши журналы в те времена сами обнищали, заработок тут был совсем ни при чём.

Извиняюсь, дорогие читатели, но опять придётся коснуться довольно деликатного нюанса, то есть женских моих красот. Мало, что красот, – ещё и значительной разницы между реальным моим возрастом и тем, что видится окружающим. Люди в массе своей ориентируются только на внешнюю картинку и человеку, которого она представляет, приписывают всякое-разное. Вопрос В.С. о том, легко ли продвигаться по жизни в таком визуальном варианте, на ровном месте не родился. Вот и тётки редакционные очень быстро смастерили миф о моём романе с младшим Соловейчиком. И ладно, пусть бы себе упражнялись в устном народном творчестве, но ведь дамочки обычно такие истории трактуют и по материальной линии. Короче: «Зачем ей печататься, зачем ей какие-то гонорары, у неё и без того всё схвачено».

Единственное, что публиковалось из моих опусов тогда, – маленькие заметки из ежемесячной рубрики, которую просто нельзя было прервать на полуслове. Всё, конечно, сокращалось раза в два, вписывались какие-то слова, которые я никогда бы не употребила... И гитара несчастная тоже пострадала. :) Новенький инструмент появился в редакции перед 8 Марта. По офису поползла версия: мужики для неё купили! Гитара была простенькая, приобрели её для того, чтобы всегда была под руками, и я была не единственным человеком, чьих рук она слушалась. И что вы думаете? После праздника мы с ребятами обнаружили нашу игрушку сломанной.

- Ну, Лен, ты попала в одну компанию с Паганини, – грустно сказал охранник.

И добавил уже брезгливо:

- Кажется, я знаю, кто это сделал. Тут одна в субботу приезжала, у неё компьютера дома нет...

- А зачем нам это знать? Мало ли у кого и почему нервы сдали. Пожалеть только можно этого человека.

Событие произвело отрезвляющее впечатление на многих. К этому времени большая часть сотрудников поняла, что былой жизни уже не будет, надо думать о своём будущем в других координатах. Первым ушёл В.С., его пригласили в новый издательский проект. Тогда эти проекты росли один за другим, но так же быстро и исчезали с рынка. Журналисты смеялись: если ты задержался на год в одном месте, значит, тебе крупно повезло. Вот и В.С.

прожил в этом своём проекте не более полутора лет... Относительно спокойно чувствовали себя лишь издания, имеющие отношения к деньгам Гусинского или Березовского.

Мои попытки получить хоть какие-то внятные объяснения от Артёма по поводу блокирования редколлегией материалов – а я испробовала самые разные жанры и стили, – не привели ни к чему. Печатали эти кумушки после того, как иссякла моя маленькая рубрика, только мелодрамы, как я их для себя обозначила. Я скрестила очерк с художественным рассказом, получались истории про межличностные отношения. Особенно лояльно Е. восприняла «Самоубийство команды», где затрагивалась тема жёсткого отбора удобных детей, который с удовольствием стали практиковать школы, так громко вопившие чуть ранее об индивидуальном подходе к ученикам. Оказалось, что руководительница наша сама с этим столкнулась, пытаясь устроить дочку в какое-то модное учреждение.

Но ограничиться такими мелодрамами я не могла. В комплекте непроходных статей была одна, особенно для меня важная. Там был представлен анализ российской педагогической реальности за последние лет пятнадцать. Но вот ведь какая штука: когда вам долго говорят о том, что вы всё делаете неправильно, вы сами можете потерять ориентацию и засомневаться в себе. Я показала эту статью академику Феликсу Михайлову, чтобы получить объективную оценку. Она была положительной, более того, он заверил меня, что именно в «Первом сентября» статье и место, ведь это издание считается независимым образовательным СМИ.

Я позвонила Артёму и спросила, могу ли прийти на очередную редколлегию и задать её членам свои вопросы. Для себя я уже приняла решение об уходе из газеты, но считала необходимым перед этим чётко расставить акценты в сложившейся ситуации. Артём даже как будто обрадовался. Он уже пробовал изгнать тёмные силы из своего офиса с помощью священника: тот приходил с кадилом и святой водой. Такое простое средство, как прямое заявление о том, что есть хорошо для редакционной деятельности, а что есть плохо, нашему шефу эффективным не представлялось.

Редколлегия собралась. Я перечислила все свои работы, не вышедшие в печать за месяца три (об остальных решила не говорить – что уж мелочиться :)). Помимо Артёма и Е., в редколлегию тогда входили ещё несколько человек, одним из них был Александр А. При старшем Соловейчике его в редакцию особо не приглашали, у него была, что называется, своя территория влияния – довольно суетливая организация, выросшая из матвеевской «Эврики» и претендующая на роль основного эксперта в определении инновационного

уровня учебных заведений. Какое-то время он преподавал в школе, но после того как в 1980-е его «открыла» журналистка Ольга Мариничева, практику педагогическую забросил и начал строить себя как учёного мужа. Времена были удобные: то одна, то другая быстро сколоченная контора громко самоопределялись как академии или университеты. Знания у него при этом оставались весьма средненькими, их успешно заменила привычка произносить слова, принятые в конкретной среде, и отработанные навыки заводить полезные контакты. Артём поговаривал, что этот Александр А. серьёзно метил в министры образования.

Ну да ладно. С заседания редакционного я ушла, можно сказать, хлопнув дверью. Выслушивать глупости не хватило сил. Но свою программу я выполнила: вытащила из Е. публичные ответы на все заготовленные вопросы, вынудила даже извлечь из какого-то заповедного ящика сами статьи. Разумеется, объяснить толком, почему не будет их публиковать, она не могла, но для всех было очевидно, что публиковать не будет ни за что. Потом вышел номер газеты, над которым я от души посмеялась. Артём в своей колонке написал нечто возвышенное о том, чем выдающиеся люди отличаются от простых смертных, – оказывается, дело не в дорогой косметике и не в степени известности родителей, а в чём-то сокровенном, чему нет объяснения. Александр А. пошёл ещё дальше: он стал витийствовать о том, что не припомнит такой содержательной редколлегии, как последняя в «Первом сентября», и должен заявить со всей ответственностью: «Вы блестящий журналист, у вас прекрасные статьи», – тому человеку, который сделал мероприятие столь впечатляющим.

Потом мне долго не могли оформить трудовую книжку, надеялись, что я передумаю и останусь. Общественное мнение, знаете ли, двоякая вещь – на поверхности сплетни, а в глубине-то души каждый понимает, кто есть кто. С редакционным «народом» у меня отношения сложились замечательные, они не прервались, несмотря на все жизненные перипетии. Из сотрудников той поры в «Первом сентября» сейчас остались единицы. Е. – главный редактор. Возможно, она научилась чему-то, как знать?

Глава 11. «Общая газета». Они замучились править

Уходила я в «Общую газету». История с ней тоже приключилась весьма показательная. Это был уже 1997 год, наша журналистика успешно обуржуазилась, но декларативно всё ещё орала о свободомыслии. На самом деле братию во всевозможных СМИ главным образом занимал вопрос персональных гонораров, которые, в отличие от советского периода, стали начисляться весьма произвольно. Что касается идей... Ну, к примеру, очень популярна была следующая: «Зло привлекательнее добра. Добро – ужасная скука». Синюю птицу счастья переокрасили в зелёную, под цвет вождя бакса. Естественно, многие истово рвались в то болото, что стало называться медийным, поэтому эшелоны одних искателей славы и денег быстро сменялись другими. Особенно ярко процесс заявил себя на телевидении, там ежемесячно образовывались группы «наших» и «не наших», туда вливались наиболее внушительные финансы. Березовский возомнил, что он будет контролировать всю прессу страны. Гусинский, понятное дело, с этим согласиться не мог, но на всякий случай пытался отвоевать себе радио и ТВ. Потом они менялись местами, потом смешивали телеканалы и газеты – очень буйная была у этих бедоносцев тогда житуха. В общем, в провинции пацаны уходили в банды, в столице «интеллектуаль» рвались к халяве под знамёнами новоявленных государственных персонажей. Золотой телец растоптал миллионы россиян.

А тут я со своей нудной образовательной темой. Но Симон Соловейчик в своё время говорил мне, что если будет сложно, можно будет попытать удачи у Егора Яковлева. Вот ему я и позвонила, думая, куда бы пристроить свою горемычную аналитику. Он попросил передать статью в офис и перезвонить через день.

- Да, это очень любопытно, – сказал Яковлев, когда я поинтересовалась результатом прочтения. – Приезжайте, поговорим.

- Такой хороший язык... Сейчас слово «публицистика» стало ругательным, впрочем, – мне показалось, что он даже волновался, перебирая на

своём столе листки статьи. – Но, знаете, нужно переписать, потому что тут есть вещи, которые не посвящённый в образовательные дела читатель не поймёт.

- Хорошо, сделаю другой вариант.

- А какие вообще планы? У меня ниша образовательная пустая, можете занять.

- Я отпуск догуливаю. Но после увольняюсь. Приду к вам, если не возражаете.

- Не возражаю. А статью перепишите поскорее.

Переписала. Прислали за материалом курьера – вот какие у нас порядки, можем позволить себе курьера. :) Звоню, интересуюсь, подходит ли моя писанина теперь. Оказывается, подходит, статья передана выпускающему редактору Н.А. Возвращаюсь из отпуска, звоню этому человеку – материал ещё не напечатан. Объясняет, что газета еженедельная, статей много, все сразу не помещаются.

Почему-то Яковлев затянул процесс с заключением договора о сотрудничестве со мной. Но когда его всё же взялись подписывать, знакомлюсь с довольно странной дамой, ведающей коммерческими делами. Смотрит пристально и неприятно. Видит, как улавливаю, только мои выющиеся волосы и объём талии. Ну и ладно, не привыкать, лишь бы на работе не отражалось. Обстановочка в редакции не самая радужная. Яковлев целыми днями принимает у себя друзей-шестидесятников, попивает коньячок, иногда ездит на свидания с Гусинским. Тётеньки редакционные (большинство сотрудников, как и во всех редакциях, женского пола) много жалуются на загруженность и кромсают нещадно статейки. Правда, до такого маразма, как в «Первом сентября» не доходят. Но Владимир Войнович, помнится, хотел однажды судиться – ему навписывали каких-то чужих слов в заметку, не понимая, что нарушают авторские права.

Статья моя всё ещё дожидается своей очереди. Прошло уже месяца полтора. Н.А. всякий раз, как мы встречаемся, опускает глаза. Пару материалов у меня всё же взяли в работу, опубликовали. На следующий же день после выхода в свет одного из них позвонила какая-то девушка с телевидения, попросила растолковать ей некоторые моменты более подробно, она готовила сюжет по образованию. Телефон мой домашний она узнала у секретаря редакции, которой такой звонок не понравился, потому что несчастная корреспондентка была не из «наших». Правда, узнала я об этом много позже.

Короче, продержалась я в этом интересном общественном месте месяца

два с половиной. Однажды один из редакторов, который тоже считал себя сведущим в образовательных делах, вернул мне заметку, в которой поднималась тема выборов с родителей школьников. Сказал, что материал весь неправильный, и по форме, и по содержанию. А через день меня пригласил к себе в кабинет Яковлев и заявил, что не намерен больше продолжать со мной сотрудничество. «В редакции сказали, что замучились править ваши шедевры, я разрываю договор», – вскрикнул он в присутствии того самого коллеги, который не хотел читать про взятки в школах. «Ого-го-го! – подумала я. – Какие мужественные бойцы невидимого фронта! Кто же это мне говорил про такой хороший язык?» И опять хлопнула дверью.

Ещё через несколько дней я раскрыла свежий номер «Общей газеты» и обнаружила статью про выборы с родителей в детских больницах. Нет, тексты мои нигде не крали, они отличаются узнаваемым авторским языком, что чревато, а вот позаимствовать тему – это легко. :) Открыла я газету на кухне у своей приятельницы И. Она бурно переживала мой неудачный поход в «большую журналистику».

- Ну, что ж ты просто ушла? Облили человека грязью, и всё? Надо было сунуть ему статью под нос, чтобы он прямо сказал, что это плохо...

- Наивная ты. С чего ты взяла, что он не читал и что он не смог бы открыто солгать? И зачем мне оставаться в таком гадюшнике? Что я получу в подобной компании?

- Да, но ведь у нас о человеке судят по вывеске шарашки, где он числится...

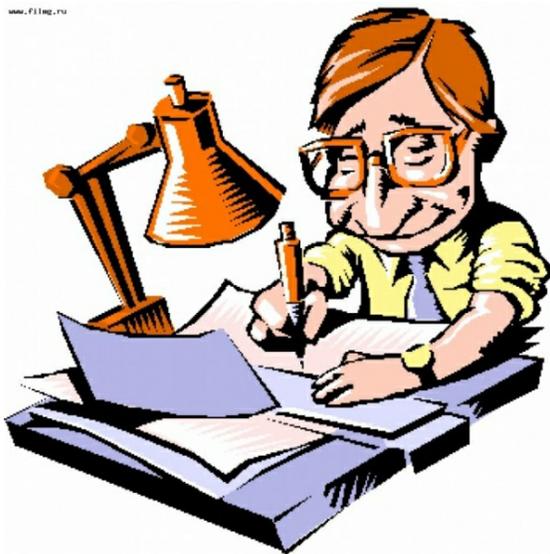
- Я тебе говорю: вывеска там – гадюшник.

Примерно через год я случайно на одной пресс-конференции встретила с парнем, который свалил из редакции «Общей газеты» вскоре после меня. Он мне поведал много любопытного. И про звонок «не нашей» телевизионщицы, и про фантазии по поводу объёма моей талии, и про обыкновенную зависть к таланту ближнего. Оказывается, прозорливые тётеньки смекнули, что пишу я не сама – мужики какие-то пишут. Немногочисленные дяденьки (их с каждым месяцем в газете оставалось всё меньше) таких версий не выдвигали, они дёргались из-за того, что природа отменила свои же правила: обозначила у привлекательной сексуально-бытовой машины интеллект. Да-да, господа хорошие, это же сама природа выдала мужинкам справки о том, что существует нейроны двух половых типов, и заверила их нерушимой печатью. :)

Лирическое отступление (возможно, первое и последнее – посмотрим, как прямая в кривом пространстве выведет). Некоторые читатели интересуются,

зачем я вспоминаю про эти наши многим до боли знакомые социальные пейзажи. Да не вспоминала бы я – а то у меня больше дел нет. Но каждый из нас может вести себя гигиенично даже в самых общественных местах – глядишь, пейзажи бы и освежились хоть маленько. Да и дома не мешало бы прибираться регулярно и не путать кухню со спальней, а клозет с гостиной. И, наконец, книга-то у нас с вами про педагогику, которая, как уже оговаривалось, проистекает из этики. Негигиеническому нашему поведению всегда есть свидетели, главные из них – наши же дети.

Глава 12. «Педагогический калейдоскоп». Без лишних примесей

Пристраивать свой материал в другие «громкие» газеты я больше не считала нужным: зачем тратить время на бессмысленные движения? Тема никого всерьёз там не волнует, человек я безымянный, но не посредственный, при этом ещё и «ничей» – вся энергия будет уходить на противостояние бесконечным людским комплексам. Вспомнила, что есть у нас в образовательном сообществе ещё одно издание – «Педагогический калейдоскоп». «Учительскую газету» я тоже вычеркнула из списка возможных для себя журналистских площадок, так как она не могла избежать зависимости от того, что пропагандировали чиновники. А пропагандировали они в это время очень старательно введение стандартов образования. Статья же моя рассказывала, помимо прочего, и о том, почему они вредны.

Позвонила главному редактору «Педагогического калейдоскопа» Владимиру Семёновичу Гиршовичу, попросила посмотреть материал.

- А вы приезжайте к нам, на месте и статью обсудим. Я вас знаю по публикациям в «Первом сентября».

- Это приятно. Пишешь, пишешь, а что читатели думают, так и не узнаёшь. Приеду, конечно.

Выяснилось, что редакция находится в 15 минутах езды автобусом от моего дома. Вот ведь везение какое для столичного жителя! Но судьба в этот раз такими мелочами в желании меня порадовать не ограничилась.

- Замечательно. Конечно, это нужно у нас напечатать, – Гиршович отложил статью и посмотрел на меня как-то озорно. – А знаете что? У меня нет первого зама, на образовательную половину газеты. Не хотите попробовать? Вы технологию выпуска представляете себе?

- Да, представляю. Но вы ведь меня не знаете совсем...

- Я же говорю: я вас читал несколько лет в «Первом сентября». Пишите вы убедительно. И понимаете при этом все нынешние тенденции в образовании. У нас на всю газету два редактора: один занимается собственно педагогической темой – 9 полос АЗ еженедельно, другой ведёт так называемый прицеп, всякие там культурные события, полезные домашние советы, интервью со знаменитостями – ещё 7 полос. На прицепе у меня очень толковый человек, но она не знает досконально ситуацию в образовании. А на первой половине пока сидит один литературный парень. Ему такая работа в тягость, он не смекнёт никак, что с чем как связано.

- А вы?

- А я, скорее, числюсь главным редактором, чем им являюсь. Некогда мне газетой ведать, мне фирму тащить нужно.

«Педагогический калейдоскоп» был создан в 1994 году. Выходил он под крышей организованного Гиршовичем предприятия – негосударственного учреждения «Центр дополнительного образования «Новая школа». Помимо газеты, были ещё в этом холдинге ежемесячный журнал «Мир образования», издательство учебников, курсы повышения квалификации для педагогов, несколько книжных магазинов. Чтобы раскрутиться, новоявленный бизнесмен продал где-то в области дом и набрал кредитов. Собственно, так поступали тогда многие, верящие в открывающиеся рынком возможности предпринимательства. А до шальных 1990-х Гиршович работал директором школы.

Так нежданно-негаданно я получила не только авторскую трибуну, но и возможность поучаствовать в жизни газеты. Наш разговор с Владимиром Семёновичем состоялся аккуратно перед праздником (тогда ещё 7 ноября отмечалось в России как День согласия и примирения, 4 ноября было объявлено

Днём народного единства с 2005 года), сложилось несколько выходных, и я использовала их для более подробного знакомства с «Педагогическим калейдоскопом».

Дизайн меня не очень вдохновил, но Гиршович оговорил, что макет в целом трогать не будем, пока, по крайней мере. Первая часть газеты, действительно, как он меня и предупредил, была скомпонована довольно небрежно, изобиловала «кирпичами» – материалами во всю печатную полосу, объём которых обычно вызывает у читателей заведомую скуку. Хотя публикации были небезынтересными, в самой подборке не было обобщающей мысли. Вторая часть больше походила на заявленный в названии издания «калейдоскоп», но только не педагогический, а общекультурный. «Что ж, – сказала я себе, – будем посмотреть. 9 полос редактирования в неделю (1 полоса – 12-14 тысяч печатных знаков, в зависимости от иллюстративного материала), плюс общее администрирование, плюс своя писанина, плюс всякая событийная сопроводилка и внештатный авторский самотёк – нагрузочка не хилая. Но овчинка выделки стоит! Да и по сравнению с тем, что делает еженедельно добросовестный учитель, этот рабочий объём – фу-фу».

Команда редакционная была небольшая: два редактора, три штатных автора, ответственный секретарь, она же бильд-редактор, она же макетчица, фотограф, корректор, верстальщик, наборщица (тогда ещё не у всех журналистов были домашние компьютеры, рукописи поступали в машинописном виде), менеджер по связям с типографией. Оказалось, что это оптимальный комплект сотрудников для подобного издания. Что главное в управлении любой групповой деятельностью? Отсечение лишних операций и связей у каждого из её участников. То есть выполнение только тех функций, без которых весь организм работать не может. Не буду вдаваться в эти тонкости, скажу лишь, что мне очень помог опыт руководителя в школьной моей жизни: и учителя, и завуча, и директора. Но о нём, как договорились в предисловии, – во второй части книги.

Конечно, люди в любом объединении не могут чувствовать себя комфортно, если между ними не складываются доброжелательные отношения. Но коль речь идёт о рабочем коллективе, очень большую роль в этом играет умение каждого хорошо делать своё дело. В нашей маленькой команде все были на виду друг у друга, спрятаться от оценивающих глаз коллег было негде. Первый же номер газеты, который мы собрали уже с моим участием, всем пришёлся по душе. Человек, который ранее занимал мою должность, его тоже одобрил и попросил меня оставить его в газете. Я очень удивилась: не могло быть речи о том, чтобы кто-то ушёл только потому, что возникли частные изменения в общей работе.

Когда через месяц я предложила перейти на режим четырёхдневного присутствия в офисе вместо пятидневного, Лидия Михейкина (второй редактор) забеспокоилась:

- Это, конечно, хорошо бы – после сдачи номера в типографию отдохнуть всем, но что скажет Владимир Семёнович? Вдруг он подумает, что мы мало загружены, раз такое себе позволяем?

- Не скажет. Он сам организатор толковый и людей уважает: не отдохнём – не сработаем.

Действительно, Гиршович не стал размахивать руками по такому поводу. Зато засомневался наш верстальщик, Александр Четвериков:

- То есть в день я в среднем должен верстать 4 полосы? Я смогу, конечно. Но материалы будут уже готовы? Обычно с новостными ничего не понятно...

- А мы так построим график, что всё у нас получится. Разве мы не знаем, с какими полосами больше возьмемся?

Получилось. Кроме того, я уговорила Гиршовича предоставить мне и Лиде по одному свободному от посещения редакции дню: сидя в одной комнате и слушая самые разные разговоры коллег, сосредоточиться на чтении «трудных» материалов не сможет никто. Не удивляйтесь, что я пишу про эти организационные детали: никогда издание, в подготовке которого задействована группа сотрудников, не сможет достичь содержательного журналистского результата, если тот, кто отвечает за администрирование, предварительно не сформирует точную сетку занятости для каждого из участников. Это примерно как расписание уроков в школе: нет его, и все рабочие процессы распадаются, самые многознающие и интересные учителя не понимают, где и когда они должны находиться.

Отучила я своих коллег и от задержек в офисе после рабочего дня. Первое время Лида и Нина Сибирёва (ответственный секретарь) очень удивлялись тому, что сама я могу употребить на это не более 10 минут.

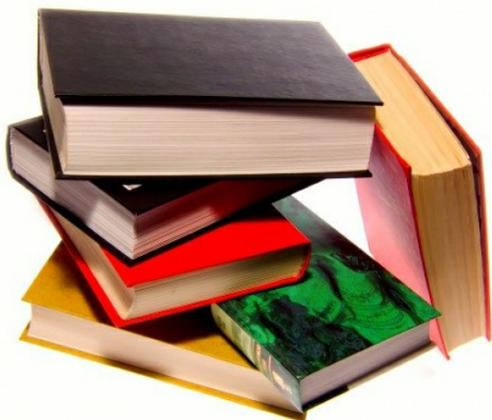
- А что тут делать вечерами? Вечерами нужно переходить к личной жизни, – смеялась я. – У вас что, мужей и детей нет? Не соскучились?

- Да и правда, Лен. Что мы тут всё ковыряемся? Потом по ночам эти макеты снятся, будь они неладны!

Когда статья, из-за которой я так долго переживала, появилась в «Педагогическом калейдоскопе», мои друзья из «Первого сентября» доложили, что Артём сожалеет о её странных приключениях. Представьте себе, и второй

вариант, написанный для «Общей газеты», чуть позднее взяла редакция газеты «Культура». В общем, Михаил Булгаков где-то был прав: не уничтожаются важные рукописи.

Глава 13. Virtuozы учебного рынка. Корреляция и корректура

«Педагогический калейдоскоп» ставил перед собой задачу сбора информации про самые разные тенденции и события в образовательной сфере. Но без участия чиновников – мы ограничивались новостными сообщениями о смене министров (смены эти происходили очень быстро в то время) и инициативах ведомства. Научным всяким господам слово предоставляли – в порядке именно общественной дискуссии о судьбе российской педагогики. Кажется, у Гиршовича тоже была научная степень, хотя я не знаю этого точно – он не любил распространяться о своих личных заслугах.

После выхода каждого нашего номера мы проводили для себя его критический обзор. Это делали редакторы и пишущие журналисты по очереди. Штука незатейливая, но помогает объединить редакцию и определить дорогу, по которой идёт издание. Когда человек, работающий в газете, прочитывает её хотя бы раз в месяц всю – не ограничиваясь собственными материалами, – она становится ему ближе, понятней, важней. Мы не стеснялись критиковать друг друга, объяснять, почему та или иная статья воспринимается сложно. И наоборот – поздравляли авторов с удачей. Придумали несколько новых рубрик. Одна из них, «Наедине со всеми», предоставляла возможность журналистам сказать что-то лично от себя – ведь читателям всегда интересно, что собой представляет то или иной человек, печатающийся в издании, к которому он привык. Обычно почему-то такую колонку отдают главному редактору, что я считаю неверным: у читателя складывается впечатление, что руководитель просто «являет себя», пользуясь служебным положением.

Ещё возникла рубрика «Линия жизни». Не знаю, как случилось, что у телеканала «Культура» (он возник в ноябре 1997 года, то есть почти одновременно с моим приходом в «Педагогический калейдоскоп») появилась программа с таким же названием – вполне возможно, что хорошая мысль пришла в разные головы одновременно. :) Мы решили, что неплохо бы брать такие интервью у известных людей, в которых они рассказывали бы о своём жизненном пути, о причинах выбора профессии, об их личностных ценностях, с людьми, повлиявших на них.

Придумалась и «Педагогическая гостиная». Ежемесячно мы устраивали обсуждения тех или иных значимых тем, приглашая к себе учителей, журналистов из других изданий, педагогов из Российской академии образования (РАО). Это помогало всем: нам – узнавать, что реально волнует общество и специалистов; учителям – отряхнуться от выматывающей рутины, почувствовать себя не винтиками-шпунтиками в образовательной системе, а живыми людьми, от которых зависит так много; нашим коллегам и теоретикам – встретиться с этими самыми живыми людьми. Интересно и то, что на наши сборища стали охотно приходить студенты – будущие педагоги и журналисты. Какой-то добрый слух пошёл по Москве о том, что с газетой есть смысл дружить.

Однажды в редакторскую комнату влетела Света, отвечающая за рекламу «Новой школы».

- Девчонки! Я была на выставке, там на конференции Кезина сказала, что она считает нашу газету лучшей из всех педагогических! Самой информативной и к народу близкой...

- Вот как. Департамент столичный, оказывается, нами живо интересуется.

Любовь Петровна Кезина рулила тогда московским образованием. Я никогда её в глаза не видела, слышала только несколько интервью по радио. Тётяшка не глупая была, с солидным практическим опытом. В 1990-е годы довольно активно включилась в бизнес, её сын возглавлял издательство «Московские учебники». Однажды в неё даже стреляли – печатание учебников и последующее обеспечение ими российских регионов приносило нешуточные доходы, поэтому рынок делили по-взрослому.

Российское образование вообще к концу 1990-х всё увереннее вставало на коммерческие рельсы. А кто-то думал, что при рыночной экономической системе будет иначе? Рынок в принципе не может ставить долгосрочных целей, да ещё и с гуманитарным акцентом. Прибыль через прибавочную стоимость – единственная цель. Ну, а в эпоху, когда сами деньги стали прибыльным

непервичным товаром, что неизбежно ведёт к самым разным спекуляциям и фальсификациям, выходящим далеко за пределы реальной стоимости первичного товара, возможно ли остановить человека какими-то моральными постулатами? Не мечтайте.

Сами учебники, которые рьяно стали изготавливать всевозможные издательства, утешающие себя тем, что борются за вариативность в образовании, редко были похожи на то, что требовалось ученику и учителю. Их, собственно говоря, никто и не спрашивал о таких потребностях. Предприниматели получали разрешения министерства на выпуск, школы оповещали о том, что учебники им рекомендованы. А местные чиновники за отдельное вознаграждение активно продвигали в массы нужные товары. Сами эти замечательные книги, похоже, читали только корректоры. Читали и плакали – только от одного количества орфографических и пунктуационных ошибок.

Вообще написание школьного учебника – штука очень сложная. Это должен быть не просто информативный текст, а текст, подходящий для восприятия ребёнка, подростка. Но ни в коем случае он не должен сбиваться при этом на бессистемную развлекуху. Кто может быть автором такой книги? Тут нужны и знание учебного предмета во всей его полноте, и умение отделить необязательные для ученика части содержания, и учёт физиологических и психических особенностей конкретного возраста читателя, и понимание того, как будет работать с материалом учитель, и виртуозное владение русским языком. Поэтому не может быть большого числа качественных учебников – нет в самой природе такого числа потенциальных их составителей. И, к сожалению, нет у нас никакой предварительной подготовки автора к созданию учебника. Если вы не знакомы собственно с учебным процессом, чем вы можете ученику и учителю?

В издательстве Гиршовича с учебниками было то же, что и везде. Остепенённые научные деятели, скучавшие до того в своих НИИ, жадно схватились за новые возможности, побежали строчить учебную литературу. Из-под активных их перьев чаще всего выходили странные сборники того-сего. Разделы учебников плохо соотносились друг с другом, местами были просто переписаны из диссертаций и журнальных публикаций. Учителя хватались за головы: им нужны были ясные, точные тексты, которые могли бы при самостоятельном чтении подростками закрепить учебный материал, а не запутать их.

Пришла ко мне как-то наш замечательный корректор Людмила Михайловна Агафонова. Ей пришлось ненадолго заменить заболевшую коллегу

и прочитать один из новых учебников по литературе. Она была настоящим профессионалом в своём деле, в советские времена возглавляла отдел корректуры «Детской литературы».

- Елена Владимировна, помогите мне. Я в этом предложении ничего понять не могу. Видимо, зачиталась, глаз совсем замылился. «Свободомыслие в период правления Романовых коррелировало с идеей освобождения от материалистической лжи...»

- Тоже не понимаю. Свободомыслие, освобождение – тавтология. Материалистическая ложь – это, надо думать, вопль угнетённого большевиками честного сознания идеалистов. Коррелировало – просто для учёности. А Романовы нынче в моде.

- Вот вы смеётесь, а мне что делать? Я же не могу просто на автомате орфографию править. Издевательство какое-то! Сказала Владимиру Семёновичу, он тоже посмеялся и рукой махнул.

- Отдайте редактору, пусть с автором обсудит это нечто.

- Так автор и редактор – одно лицо! А Гиршович не может с ним отношения испортить...

- Да, однако. Тогда верните этому суперредактору вместе со своими вопросами, пусть потрудится выразиться отчётливее.

- И ещё, знаете, у меня с Сашей вечные споры – он не хочет вносить всю корректуру. Ссылается на то, что не согласен...

Саша, наш верстальщик, считал себя докой в русском языке. Мне пришлось несколько месяцев убеждать его в том, что никто из редакционных сотрудников не имеет права игнорировать требования корректора.

- У меня «пятёрка» по русскому в школе была!

- И у неё тоже, не сомневайтесь. Только плюс к этой «пятёрке» у Людмилы Михайловны ещё специализированный вуз и несколько десятилетий работы в соответствующей области. Корректоры знают грамматику лучше всех на свете.

- Но вот я заметил, что все пишут так, а она правит...

- Да, она правит. Но она ведь вам не даёт советы по поводу вёрстки? А мне по поводу проведения летучек? Давайте сосредоточимся каждый на своей работе.

Парень был довольно упрямый, но всё-таки постепенно перестроился. Кажется, это был последний мелкий конфликт между коллегами, который мне пришлось ликвидировать в «Педагогическом калейдоскопе».

Глава 14. Три табу для журналиста. Победное шествие доллара

Ольга Мариничева передала в редакцию «Педагогического калейдоскопа» интервью с Александром А. У неё в нашей газете была отдельная рубрика, в которой представлялись позиции тех или иных заметных в образовательной сфере людей.

- И ты это интервью возьмёшь в работу? – удивилась Нина. – Я бы не взяла. Раз он так по-дурацки себя повёл с тобой...

- Конечно, возьму. Как он себя где-то повёл, наших читателей не касается. К тому же, Мариничева здесь при чём? Она хороший журналист, ведёт содержательную рубрику. За что её-то наказывать?

- И вот он решит, что ты ему всё прощаешь...

- Мне абсолютно не важно, что он там решит. Что за привычка у нас на первый план вытаскивать свои субъективные дела? Вот с тем, что он вещает, я не совсем согласна, поэтому напишу статью и опубликую вслед за интервью.

- Ну да, так, наверное, лучше... А в каких случаях ты не принимаешь материалы?

- У меня три табу: неграмотность, агрессивность и пошлость.

Надо сказать, что наши штатные пишущие журналисты придерживались этого же правила. Ольга Дашковская, Яна Амелина и Юрий Луговской были очень разными, нередко сталкивались в своих мнениях о тех или иных

событиях, но все дорожили возможностью откровенно высказаться, сохранить свою индивидуальность в том, что писали. И именно это обстоятельство способствовало укреплению доброжелательных отношений между ними. Яна, к примеру, впоследствии говорила, что не припомнит другого такого места работы, где можно было бы дружить с людьми гораздо более старшими, чем сама.

Между тем, экономическая обстановка в стране никак не могла устаканиться. На Васильевском спуске в столице гремели касками шахтёры, в регионах гражданам месяцами не выплачивали зарплаты, бывшие советские трудящиеся узнали, что такое реальная безработица. Чиновники, не стесняясь, прокручивали бюджетные деньги в банках, которые, в свою очередь, действовали не более чем полгода.

Туго приходилось малым и средним предприятиям, они оказывались несостоятельными должниками, пытались как-то поправить дело новыми кредитами. Проценты под эти займы были огромными. Принял кабальные финансовые условия и Гиршович. В результате с весны 1998 года мы стали получать зарплату с большим опозданием и не полностью. Я всё чаще говорила себе, что холдинг не выдержит, развалится. Действительно, ждать заката пришлось недолго.

Первым закрылся журнал «Мир образования». Оно и понятно – одна финская типография стоила немалых расходов. Команда газеты решила подождать до летнего отпуска и результатов подписки. Но Гиршович все деньги, вырученные за подписку, направил на аренду нового, более скромного, офиса и выплату долгов книжного издательства. Ну, что ему ещё оставалось? У нас же больше не было другого варианта, кроме ухода из «Новой школы».

- Вот если бы не нужны были эти проклятые деньги, век бы здесь работала! – сетовала Нина. – А теперь иди, ищи неизвестно что.

- Да, девочки, это ужасно, нам придётся самим поставить крест на газете, но что поделаешь? – вторила Лида.

В июле я забрала трудовую. Гиршович пообещал, что постепенно вернёт всё, что он задолжал по зарплате. Действительно, он аккуратно выплатил эту сумму, несмотря на то, что дефолт августа 1998 года ударил по нему очень сильно. Все издания и курсы повышения квалификации приказали долго жить, учебники кое-как печатались, но тиражи постепенно сходили на нет. Владимиру Семёновичу так и не удалось впоследствии подняться на ноги, в середине 2000-х он умер от инфаркта. Было ему в ту пору 60 с небольшим. Подобные судьбы в России многочисленны.

В 1990-е страна пыталась, с одной стороны, жить по инерции совкового периода со всеми его инструментами регулирования, с другой стороны, мировые финансы, вложенные в неё, всё активнее требовали отдачи. Пирамида ГКО, рождённая этим противоречивым экономическим укладом, (а это такая же пирамида, как МММ) неизбежно должна была обрушиться. Оценённое МВФ и ВБ в два цента имущество основной части бывшего СССР позволило опереться тем, кто представлял интересы этих счетоводов. Доллар быстро занял место основной внутренней валюты: в те времена россияне измеряли всё в так называемых у.е. (условных единицах), которые определялись тоже весьма зыбко. 15 августа 1998 года американский доллар оценивался в 6,3 рубля, 1 сентября – в 9,3 рубля, 1 октября – в 15,9 рубля. К 1 января 1999 года зелёная денга требовала уже 21 рубля. Теперь мы совершенно спокойно воспринимаем цифры в 32 рубля. Правда, колеблются они не так активно и зарплаты нам считают в российской валюте, и это нас радует.

Политика всегда есть продолжение экономики. В России к концу 1990-х оформилась группа деятелей, готовых стать главной корпорацией на отечественном рынке. Они вытеснили так называемых младореформаторов из всех влиятельных структур и в конце тысячелетия гордо вошли в Кремль. Ходорковский, который не уловил вовремя новых веяний, поплатился за это личной свободой. Другие претенденты на зримые роли получили наглядный урок и присягнули на дружбу с бравыми командирами. Правда, только в зримых границах «освобождённой» Российской Федерации.

Глава 15. Толкователи персон. Гостиничный сервис для малолеток

За несколько недель до дефолта мне поступило предложение о работе в «Комсомольской правде». Эта газета решила разделить научную и образовательную темы и, соответственно, завести редактора, берущегося за

образование. Конец лета – время отпусков для руководителей большинства контор, в том числе и издательских. Окончательное решение о поступлении моём на работу должен был принимать главный редактор «Комсомолки», но когда он вышел из отпуска, как раз дефолт и сказал своё веское слово. Роман с этой газетой у меня не состоялся.

Штатные сокращения прокатились по всем СМИ, московские журналисты образовали внушительную группу безработных. И до дефолта образовательная тема не была важной для большинства изданий, а уж тут-то встроиться куда-нибудь стало совершенно невозможным. Только к весне 1999 года мне удалось получить работу в отраслевом ювелирном журнале. Меня взяли на должность ведущего редактора. Спросите, какая связь у меня могла быть с тематикой такого издания? Очень слабая, разумеется. Но я хорошо знала технологию выпуска, а для работы ведущим редактором это был фактор решающий. Кое-что я в этом журнале даже писала, но, в основном, статьи о выставках ювелирных изделий и их производителях. Тоже, знаете ли, полезный опыт для человека, изучающего жизнь в самых разных её проявлениях. :)

Изданием рулили ребята, имеющие связи в российском представительстве «Де Бирс» и в ФСБ и гордящиеся этим неимоверно. Надо сказать, у нас сложились даже довольно тёплые отношения, хотя они никак не могли поверить, что я представляла только самую себя и больше никого, и постоянно мучились вычислением моих полезных, но небезопасных для них связей. В общем, кто чему учился, тот тем и пригодился. :)

Как я выживала до попадания в это славное местечко? Случайные заработки выручали плюс долговые финансы Гиршовича, которые я получала регулярно. Был и занятный эпизод с таким журнальчиком, как «Куда пойти учиться?» Он издавался конторой под названием «Работа для вас». Весь был забит рекламными объявлениями от расплодившихся академий-колледжей-курсов. Но, чтобы выглядеть уж не совсем тупо, его редакция размещала и парутройку текстов. В поисках работы я перерыла массу объявлений о вакансиях и однажды наткнулась на призыв данного журнала. Главным редактором суперсодержательного информационного продукта оказалась И.К., которая училась в одном институте со мной. Об этом радостно поведал дяденька из службы персонала, вызвавший меня на первое собеседование. Но ужас ситуации был в том, что я её не могла вспомнить, она училась несколькими курсами раньше меня. Зато она меня при нашей встрече узнала мгновенно и тут же обиженно сообщила, что, видимо, у меня неразвитая память. «Действительно, – подумала я, – в пединститутах так мало девушек, всех поимённо можно перечислить!»

- Что это вы так долго учились? – весьма злобно спросила меня далее эта дама, не прочитав толком в резюме абзац со списком учебных заведений, в которых я побывала, и сложив в своём сознании все годы, потраченные мною на добывание дипломов.

- У меня несколько образований...

Она взглянула на меня совсем по-волчьи. Я тогда ещё наивно полагала, что в резюме надо честно указывать свои образовательные подвиги. Попутешествовав по разным офисам с беспощадно одинаковыми менеджерами по персоналу, поняла, что писать надо только то, что будет правильно истолковано такими барышнями (дяденька в «Работе для вас» был счастливым исключением). А уж рассказывать руководителям пупкиным о подобных обстоятельствах биографии – и вовсе не комильфо.

- Ну, ладно. Вас рекомендует служба персонала, посмотрим. Трудовую пока брать не буду, вам предстоит испытательный срок.

О как. Человек, который делал целую газету и имеет несколько сотен публикаций, должен быть испытан на предмет создания и обработки незатейливой рекламной тексточки! «Ладно, я от вас, заразы, завишу, спорить не буду. Да тут ещё личный фактор так некстати!», – посмеивалась я, читая примитивные опусы, милостиво пожалованные мне в качестве проверочного задания по редактированию.

- Да, неплохо, хотя в последнем абзаце я бы убрала кое-что, – надменно проговорила И.К., бросив тестовые листовки в ящик стола. – Нам нужна обширная статья о частных школах. Я дам вам телефоны директоров, недавно я побывала на «круглом столе» по этой теме.

Последняя её фраза прозвучала явным намёком на особую осведомлённость в делах образовательных тузов столицы. Затем она долго, но довольно бессвязно рассказывала мне, как значителен материал, который мне предстоит сделать. Как будто речь шла не о страничке с воплями о чудесах платного образования, а о философском трактате.

Статейку с перечислением заветных адресов могучих заведений, творящих учёное добро за немалые деньги, я, конечно, сварганила к обозначенной дате. И.К. её, конечно, забраковала. Но я всё же получила какие-то гроши за то, что числилась в редакции полтора месяца и мне доверяли отредактировать объявления от академий-колледжей-курсов.

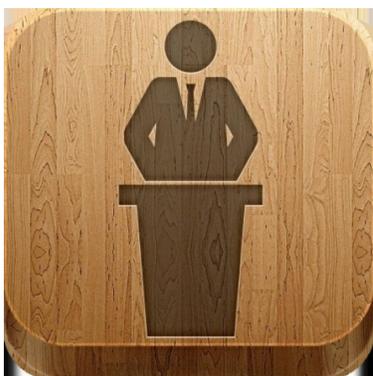
Самый же главный улов у меня был вот какой. Статейку-то я написала быстро, но материал о частных школах столицы собирала скрупулёзно.

Встретилась с их руководителями, порасспросила о том, какие цели перед собой ставят, какие тенденции наблюдают, каких детей перед собой видят. В общем, пришлось посуетиться, потому что выборка у меня была внушительная – 18 школ. Они легко разделились на две группы, малую и большую. Малая (3 школы) – та, к которой я отнесла заведения, действительно, заинтересованные в содержательной работе с детьми. Большая (15 школ) – та, которую образовали фирмы по оказанию дополнительных услуг для родителей. Эдакие гостиницы для подростков с современным дизайном, набором развлечений, включая уроки и экзамены, многословными аттестатами. Удивительного в таком разделении ничего не было, оно являлось следствием нашего социально-экономического расклада, диктующего определённый взгляд на характер образовательной деятельности.

Время всё настойчивее говорило, что некая образовательная деятельность в России бурлит и шипит, а педагогика исчезает. А как же иначе, если сам ребёнок с его личностной жизнью выбрасывается из этой кипучей деятельности? Он превращается в статистическую единицу, которая полезна лишь тем, что на неё можно выбить финансы из бюджета и из родительских карманов. Ну, а поскольку бюджет – это среди прочего деньги налогоплательщиков, то и он создаётся благодаря той дани, которую собирает государство с граждан, которые большей частью родители. Оплачивать же образование малолеток государство не очень хочет, у него приоритеты иные, одних только размножающихся делением служебной безответственности чиновников содержать – затраты те ещё. Поэтому и оно финансовые обязательства перед учебными заведениями благополучно перекладывает на тех, кто имеет потомство и вынужден хранить своих чад до поры до времени в гостиницах, развлекающих имитированными уроками и экзаменами. Сообразно доходам граждан гостиницы обеспечивают сервис, именуемый по-научному вариативным образованием. Красиво его описав, то есть составив бумажки (пардон, уже электронные отчёты :)) с правильно толкуемыми чиновниками словами и циферками, тоже можно выбить дополнительные финансы. У самого же образования вариант только один – исчезновение. Потому как исчезает педагогика, а без этой штуки ему никак.

Вспоминая милого Гоголя, не вскрикнуть ли нам: «Человек простой, что его учить? Кому надо – тот и без нас научится. А кому не надо – так зачем мы будем париться?»

Глава 16. «Педагогический вестник». К нам приехал, к нам приехал...

- Здравствуйте, Елена Владимировна! С вами говорит Леонид Изотович Рувинский. Ваш телефон мне дал Гиршович...

- Да, здравствуйте.

- Мне в «Педагогическом вестнике» нужен зам. Вот обращаюсь к вам за помощью.

- Хорошо, давайте встретимся.

Была и такая газета в 1990-е годы. Рувинский, профессор, доктор педагогических наук, решил тоже попробовать себя в издательском бизнесе. Продал московское жильё, чтобы застолбиться, и переехал куда-то на юг к родственникам. В столице собрал группу знакомых, в основном из коллег по НИИ, в котором трудился. Привлёл и одну ценную женщину, работавшую в своё время в министерстве образования, – она принесла с собой то, что называется базой данных, то есть адреса всех дошкольных и школьных заведений России. Газета затеяла какой-то конкурс для этих учреждений, пытаясь тем самым закрепить подписчиков.

Ювелирные товарищи мне к тому времени изрядно надоели. Поэтому встретила я с Рувинским охотно. Он меня несколько удивил: приглашает к сотрудничеству человека, но не счёл нужным заблаговременно собрать более-менее вразумительную информацию о нём. Оказывается, не сопоставил фамилию заместителя редактора и автора публикаций в «Педагогическом калейдоскопе». Перепутал меня с Лидой Михейкиной (тоже зам главреда в «Педагогическом калейдоскопе»), которая пишущим журналистом не была. Вообще эта наивная уверенность большинства учёных мужей наших в том, что женщины непременно пребывают на уровне ассистенток-лаборанток, в крайнем случае – учениц, меня всегда забавляла. Второе удивительное обстоятельство тоже не замедлило обнаружиться: всю техническую подготовку издания здесь до меня тащила на себе одна сотрудница. То есть она была верстальщицей, редактором, корректором, бильд-редактором и менеджером по связи с типографией. А газета выходила дважды в месяц на 12 полосах А3. Что

странного в её уходе?

- Я верстать не умею. Корректором тоже никогда не была, просто относительно грамотно пишу.

- У нас публикуются неплохие авторы, там с правкой возиться не придётся. А на вёрстку можете пригласить кого-нибудь.

- Да, но я же при всём при том – играющий тренер, я сама пишу о педагогике. Информацию беру не из пальца, а из общения с людьми. То есть нужно время и на такую работу. В общем, как-то мне всё это сомнительно...

- И всё-таки, Елена Владимировна, подумайте. У меня самый большой оклад для этого сотрудника.

Ну, оклад-то, по сравнению с тем, что у меня было по финансам в ювелирном журнале, особо привлекательным моментом выступить не мог. Но тема! Я согласилась.

Верстальщик нашёлся очень быстро – Максим Путята, сын моих знакомых по «Первому сентября». Мы с ним перелопатили макет, выглядевший до того картинкой из 1960-х годов. Привела я за собой, конечно, и некоторых авторов. У Рувинского была собрана команда из трёх обозревателей, один из них, М.Б., был мне знаком, так как печатался и в «Педагогическом калейдоскопе». Второй, Олег Петрович Матягин, оказался большим профи, работал в своё время в «Правде». Третий же, Л.В. явился самым трудным человеком в этой группе. У него был абсолютный заскок по поводу ошибок в печати, он ходил с красным карандашом и помечал все ляпы, включая мельчайшие, с которыми встречался в любых СМИ. Я и сама зануда в грамматических полях изрядная, но этот господин превзошёл всех и вся.

- Кавычки в прессе нужно ставить «гусиными лапками». «Ёлочки» идут только в книгах.

- Вот Макс настроит мне программу по символам, и всё сказочно преобразится. А пока «Ворд» автоматом шпарит «ёлочки». И вообще, мне кажется, это уже устаревшая норма – главное, чтобы везде были кавычки одного вида.

- Числительные пишутся словами до 21. Вы это знаете, оказывается?

- А вы думали, кроме вас, осведомлённых по этому поводу людей в России нет? Послушайте, у меня тут ещё половина газеты не прочитана, не отвлекайте, пожалуйста.

- Ваш Максим делает грубейшие ошибки.

- Я их молча исправляю, успокойтесь. Студенты техвузов, как правило, в грамматику вникают постольку-поскольку. Если вы им недовольны, попробуйте сами сесть за вёрстку. Да и корректуру на себя возьмите, я буду только рада.

Анна Петровна (бывшая министерская чиновница) с утра до вечера клеила конверты с номерами газеты, в которых печатались условия конкурса. Мы с ней подружились. Во-первых, никто не проводил в редакции столько времени, сколько мы с ней. Во-вторых, она очень внимательно читала мои статьи, и это давало нам пищу для обсуждений того, что происходило в школах. Её внучка училась в 4 классе какого-то лицея. Анна Петровна, как многие российские бабушки, принимала в жизни девочки активное участие.

Газета Рувинского не была слишком зубастой. Мои материалы привнесли в неё более дискуссионную интонацию. Надо заметить, Леониду Изотовичу это понравилось, о чём он вскоре мне важно сообщил по телефону (в Москве его практически не бывало). Сблизились мы и с Матяиным, он оказался человеком глубоким и хорошо знающим журналистское дело. Олег Петрович частенько задерживался в редакции после того, как привозил свой материал.

- Какая демократия, что они несут! При коммунистах её было в сто раз больше!

- Демократией какие только формы управления ни называли. Это слово обычно вытаскивают после того, как аристократы (а чаще один видимый из них) слишком зарываются в своих властных желаниях. Где и когда была власть народа?

- Ну вот, теперь какой-то Путин к нам пожаловал. Кто он? Ничего не известно...

В 2000 году в Кремле собрали учителей на Всероссийском съезде. К этому времени министром образования стал Владимир Филиппов. Его выдернули с должности ректора РУДН, потому как славился лояльностью ко всякой власти, а путинская команда молча, но решительно меняла ведущих персонажей на политическом Олимпе и трудяги такого типа ей были необходимы. Он зачитал многостраничный доклад о важности образования, о необходимости его скорейшим образом реформировать, но, разумеется, по-умному, без модернистского рвения. Очень такой обтекаемый текстик с обязательным набором слов, употребляемых начальством, и с почтением к новому правителю лично. Присутствовавшим в огромном зале педагогам всучили готовые тезисы решений съезда, как это водится, а главным номером зрелищной программы на сцене стал уже набиравший популярность Владимир Путин. Он, разумеется,

рассказал, как уважает учителей и как мечтает о качественном образовании в горячо любимой стране. Мог ли он сказать нечто иное? После выступления к нему бросились дамы с талонами на питание (почему-то просто зайти в кремлёвский буфет участникам съезда возможность не предоставили), на которых он автографировался.

Глава 17. Прогрессисты и консерваторы. Физиологический фундамент экономики

За последнее пятилетие прошлого века из российских школ ушли миллионы педагогов. Причина тривиальная – жить стало не на что. В регионах даже официальные экономические показатели констатировали, что зарплаты учителей упали ниже уровня прожиточного минимума. В массовом порядке закрывались детские сады. Ну, власти кивали на демографические проблемы. Проблемы эти шли вторым эшелонем, первым – издевательская оплата труда сотрудников дошкольных учреждений, которые предпочли переквалифицироваться в торговцев на вещевых рынках. Стране стало не до детей. То есть не до человек.

Параллельно с этим сама система образования преобразалась благодаря заимствованию западных моделей администрирования и финансирования. К педагогике сие, разумеется, отношения никакого не имело, потому что эти модели никак не учитывают интересы растущей личности. Но болтовни о правах человека, которые якобы именно при подобных моделях только и могут соблюдаться, было в избытке. Интересная картина: в каждой школе, в каждом детском садике появились охранники. Для чего? Ну, как же, а вдруг когонибудь украдут или сумасшедший ворвётся, всех перестреляет! То есть общество такое всё открытое, справедливое, права всякой личности священны, но по городам и весям толпами носятся маньяки и прочие ублюдки? А вот при человеконенавистническом совке родители ключи от квартир оставляли для

детей под дверными ковриками, и ничего, соседи не злоупотребляли таким доверием...

Буржуазная мораль – штука занятная. Нормального, всесторонне развитого человека она не признаёт. Он ей противен. Ей как раз нужен конкретный функционер, который заменяет специалиста. В чём разница? А специалист не может не подпитывать себя знаниями из самых разных областей, они помогают ему развить себя в профессии. Функционер же знает только два притопа и два прихлопа, которыми ограничивается его ежедневная деятельность. Вы думаете, он при этом счастлив? Нисколько, иначе бы не баловался наркотиками, алкоголем и прочими глупостями. Так он борется с утратой настоящего личностного статуса.

Чиновные прогрессисты того времени усиленно продвигали идею двенадцатилетней средней школы и пересмотра содержания образования через введение стандартов. Обе новации объяснялись необходимостью кардинальных изменений в российском обществе, выведению его на рельсы настоящей демократии и построению развитой экономики. С другой стороны, объявилась и группа консерваторов, которые громко закричали о том, что возникшее в переходный период многообразие школ и вузов, а также программ, по которым они работают, наносит вред учащимся и студентам. Очень требуются некие единые для всех ориентиры. Потому стандарты – спасение.

Люди обычно туманно видят связь словесных сентенций с реальной жизнью. Никакие идеи сами собой не рождаются. Но функционеры-чиновники очень легко ими прикрываются, идя к своим нехитрым целям – не отстать от других в выкачивании денег и должностей из мест, которые занимают. О необходимости пересмотра содержания школьного и вузовского образования российские педагоги стали говорить уже в 1980-е годы. Багаж человеческих знаний увеличился, но просто взять и растянуть время пребывания молодёжи в учебных заведениях – бред. Точно так же, как у желудка есть своя норма для переваривания пищи, у мозга есть норма для переваривания информации. В общем-то, изменение учебных программ должно пройти по линии продуманного, одобренного самой наукой, сокращения. Это дело трудное, потому что привычки довлеют над нами. Но ведь невозможно в двухлитровую банку налить три литра воды, правда? Такой пересмотр содержания образования не произведён до сих пор. Ни у нас, ни за рубежом.

Зато с приходом в министерство образования Владимира Филиппова была поставлена решительная точка в споре о стандартах. Восемь лет российские педагоги сражались с вредным предложением, доказывая, что при грамотной программе эти бумажки никому не нужны, но Всероссийский съезд учителей

явно дал понять, что рулевые системы их больше слушать не собираются. Разумеется, никто из задействованных в написании судьбоносных документов прогрессистов никогда не признается, что финансовый интерес в этом деле для него был основным. Он и самому себе будет с пеной у рта доказывать, что служил отечеству и развивал новации в образовании.

Что касается двенадцатилетки, то это вообще полный дурец. Происходит по банальной причине утраты большинством взрослых памяти об особенностях детского своего жития. Чтобы человек учился в школе не десять, а двенадцать лет, он должен приступить к учёбе когда? В пять или шесть лет. Угу. Вы полагаете, господа реформаторы, что в пять или шесть лет он такой же, как и в семь? В 1980-е устроили было эксперимент с шестилетками, потом через некоторое время физиологи и медики за голову схватились: покалечили значительную часть подрастающего поколения в угоду дурацкой моде. К биологическому времени нельзя относиться легкомысленно. Разница между пяти- и шестилетним человеком примерно такая же, как между двадцати- и тридцатилетним. Какая школа, какие уроки по 40 или даже 30 минут? Где вы возьмёте учителей, способных работать с этими маленькими учениками? Лучше постройте побольше детских садов и обеспечьте их сотрудникам приличную зарплату. Они как раз специализируются на дошкольном развитии.

Но мы ведь уберём перегрузки, говорят прогрессисты-попугаи, потому что появится лишнее время для усвоения знаний. Перегрузки убираются только продумыванием программы и мастерством конкретных учителей. Недогрузка тоже опасна, об этом кто-нибудь подумал? А ещё с перегрузками принялись бороться ранней профильной вариативностью. Опять физиологов не спросили, подошли к делу не по-человечески. Этот гуманитарий, тот технарь, третий вообще спортсмен. Разделили на удобные группы и давай «работать» там, где чужие успехи очевидней. Подхватили, понесли, выдали за собственные труды – герои педагогические! Разделение людей на чистых гуманитариев, технарей и спортсменов – полная условность. Не могут одни особи жить без желудка, а другие без сердца: чтобы организм нормально функционировал, нужен полный комплект деталей.

Ну, всех научить нельзя. Почему? Разве к положенному сроку все дети не осваивают держание ложки в руках? Разве не пытаются они все петь, читать стихи, рисовать, считать? Да, у каждого свои успехи и свои предпочтения, но все любознательны и трудолюбивы. Другое дело, что взрослые (включая учителей) зачем-то детские любознательность и трудолюбие гасят. Вот как раз с пяти до семи лет данные полезные качества у человека и должны быть закреплены. Специальными методами, доступными педагогам, работающим с этими возрастами. А вы хотите им спустить часть школьной программы и убить

у детей интерес к познанию и саморазвитию. Что-то изменить потом в средней школе, действительно, зачастую становится невозможным.

Но самая большая беда, к которой пришло российское образование к «нулевым» годам, – многие учителя вообще освободили себя от участия в жизни подростков. Винить их в этом было бы, наверное, неправильно – слишком много провоцирующих факторов. Своя рубашка к телу ближе. Тут кушать нечего, а сытые бездельники тебе какие-то нравственные внушения делают. Не пошли бы они сами к своим деткам и не рассказали бы про бинном Ньютона. Это во-первых. Во-вторых, как лояльно относиться к подросткам в джинсах, которые адекватны нескольким твоим зарплатам? Раздражает ведь такое несправедливое обстоятельство. Наконец, не всякий взрослый терпим к человеку младшего возраста. Он может любить лирику Лермонтова, но совершенно не выносить то, как долго маленький Миша учит наизусть «Узника». Или как маленький Альберт не въезжает в разницу между целыми числами и дробями. Он хочет, чтобы эти Миши и Альберты умели делать всё, что уже умеет он сам. И чтобы интересно им было всё, что ему интересно. И чтобы сморкались они именно таким образом, какой ему свойствен. Человеку сложно с тем, кто на него не похож. Сама по себе педагогическая работа чревата психическими трудностями, а тут ещё и обстановка в социуме даёт крен в сторону антигуманности – сопротивлялись, сколько силы позволили, да и плюнули наши замороченным противоречием между тем, что должно быть и что есть, учителя.

Маленького человека надо уважать не меньше, чем взрослого. Не сюсюкать с ним, не прикидываться добреньким, скрывая своё равнодушие, не уповать на каких-то других людей, которые ему помогут, а уважать. То есть признавать важным всё, что с этим маленьким происходит. То есть дать ему в нужное время нужные знания. Если вы не сделаете ребёнку прививки от всяких инфекционных гадостей – вы не признаёте его человеческого права на здоровую жизнь. Если вы четырнадцатилетнего подростка освобождаете от чтения художественной литературы в угоду увеличения его познаний в математике только потому, что тут он скорее схватывает, – вы не признаёте его человеческого права на развитие интеллекта образными средствами. Он сам может об этом ещё не подозревать, он, как многие, будет держаться за то, что у него лучше – то есть быстрее – получается. Но вы-то учитель, вы знаете, что природе надо помогать. Даже животные не бросают на произвол судьбы потомство, пока не научат всему необходимому в самостоятельной жизни.

Профильное образование – прерогатива вузов и средних специальных профзаведений. В последние нужно принимать тоже не четырнадцатилетних, а выпускников средних школ: этого требуют и физиология, и эффективная

программа обучения квалифицированных рабочих кадров. Но наша экономика пребывает в странном положении. Мы тупо качаем природные ресурсы, продаём их, распределяем доходы между попавшими в политико-экономическую элиту господами, так называемый средний класс ориентируем на офисы и компьютеры, порой снисходительно называя его креативным, а всех прочих отправляем в сферу обслуживания, к которой теперь относим и образование. За услуги полагается платить. Платим угрозой будущего для человека.

Глава 18. Воспитание воли и характера. Беспредел интеллектуалов

2000 и 2001 годы воспринимались как особенные: конец одного тысячелетия и начало другого. Хотя некоторые люди новое тысячелетие и новый век готовы были встречать уже в 2000-м. :) Интересно, что для меня эти символические годы на самом деле стали в каком-то смысле рубежом. Но обо всём по порядку.

В 2000-м мой курс отмечал 20-летие окончания Астраханского пединститута. Ребята попросили написать статью, которая бы подводила некий итог этим двум десятилетиям в российском образовании. Почему они обратились именно ко мне? Во-первых, я числилась главным «писателем», во-вторых, судьба предоставила мне возможность посмотреть на педагогическую картину с разных сторон. Собственно, по этим же причинам я пишу и эту книгу – получила общественный заказ. :)

Статья получилась довольно объёмной, и мне пришлось разбить её на три части, которые последовательно публиковались в «Педагогическом вестнике». Завершающая часть вышла в конце февраля. И мои коллеги в газете сделали мне неожиданный «подарок»... Если бы на их месте были какие-то другие люди, с более низким интеллектуальным уровнем, более приземлённые, более

измученные грубостью и несправедливостью жизни, их реакция была бы предсказуемой и понятной, но в этом случае абсолютно дурацкий поступок совершили те, кто претендовал на звание интеллигентов. Одна из книг Рувинского называлась «Как воспитать волю и характер». Жизнь и спросила его самого о воле и характере.

Как я уже писала, в Москве нашего шефа практически не бывало, мы перезванивались по телефону, когда возникали какие-то спорные моменты. Но вот в первых числах марта он решил посетить столицу и редакцию. Меня об этом не предупредил, и я немало удивилась, когда он сообщил, что уже в Москве и срочно собирает редколлегию. Приезжаю в офис, вижу строгие озабоченные физиономии обозревателей и главреда. Растерянное лицо только у Матягина.

- Это безобразие: в педагогической газете орфографическая ошибка в названии рубрики! – Л.В. радостно потряс газетой. – Елена Владимировна, конечно, скажет, что это опечатка и сделал её верстальщик, но ведь именно она отвечает за весь номер!

Молчу, смотрю на Л.В. с интересом: продолжайте, уважаемый, я вся внимание. Подключается М.Б.:

- Разумеется, у неё большой объём работы, и всё-таки это как-то нехорошо... Может, она будет для нас просто писать?

Ещё бодрее. Тут уже и имени для меня не нашлось – «она» и только. А что же дорогой Леонид Изотович?

- Действительно, Елена Владимировна, ошибка не ваша, всякое бывает. Если хотите, переходите на должность обозревателя. Но при этом вы будете присматривать за Максимом, потому что у нас все заняты...

Замечательно. Будешь, наша плохая-преплохая тащить тот же воз, но с другой зарплатой. А мы люди серьёзные, нам тут ковыряться некогда. Опять молчу, жду, чего ещё умного придумали.

- И я не понял, вы там написали, что работали директором школы и знаете, как вводился эксперимент с шестилетками...

Ага, вот оно: директором школы! Мало того, что смеет мыслить вместо того, чтобы петь нам дифирамбы, ещё и биография у неё нетипичная. А мы её хотим видеть совсем иной на нашем-то фоне. В общем, заговор комплексующих подростков. Что ж, дело житейское, перешагнём. Где-то полчаса довольный Л.В. рассказывает о «ней» – чисто завистливая баба о злобредной соседке. У

интеллектуалов неподдельная мимическая гордость: знай наших, мы тоже умные! Так, пора и мне отозваться, а то эти мальчишки вывалят из себя всё, о чём приличным людям знать не следует.

- Если я сегодня подам заявление об уходе, мне его подпишут?

Рувинский посмотрел на меня удивлённо. Да-да, интеллектуальные мои, а вы думали, что нахамите, – и я вас забоюсь и уважаю?

- Я подпишу, конечно, но вы всё-таки подумайте...

Я зашла в кабинет, где работала, чтобы собрать вещи. За мной быстро вбежала Анна Петровна:

- Ой, как ужасно всё это! Но он хороший, вы не думайте, они его просто с толку сбили! Это Л.В., дурак, совсем из ума выжил... Да при такой нагрузке можно по пятьдесят ошибок на странице пропустить...

- Анна Петровна, обсуждать тут нечего.

- Может, останетесь?

- Нет. Это невозможно. И Рувинский не мальчик: что-то его смутило – мог бы со мной обсудить. Кажется, я у него называлась замом.

Когда Леонид Изотович отдавал мне трудовую, он задумчиво произнёс:

- Вы молоды, ещё не знаете людей. Они способны...

- Они на разное способны, но когда они очень не правы, им надо давать это понять. До свидания. До сего дня работать было приятно.

Верстальщик решил остаться, посмотреть, как оно дальше сложится. Сложилось так, что следующий номер сдали в типографию месяца через два. После этого ушёл и Максим. Кажется, потом Рувинскому удалось заманить к себе обратно ту женщину, что работала его «замом» до меня. Но через несколько лет он продал газету Александру А. Как пошли дела у последнего, не знаю. Знаю только, что Леонид Изотович вместе с М.Б. организовал Академию творческой педагогики. Рувинского уже нет в живых, академия эта копошится себе где-то на юге страны.

Вечером того злополучного дня мне позвонил Матягин. Он чувствовал себя виноватым, так как промолчал на редколлегии. Ну, что тут поделаешь: пенсионер, трудоустроиться сложно, ссориться с Рувинским – чревато.

- С наступающим женским праздником вас! Тут один парень ищет генерального директора в издательство, возьмите его телефон. Надеюсь, вы обо

мне плохо думать не будете? Меня просто врасплох застали...

- Нет, конечно, Олег Петрович. За телефон спасибо. Позвоню, узнаю, что там происходит.

Глава 19. Организация дохода. «Пушкинский класс»

Слово «издательство» в применении к конторе, в которую направила меня судьба, было довольно громким. Некий А.А.А., вернувшись в чине капитана из Германии, получил некую поддержку от знакомых отца-генерала и развернул некую коммерческую деятельность. Первым делом он завёл ярмарку. Что более всего нужно массовому потребителю? Продукты питания, правильно. Конечно, новоявленному предпринимателю пришлось повертеться между столичными чиновниками и ментами, поделившими всю территорию города на сферы влияния. Первые года три он спал по четыре часа в сутки, лично присутствовал на строительстве торгового городка, улыбался нужным людям, заносил, выносил, отбивался от конкурентов.

К моменту нашей встречи А.А.А. чувствовал себя уже довольно уверенно. Зарегистрировал десятки предприятий, как бы учреждавших друг друга и имеющих созвучные названия. Одно из них – скромное ООО (общество с ограниченной ответственностью), выполнявшее заказы московских управ на выпуск небольших газет. Местные чиновники должны были информировать население о своей бурной полезной деятельности. Такие бесплатные газетки разносятся по почтовым ящикам обычно. Ещё там была городская «Московская торговля», редакция которой пользовалась услугами корректора и верстальщика «издательства». Финансы, выделяемые заказчиками на все работы этого «Центра печати и прессы», были довольно смешные, поэтому зарплаты сотрудников тоже выглядели очень бледно на фоне того, что позволял себе

издательский рынок того времени.

Когда А.А.А. озвучил рублёвую цифру, которую он полагал приемлемой для директора этой организации в качестве вознаграждения, я просто засмеялась. Компаньонка его, присутствовавшая на переговорах, с интересом взглянула на меня. Дамочка эта заведовала каким-то торговым центром, в её представлении издательские сотрудники и журналисты были людьми сто двадцать пятого сорта.

- Ну, вы же будете директором, – протянул А.А.А. – Вы со временем организуете себе доход...

- Простите, я буду директором на своём предприятии или на вашем?

- Хорошо, назовите вашу сумму.

Назвала. Не совсем адекватную, потому как требовался учёт особенностей конкретного работодателя, но в несколько раз больше той, что предлагалась. У компаньонки взлетели вверх брови. А.А.А. молчал.

- Вы резюме моё читали? «Мерседес» не продают по цене велосипеда. Если нужен кто-то иной, я не обижусь, поищу другое место.

Дамочка схватила бумажку с моими данными.

- Хорошо, – наконец вышел из ступора А.А.А. – У вас, действительно, внушительный опыт. Я должен вас предупредить: в «Центре» бухгалтером работает жена бывшего директора. Но другого человека у меня на эту должность нет.

- Я разберусь.

Разбираться пришлось недолго. Контора маленькая, два десятка людей с крошечными зарплатками, ненавистно и завистливо поглядывающими в сторону А.А.А., заседающего в кабинете с огромным аквариумом и разъезжающего на блестящем «Джипе». Пьющая и озлобленная бухгалтерша, работавшая когда-то на приличной должности в крупном советском НИИ. Подозрительные взгляды и в мою сторону: ишь, красотка, видно, А.А.А. пассию пристраивает.

Не буду долго расписывать, как я упорядочивала жизнь этой социальной группы и свою в том числе. Скажу только, что через полгода мы вышли на уровень небольшой прибыли. Я открыла в «Центре» несколько новых направлений, в том числе полиграфическое и рекламное. Некоторые сотрудники уволились сразу после моего появления, так как уловили, что я буду

присутствовать в организации не в качестве мебели (до того они довольно исправно использовали оборудование фирмы для личных целей). Несчастную бухгалтершу негласно некоторое время поддерживала торговая дамочка, так и не сумевшая смириться с моим присутствием поблизости. Потом она взяла её себе под крыло в магазинчик, но уже месяца через два уволила: алкоголизм трудно сочетается с ведением финансовой отчётности.

С А.А.А. мы встречались не чаще двух раз в месяц, действовали на разных территориях. Это было большим плюсом, потому что я получила настоящий карт-бланш для себя. Главной моей целью было учреждение на базе этого подвернувшегося издательства своей газеты. Вот втемяшилось, что называется, в голову: раз нет больше издания, в котором я могла бы высказаться об образовании и учителе, остаётся один вариант – собственное СМИ. Несколько раз я намекнула о таком предложении А.А.А.: для того чтобы узнать, возможно ли в принципе подобное дело. Он не возражал.

Всерьёз о газете я заговорила в конце 2000 года. Финансовые показатели у «Центра» были приемлемыми для учреждения своего издания, куда и как двигаться, я хорошо себе представляла. У меня была крепкая команда сотрудников в издательстве плюс список неплохих журналистов. Кроме того, А.А.А. собирался выдвинуть свою кандидатуру на каких-то выборах, а своя печать в этом случае – штука эффективная. Он не воспринял мою затею как завиральную, и «Центр» зарегистрировал газету «Пушкинский класс».

Знакомые меня тогда частенько спрашивали: «Почему «Пушкинский класс»? Это про Пушкина, что ли, будет?» «Ну, были же у нас бесконечные «Ленинские пути». Вот теперь будет «Пушкинский класс». Пушкин, как ни крути, – главный символ русской культуры». Для меня образование и культура в некотором смысле тождественны. Я никогда не могла понять, почему, собственно, образовательную тему в нашем обществе привыкли воспринимать как нечто отдельное от культуры. Там, где есть педагогика, обязательно действуют творческие законы. Кроме того, очень важно, чтобы учителей не держали в некоей резервации, внушая, что они не доросли до общения с «настоящими» творцами: писателями, кинорежиссёрами, учёными... Все, кто занимаются человеком, должны быть в курсе того, что у них получается или наоборот. И, наконец, кто же не сталкивается в своей жизни с проблемами «отцов и детей»? У современного общества есть довольно серьёзная угроза – отсутствие контакта между поколениями. Тем более, что их теперь одновременно проживает не два-три, а больше, ведь продолжительность жизни всё увеличивается.

А почему «класс»? Потому что словечко многозначное. Класс – во-первых,

учебная группа; во-вторых, уровень достижений, образец (вспомним, откуда пошла «классика» и «классицизм»); в-третьих, на современном сленге, нечто очень хорошее. Вот так я оттолкнулась от словосочетания и придумала всю газету. Тоже, знаете, весьма непростое, но интересное занятие. :) Чтобы издание было собранным, не забитым какими-то случайными деталями, надо покумекать над рубриками, над их последовательностью, над возможностями конкретных авторов, художников. А ещё нужен простой, но оригинальный макет... Но у меня были хорошие знакомые и в этой области, помогли. В итоге получились 16 полос А3 на каждые две недели. Новое тысячелетие для меня началось с выхода первого номера «Пушкинского класса». Помнится, все, кто его делали, бодро сказали себе: ведь не каждому такое удаётся!

Глава 20. Расследование честной коммерсантки. Решительные самозванцы

Валентина Серова, 1944 год

Газета, конечно, требовала много сил. Самое тяжёлое – организация распространения и рекламы. Никаких статей а ля «идите к нам, мы учим быстро и качественно!», у нас, конечно, быть не могло – это убило бы идею не поверхностного издания. Но объявления от различных детских и молодёжных театров, библиотек, книжных магазинов мы печатали. Помогала и информация от фирм, торгующих детскими товарами. Часть тиража развозили по тем местам, где могли быть наши потенциальные читатели, образовательным и

культурным учреждениям Москвы. Помимо традиционных каталогов агентств по распространению, удалось включиться и в розничную сеть столичных киосков.

Разумеется, я делала «Пушкинский класс» не для того, чтобы разбогатеть. На просветительских проектах денег не наживёшь. Скажу даже, что не брала себе заработную плату за труды главного редактора: довольствовалась тем, что причиталось за директорство в издательстве. Это многих удивляло. Ну, у нас стойкая привычка определять свои финансы в соответствии с именованьями должностей, а не реальной занятостью. С «Центром» всё уже давно устаканилось, от меня требовалось вмешательство в процесс его жизнедеятельности самое небольшое. Так что разницы между тем, сколько я вкладывала энергии в свою деятельность до учреждения газеты и после её появления, не было.

Всякий пишущий человек должен быть готов к тому, что читающие его тексты люди будут как бы заново знакомиться с ним. Одно дело, пока ты разговариваешь с окружающими о том, о сём, и совсем другое, когда они вдруг обнаруживают то, что ты есть на более глубоком личностном уровне. Письменная речь «просвечивает» любого. Для журналистов в нашей команде, конечно, никакого нового человека в моём лице не возникло. Но вот для сотрудников издательства и его учредителей всё было иначе. С одной стороны, это было хорошо: люди увидели, что рядом с ними не просто толковый управленец. С другой, у тех, кто претендовал на некий статус силы, возникло желание доказать, что они тоже не лыком шиты. Что ж, ничего сверхъестественного, так было всегда. Мало кто соревнуется сам с собой, большинство выбирает внешние ориентиры.

Первой в бой ринулась торговая дамочка. Ей вскочило в голову искать мои слабости, конечно, в коммерческой части. Это было очень смешно. Какие там особенные финансы в небольшой издательской конторе? Но такой момент она понимала. Она не понимала другого: как это человек не хочет воровать, не хочет проехаться за чужой счёт, тем более красивая женщина, у которой под боком богатый мужичок? Да не бывает таких! Интеллектуалка! Знаем мы их: сю-сю-сю, му-сю-сю, а сами стервы настоящие. Воодушевлённая, она примчалась ко мне под вечер и потребовала показать документацию по последним финансовым движениям.

- Пожалуйста, – сказала я и положила перед ней папку.

Уже минуты через две было ясно, что в счетах она мало что понимает и приехала на самом деле совсем не затем, чтобы их изучать.

- Что же у вас реклама такая недорогая, обычно полоса стоит ого-го...

- У нас ого-го быть не может. Газета малоизвестная, тематика специфическая, рекламодатели нефть не качают. Вы бы сами отвалили значительно в новое издание, если бы давали там объявление?

Она скуксилась, замолчала. Пошуршала бумажками. Потом оглядела мой незатейливый кабинет. Никаких признаков разнузданной хапужности. Но убраться без весомых аргументов в свою пользу она не могла.

- Я вам не верю, – выдавила, наконец. – Я не знаю, сколько отстёгивает вам А.А.А., это, конечно, ваши с ним личные дела. Но рано или поздно я докопаюсь до того, на чём вы варите. На такую зарплату выглядеть так, как выглядите вы...

- А мне природа отстегнула, вот я и выгляжу, – забрала я папку. – На здоровом теле любая дрянь смотрится по-королевски. Особенно, если вкус не подкачал. Или вас не устраивает во мне что-то иное? Не надо так волноваться, вы же сами сюда приехали. Могли бы этого не делать, на душе было бы веселее.

- Да, – загорелись её глаза, – не устраивает. И я докажу...

- Послушайте, пора по домам. Я думаю, учредитель должен быть доволен, когда его фирма развивается в правильном направлении. А гадости мне говорить не нужно, это ни к чему не приведёт. Я на такие штуки не реагирую.

Не знаю, кто сообщил А.А.А. об этом интересном нашем свидании, но на следующий день он предложил перерегистрировать «Пушкинский класс» на два физических лица в качестве учредителей: моё и его. Возражать мне не было смысла, так как такой вариант был лучше прежнего, торговая дамочка исключалась из числа тех, кто мог бы как-то на газету повлиять. Она, разумеется, сделала свои выводы и полгода ещё пыталась «разоблачать» А.А.А. Потом ему это надоело, и они рассорились всерьёз, она отделилась от его бизнеса.

Но радостей в связи с «Пушкинским классом» было куда больше. Надо сказать, мы очень пришли по душе Российскому фонду культуры, телеканалу «Культура», вообще тем организациям, которые были связаны с культурной сферой. Исключение, пожалуй, составлял лишь Фонд культуры Москвы, которым ведал Никита Михалков. Сотрудники его не стеснялись по-барски хмыкать: газета, понимаешь ли, да кто вы такие, самозванцы! Людмила Михайловна (бывший корректор «Педагогического калейдоскопа»), помогавшая в организации распространения издания, в конце концов наотрез отказалась иметь дело с этим зазнавшимся фондом.

Зато к нам стали приходиться люди с проблемами, которые почему-то «несамозванцы», то есть именитые и поддерживаемые крупным бизнесом и государством СМИ, решать отказывались. Так, например, произошло с материалом Владимира Александровичам Лебедева о замечательной советской актрисе Валентине Васильевне Серовой. Вы знаете, я очень горжусь тем, что именно «Пушкинский класс» прорвал блокаду молчания об этой удивительной женщине. После того, как мы напечатали воспоминания Лебедева о ней, все вдруг как сон с себя стряхнули: ну, конечно, Валечка Серова, как же! Помним, любим! Ой, значит, уже можно о ней писать!

А разве, собственно, запрещали? Кто знаком с трагической судьбой Серовой, конечно, в курсе её сложных отношений со вторым мужем, Константином Симоновым. Это была блестящая пара, поэт и актриса, каждый из которых был и талантлив, и популярен, и красив. Одно из самых известных стихотворений о войне – «Жди меня», посвящено именно Валентине Васильевне (хотя в издании своих сборников в 1960-1970-е годы Симонов почему-то посвящение «В.С.» снял). Её фотокарточки хранили у себя солдаты на фронтах, она была символом русской женственности.

Но вот что за беда у нас: мы готовы кричать о своей любви только тогда, когда это делают все. После того, как Симонов оставил Серову, а это было в 1957 году, её не просто перестали приглашать куда-либо, её стали загонять в ужасающее одиночество. Подобная история произошла и с другой артистической знаменитостью – Мариной Ладыниной. Генерал от кинорежиссуры Иван Пырьев кричал ей при расставании (инициатором которого сам же и был – женился на Лионелле Скирде), что больше никто и никогда не даст ей возможности сниматься в кино. Так и было, полжизни Ладынина провела затворницей. У неё был крепкий характер, она это испытание выдержала.

А вот Валечка Серова сломалась. Бывшей любимице народа могли позвонить и проверещать: «Ты ещё жива? Не сдохла? погоди, приеду – в ковёр закатаю...» Яркий человек всегда окружён завистниками. Пока он на коне, они могут быть тайными. Когда не на коне, они проявят себя оглушительно. Да, Серова спилась. В 1975 году её нашли на полу в полуразграбленной московской квартире. Симонов тоже был генерал – литературный. В его биографии не должно было быть ни пятнышка. Он не приехал на её похороны – только прислал 58 роз. И вот, значит, вся наша культурная общественность ждала момента, когда разрешат что-то о ней сказать...

- Елена Владимировна, понимаете, из-за Симонова... – Владимир Александрович запнулся. – Говорят, могут быть неприятности.

- Какие? Уже нет с нами ни его, ни её. Это лишь инерция страха. Мы можем себе такое позволить, давайте материал.

Замечательно, что потом Виталий Вульф сделал программу о Серовой в «Серебряном шаре», что сняли несколько документальных фильмов, где о легенде советского кино рассказали Инна Макарова и Нина Архипова, которые не пополнили в своё время ряды предателей красоты и таланта. А вот телесериал «Звезда эпохи» с Александровой и Домогаровым лучше бы не снимали: липкий мешанский примитив. Один эпизод с поющей Валентиной Серовой из «Жди меня» перекрывает все потуги команды, состряпавшей это смотриво.

Глава 21. Соответствие попкорну. Сам себе учитель

Российская система образования в начале этого века стала перестраиваться всё более активно. Это естественно: набравшая силы буржуазная социально-экономическая модель не могла не вступить в противоречие с принципами всеобщего качественного образования. Требования собственно к знаниям большинства граждан снижались, что довольно быстро сказалось на уровне профессионализма буквально во всех сферах занятости. Число этих сфер при том значительно уменьшалось, так как страна почти прекратила что-либо производить, а значит, и создавать свои технологии. Борцы с тоталитаризмом не успели глаза протереть, как их дети превратились в «офисный планктон». Гордо несли головы программисты, полагавшие себя свободными творцами и не замечавшие зависимости от схем, отработанных в военных корпорациях США. Потом разобрались, да поздно – увязли уже не коготками.

Могло ли быть иначе? Нет, конечно. В СССР жизнь двигалась в других координатах, люди были абсолютно не готовы к тем законам, по которым уже давно развивалась западная экономика. Творческая братия подрывалась, как на минном поле, на изощрённых договорах, предложенных зарубежными издательскими и киношными фирмами, озабоченными не произведениями

искусства, а возможностью продавать книги и фильмы без участия авторов либо с минимальным их участием. Для того чтобы как-то заполучить материалы покойного Сергея Бондурчука по «Тихому Дону», его сыну, Фёдору, пришлось проявить чудеса изворотливости и организовать немалые финансовые вливания в Голливуд, например. Но эта история довольно громкая, известная, а сколько ещё не преданных огласке!

Подрывались на разных минах и люди в образовании. О стандартах я уже писала. Штуковина эта абсолютно не нужная в реальном учебном процессе. Весь набор конкретных требований к уровню знаний ученика на том или ином этапе неизбежно прописывается продуманной образовательной программой. Да и само слово «стандарт» – убийственное для педагогики. Люди стандартны лишь в наборе необходимых для жизни органов. В своей духовной деятельности они стандартными быть не могут, всякое их группирование по тем или иным признакам – дело условное. Но настоящий тоталитаризм не дремлет в современном мире: людям навязывают абсолютно одинаковый образ восприятия и действия во всех мельчайших деталях. По городам ходят толпы в джинсах (как будто никаких других штанов уже пошить невозможно); городская архитектура предлагает бесконечные многоэтажные столбы, покрытые холодными для глаза металлом и пластиком, поверх вульгарно размалёванные названиями одних и тех же товарных знаков; в кинотеатрах зачем-то нужно жевать попкорн; громоздкий и нищенски однообразный боулинг – неременный атрибут «спорт-клубов» (в городки бы что ли поиграли на свежем воздухе – и здоровее, и куда как интереснее). И сто восемьдесят телеканалов и интернет-сайтов с десятью новостями на весь мир. Отлично, господа. А мы в своё время издевались над Строительными улицами в Питере и Москве! Это ж цветочки были... Скоро не будет никакого смысла путешествовать: все города станут копиями некоего Мегалополиса.

Вылезло и другое судьбоносное словечко в образовании – «услуга». То есть учебное заведение перестаёт быть собственно учебным: можно ли научить того, кого ты просто обслуживаешь? Ведь желание клиента – закон. А если он желает не учиться, а жениться? Причём методом пикапа? Но увлечённые идеей волшебного гражданского договора господа всерьёз стали призывать выкинуть из головы всякие басни про педагогическое мастерство. Нужно заключить договор между школой и родителем (вузом и студентом), прописать там все моменты, связанные с образовательными услугами, и на том успокоиться. Если договор одна из сторон нарушает – извольте в суд.

Бумажки написать можно. И даже электронные файлы сохранить. Мы ими уже замусорили все серверы. Это пара пустяков. А вот учесть моменты, с подлинным образованием связанные, то есть обусловленные особенностями

конкретного ученика, – это как? Но у нас же стандарт есть. Мы все свободно соответствуем попкорну.

Об этической стороне отправки учителей в армию услужителей говорить вообще не приходится. Уже в поздний период СССР возникло стойкое недоверие к представителям этой трудной профессии. Главная причина тому – основная часть советской интеллигенции «переросла» учителей в объёме научных знаний. Собственно, так и должно было случиться в стране, где внуки «кухаркиных детей» стали учёными, инженерами, писателями, директорами крупных предприятий. Другая причина в том, что условия работы – да и жизни, чего уж там! – самих педагогов в сторону реальных возможностей для саморазвития никак не продвинулись. Но многое при этом про скудоумие учителей обыватели сочиняли совершенно зря. Вот вы уже значительную часть моего путешествия по интеллектуальным конторам проделали. Кого вы видите? Сплошь образованных людей, читающих умные книги, относящихся безусловно с доверием к чужим знаниям, способностям, не мучающих себя всякими тщеславными и меркантильными глупостями, заменяющими результаты творческой деятельности? Но это ведь ещё и не всё рассказываю...

У учителей, в отличие от иных специалистов, есть одно очень важное преимущество – они имеют дело с детской средой. А эта среда гораздо чище взрослой. Это не значит, что с подростками всегда умирительно и душевно. Но они ещё доверяют добру, они ещё требуют реальной справедливости и даже готовы ей поспособствовать, если старшие приветствуют такое поведение. А другое преимущество в том, что учителю нельзя помешать учительствовать. Вот у журналиста можно не опубликовать статью. У кинорежиссёра можно положить на полку фильм. Или даже его уничтожить. У учёного можно украсть результаты эксперимента. А учителю кислород перекрыть нельзя. По крайней мере, пока он жив и здоров. Ну, сплетут какие-нибудь редкие идиоты интригу, уволится он из школы – перейдёт в другую. А за ним уйдут ученики. И даже коллеги. Он сам себе режиссёр, он сам себе программист, он сам себе начальник – он сам себе учитель. Хотя на практике такие вынужденные уходы бывают крайне редко: не понимая, как строится сама работа учителя, в чём она состоит, окружающие всё равно чувствуют в нём того, кто им необходим.

Разумеется, хотелось бы, чтобы чиновники от управления и науки поменьше совали нос не в свои дела. Они напоминают инструкторов плавания, никогда не видевших воду. Сейчас они расплодилось, как никогда, и мешают нешуточно. Бегают с айфонами, липовыми диссертациями, якобы государственными идеями наперевес, всё что-то подсчитывают и автоматизируют. Требуется большая выдержка, большая сила воли, чтобы существовать в нынешней системе образования и действовать ей вопреки,

понимая свои истинные цели и задачи, но этого не афишируя. Однако если вы на самом деле не номер отбываете, а чувствуете призвание к педагогике, можете ли поступать иначе? Выбора-то, в общем, нет.

В начале «нулевых» мне уже было понятно, что вузы, а следом и школы, будут превращаться просто в торговые лавочки. Если народ кинулся делать деньги на каждом чихе, то почему образовательная территория избежит такой участи? Нет, сама педагогика не умрёт, потому что природа всегда выдаёт определённый процент людей, отмеченных учительским талантом. И ей придётся опять сражаться за право видеть в человеке человека. Это будет сражение посерьёзнее того, в котором пришлось участвовать учителям 1980-90-х годов. И им нужна будет поддержка тех, кого действительно можно отнести к числу российских интеллигентов, работающих в самых разных сферах. Поэтому «Пушкинский класс» решал, помимо прочих, задачу объединения усилий таких гуманистов. Не могу сказать, что наша редакция решила её полностью. Но нам удалось показать педагогическое дело неформально: мы не давали никому никаких советов, мы просто рассказывали о том, как видит ребёнка, подростка, юношу тот, кто общается с ним постоянно.

Самое удивительное было то, что редакцию стали посещать родители. Их никто не приглашал, они шли по указанному в выходных данных адресу. Поводы были очень разные. Но все эти посетители были объединены тем, что сталкивались с неожиданностями в поведении своих детей, они представляли себе ранее, что всё будет совсем не так, как оно происходило на самом деле. Родитель ведь проходит отрезок взросления чада только один раз. Это кажется, что с каждым ребёнком всё повторяется – не повторяется. Потому что нет стандарта у человеческой души. Потому что воспитание и обучение – не услуга, а сотрудничество. Потому что родительство – тоже педагогика, а её осваивают по ходу дела и всякий раз заново.

Глава 22. Проектная деятельность жён. Правило двух предупреждений

Когда я затевала газету, я понимала, что в своём свободном плавании мы продержимся лишь какое-то время. Ни одно СМИ полноценным бизнесом заниматься не может, поэтому рано или поздно сдаётся на милость того, кому

нужна лавочка по созданию позитивного имиджа, которую он готов оплатить. Не верьте тем, кто говорит, что в буржуазном обществе существует какая-то независимая пресса. Есть разные группы по политическим (а точнее – экономическим) интересам, они заводят издания, транслирующие идеи, прикрывающие эти интересы. В их числе и государство.

А.А.А. парень был амбициозный. Он довольно широко развернулся у себя в районе, законтачился с чиновниками, обрёл новых покровителей у силовиков. И решил, что пора самому получить некий статус якобы озабоченного нуждами сограждан господина. Ничего удивительного: завести дело без постоянных связей с сидящими на территории представителями власти нельзя. Не только в России – везде. Но наша отечественная ситуация отвратительна ещё и тем, что эту территорию делят между собой параллельно самые разные «влиятели». В начале «нулевых» они серьёзно воевали за первенство, потом всё-таки в столице возникло относительно стабильное теневое правительство и все «договорились». А.А.А., понятное дело, рвался к своему куску пирога. «Пушкинскому классу» пришлось отвести пару полос под его агитки.

На муниципальных выборах его прокатили. Какое-то время он порасстраивался, но, прикинув, что житуха у него и без того комфортная, успокоился. Стал кататься по заграницам, мир рассматривать. Побегав по агентствам, придумал, что надо тоже открыть турфирму. Небольшую такую, в виде оператора, но вот свою. И тут я обнаружила его жену. Очень некстати.

Жена эта решила, что будет издавать туристический журнал. Дабы, значит, поспособствовать развитию нового бизнеса благоверного. Это, конечно, на словах, которыми наивная женщина пыталась саму себя убедить в чистоте помыслов. На самом деле её уже давно мучил наш маленький «Пушкинский класс». Ну, что поделаешь? Сидит себе, что называется, эдакая умница дома, контролирует няnek, которые возятся с малыши детками, развлекает себя посещениями модных салонов и телефонным трёпом с другими такими же умницами. А тут по соседству возникает иная совсем женщина и занятие у неё куда более интересное. Это вытерпеть можно? Да ещё и соучредитель вместе с её родным мужем какой-то там газеты! Надо что-то делать. Если одна баба завела газету, то почему другая не может завести журнал? Знания, профессия, талант, в конце концов, – фигня. Женщины ведь отличаются друг от друга только цветом краски для волос.

В общем, в один прекрасный день А.А.А. огорошил меня тем, что есть новый проект – журнал «Руссо туристо». И попросил сыскать для этого издания главного редактора. Потому что сама его жёнушка включиться в процесс на полную катушку не может. Заявление моего компаньона и работодателя

прозвучало довольно кисло, по всему было видно, что его идея не вдохновляет, но противостоять истерикам половины он, как и большинство мужчин, не может. Легче сделать, как она хочет, чем сутками выслушивать дурь типа «знаю-знаю, почему ты ей помогаешь!».

- Слушай, журнал – дорогое удовольствие, – поспешила я не заметить его вялого настроения. – Одна типография сожрёт немало. Вы хоть просчитали, что куда и как?

- Я открываю турфирму... Журнал не помешает... – пропел он неровным голосом. – Появится главный редактор, наберёт людей...

- То есть по финансам вы всё определили?

- Ну, ты же газету потянула как-то. Без моих вливаний.

- Сначала я очистила авгиевы конюшни в «Центре». Кроме того, это газета, а не журнал. И команда журналистов у меня была готовая, они здесь заинтересованы не столько в зароботке, сколько в возможности высказаться, у всех есть запасные аэродромы. Рекламу я организую сама, она идёт только благодаря моим личным завязкам. Дело, конечно, твоё – поступай, как считаешь нужным. Я просто предупреждаю, что это не игрушки.

На два номера новоиспечённая издательница выщеганила денег у мужа. Когда выяснилось, сколько их реально требуется, он, видимо, приуныл всерьёз. И родил блестящее решение проблемы: надо сделать учредителем журнала не турфирму, а наш «Центр». О том, что такой ход лишит его издательского бизнеса вообще, привыкший уже к успеху деятель никак не подумал. Пришлось устроить серьёзный разговор.

- «Центр» не имеет средств для такого проекта. Муниципальные газеты основной прибыли не дают, они только покрывают часть зарплат. «Пушкинский класс» загнётся через три-четыре месяца, если параллельно ему пойдёт новое издание. У сотрудников рабочий день не безразмерный, они загружены под завязку.

- Нам нужно только, чтобы «Центр» оплачивал типографию и нашёл рекламного агента.

- Так это немало! Рекламный агент – волшебник? На рынке уже действуют пять-шесть туристических журналов, кто же будет давать рекламу в седьмой, никому не известный? Короче, я предупреждаю уже внятно: мне придётся закрыть газету. Во всяком случае, на базе «Центра». А это значит, что я уйду из издательства, без газеты оно меня не интересуется.

- Нет, ты подумай всё-таки.

- А что думать? Ты уже зарегистрировал журнал через «Центр». У меня есть выбор? Извини, но скажу прямо: твоя жена натешится и бросит всю эту суету. Уже бросает. Тут пахать надо, а не имя своё на обложке рисовать.

- Я не могу этому препятствовать. Как хочешь, но «Центр» будет оплачивать типографию для «Руссо туристо».

- Замечательно. Он сделает это несколько раз. Но летом я уйду.

Бросать слова на ветер я не привыкла. И да – в моей жизни действует правило только двух предупреждений: мягкого и жёсткого. Далее я делаю то, о чём предупреждала. Правда, чаще люди понимают всё после первого предупреждения. :) А.А.А. не понял. Или не захотел понять. В результате вместе со мной из «Центра» ушли все сотрудники. Мы дружно проработали вместе почти три года. Нет, я никому такой вариант не предлагала, я просто объяснила, почему покидаю издательство сама. Люди понимали, что по-другому быть не может в создавшейся ситуации, и в душу мне с расспросами не лезли. Верстальщица записала все номера газеты на специальный диск и передала мне – я её об этом ещё не успела попросить, поэтому подарок был особенно приятным. Эта была та самая женщина, которая в первые месяцы моего пребывания в издательстве считала необходимым всем своим видом продемонстрировать, как она занята-занята – не в пример какой-то выскочке из личного окружения А.А.А.

Журналисты мои, конечно, были огорчены, но, тем не менее, мы все сознавали, что нам удалось сделать нечто существенное. У нас был за плечами кусок настоящей счастливой жизни, память о таком может долго удерживать от неверия в себя.

Глава 23. Деньги вместо людей. Промежуточное послесловие

Мои ребята думали, что удастся найти какого-нибудь спонсора для газеты. Но это было нереально. Во-первых, А.А.А. не собирался выходить из состава учредителей, а кому же захочется заниматься проектом, у которого уже вроде бы есть кормилец и доилец. Во-вторых, общество наше всё более глубоко залезало в рыночные декорации, и ему всё более неинтересной становилась тема внутреннего мира ребёнка, да и вообще человека.

Я позволила себе несколько месяцев отдохнуть от подвигов, а заодно, конечно, поразмыслить над будущим. Поскольку мне большую часть жизни приходилось делить себя между параллельными занятиями, а значит, жертвовать в какой-то степени временем на собственное литературное творчество, первое, что возникло в сознании: а не пора ли перейти полностью на писательское поле? Пора-то пора, но нужно и финансами себя обслужить. Значит, должен быть вариант, не требующий больших душевных и временных затрат... От педагогической жизни придётся дистанцироваться: система всеобщего образования разваливается, не может не разваливаться при укреплении антагонистических отношений между социальными группами, каждая из которых при этом заражена бациллой обаракления любой ценой. Быстрого выздоровления ожидать не приходится. Нынешний человек отождествляет личностную значимость со складом в своей норе предметов, проштампованных большим количеством цифровых символов.

Надо сказать, что к этому времени в журналистике я освоила несколько тем. Ну, писала же статьи для ювелирщиков, и они были вполне довольны. При установившемся поверхностном отношении ко всему и всем человек, неплохо владеющий языком, может написать о чём угодно. Поэтому когда меня пригласили на собеседование в одну консалтинговую компанию, которая решила завести у себя специалиста по всяким корпоративным СМИ, я не очень удивилась. Предприятие специализировалось на распространении программного обеспечения для экономистов и юристов, а также аудиторских услугах. Я изобразила себя как среднестатистическую тётеньку, дисциплинированную и аккуратную, достаточно грамотную и не слишком амбициозную. Вдаваться в детали моего трудового прошлого, естественно, никому не было интересно, посему я благополучно заняла предлагавшееся место. То есть ушла в подполье. На этом и закончилось моё профессиональное участие в педагогике. Сей факт, разумеется, уже никогда не помешает разобраться в том, что и как в ней устроено, и ни за что не ослабит интереса к этому важнейшему виду человеческой деятельности.

А.А.А. моим уходом из «Центра» был задет нешуточно. В сердцах вдруг продал ярмарку и закупил зачем-то типографское оборудование в Германии. Знай наших! Попробовал набрать новых людей в издательство. Попросил даже

передать ему оригинал свидетельства о регистрации «Пушкинского класса», потому что он будет его выпускать. Я хихикнула про себя: решил, наивный, что эта бумажка волшебная. Какая разница, у кого оригинал, – везде есть копии, подтверждающие права на СМИ каждого из указанных учредителей. Не вышло у него, конечно, ничего. Капитал – важная штука, фундаментальная, но нужны ещё люди с конкретными умениями. Те, кого мог привлечь к изданию А.А.А., не смогли собрать даже один номер «Пушкинского класса». «Руссо туристо», разумеется, тоже закрылся через пару месяцев. В общем, незадачливый коммерсант потерял солидную часть бизнеса и для того, чтобы поправить свои дела, отправился на Дальний Восток: места там рыбные, прибыльные. Благодаря чиновным и иным связям, попал даже в свиту какого-то губернатора. Интересно, что перед отъездом позвонил и признал мою правоту по всем статьям. Ну, что ж, приятно, когда люди усваивают преподанные им жизнью уроки.

Что ж, формально я всё ещё являюсь учредителем «Пушкинского класса», однако с газетой попрощалась. Делать – так делать хорошо. Для этого ни в то время, ни сейчас возможностей нет. Можно было бы замутить интернет-издание, но на этой площадке люди тоже больше озабочены финансами, нежели, собственно, культурой. Говорю это со знанием дела, потому что приходилось участвовать в сетевых проектах. Хотя интернет как новая технология – штука интересная и со многими ещё не осознанными социумом инструментами.

А с вами, уважаемые читатели, я ещё не прощаюсь: впереди вторая часть этой тетради. В ней я постараюсь рассказать о том, что собой представляли российская школа и вуз 1970-90 годов, как в них чувствовали себя человек учащийся и человек обучающий. Пока же разговор больше шёл о том, на чём мы привыкли строить этическую практику. Человека вне этики ведь не существует.

Часть вторая. Сборник задач по взаимопомощи человек

Глава 1. Псковская Венеция. О пользе некоторой загруженности

Памятник Зиновию Гердту в Себеже

Первая школа в моей жизни – конечно, та, в которой я училась. Находилась она в одной из секретных воинских частей недалеко от маленького, но живописного города в Псковской области – Себежа. Знаменит он, в основном, тем, что в нём родился замечательный артист Зиновий Гердт. В сентябре 2011 года там был открыт памятник, деньги на который собирали жители этого города. А ещё Себеж – излюбленное место питерских художников, приезжающих за красивыми пейзажами.

Папа попал в эту часть сразу после окончания военной академии и прослужил в ней до самой демобилизации. Поэтому мне повезло по сравнению со многими детьми военнослужащих: школы я не меняла. Второе везение – на Псковщине изумительная природа. Мы жили в городке, окружённом со всех сторон лесами. Там была и чистая берёзовая роща, и могучий сосновый бор, и ягодные кустарники. И внутри этих лесов – озёра. Чистые, певучие, гладкие. Не случайно эти места называют русской северо-западной Венецией.

Жилую зону городка отстроили чуть позднее, чем запустили военные объекты, поэтому помню, что до самого поселения в нём наша семья – то есть мама, я и младший брат – жили в Себеже, сначала на квартире у одинокой старушки с сыном, потом в гостинице. Папа приезжал к нам на выходные и с воодушевлением рассказывал, какой будет наша квартира и какую мебель можно заказать через Военторг. Они с мамой чертили какие-то эскизы, на которых «расставляли» эту мебель: жилплощадь была не слишком большой, две смежных комнаты, кладовочка, маленькая кухня. Но это была первая квартира в жизни моих родителей, которую они ни с кем не делили и за которую никому

не платили, поэтому энтузиазму не было предела. То есть своя квартира – в СССР недвижимость никто не покупал, а ту, что предоставлялась государством, люди называли своей.

Все вместе в этот городок мы перебрались в 1964 году, когда к власти пришёл Брежнев. Взрослые в семьях моих друзей ругали Хрущёва, называли его между собой Хрущом, высмеивали за всякие трюки на выступлениях и почему-то ждали от неизвестного Брежнева чего-то нового и достойного. Через несколько лет стали ругать и этого – в России стойкая традиция недовольства любыми лидерами. Но никаких отголосков антисоветчины до нашего городка не доносилось. Впрочем, говорить о том, что мы были замучены какими-то совковыми извращениями, тоже было бы неверно. Мы просто жили в некоем небольшом мире, где мужчины каждое утро уезжали на работу в специальных машинах, женщины занимались бытом, потому что для них рабочих мест было очень мало, а дети спокойно возились около домов. Все были на виду друг у друга, даже удрать с уроков было проблематично: дома матери, а в иных местах обязательно чьи-то глаза, скрыться негде. Посему городской вольницы в быту наших школьников не было.

В первый класс я пошла уже очень хорошо читающей, считающей, сочиняющей всякие истории девочкой. Всему этому меня научила мама, ни в ясли, ни в детский сад меня не отдавали. Правда, тесно общалась она со мной только до пяти лет. Потом родился мой брат, и она стала ко мне довольно строгой и как будто даже прохладной. То ли начиталась сомнительных книжек про то, что старшие дети обязательно ревнуют родителей к младшим, то ли боялась, что моя ранняя успешность во всём перерастёт в самодовольство. Но в итоге, знаете, получилось неплохо: я с детства поняла, что рассчитывать на бесконечные пряники не нужно – нужно трудиться и гордиться не тем, что тебя хвалят, а тем, что у тебя реально получается. Даже если никто этого не замечает. :)

Ребёнка воспитывают не только люди, но и атмосфера, которую создают их отношения. Я росла в семье, где мужчина и женщина очень подходят друг другу, где есть не только совместное ведение хозяйства и приобретение всяких необходимых предметов, но где все должны быть добры друг к другу. А что есть любовь, если не безусловное желание добра ближнему, выразительно проявляющееся в готовности ему помочь? У нас не было распространённой во многих российских семьях традиции баловать только детей чем-нибудь вкусненьким, приучать их к тому, что они – привилегированные домочадцы. Если, например, привозили какой-нибудь дефицитный виноград (а за ним маме приходилось несколько часов выстоять в очереди, пока мы были в школе), его делили поровну между всеми.

Папа был очень терпелив с нами, детьми, хотя в городке его многие побаивались. Меня это всегда удивляло: чего они в нём опасаются? А впечатляло многих то, что он был совершенно нетерпим к алкоголю, табаку, мату. При этом никакого киселя в характере – крепкая воля; любовь к спорту, причём в ей активной форме, не диванной; не понимаемый большинством Маяковский наизусть. Женщины в городке маме откровенно завидовали. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что папа родом из Москвы. Правда, никто при этом не знал, что в Москве этой он мало кому был нужен. Когда бабушка вышла замуж за его отчима и уехала работать за границу, мальчик остался на попечении тёток, не очень-то расположенных к племяннику. Сказка о том, что каждая женщина любит каждого ребёнка, у нас, конечно, пустила корни, но жизнь нередко показывает, как своего мать облизывает, а уже сестриного может пнуть – и не заметить. После школы папа год поработал на заводе, а потом двинул в какое-то сибирское военное училище – там казённая одежда и кормёжка. Жил в одной казарме с уголовниками, которых по амнистии толпами выпускали в 1950-е годы. Рассказывал, как объединился ещё с несколькими ребятами-спортсменами, и вместе они застолбили свои права среди выдавших виды удальцов.

За материальными благами семейство наше не гналось, это тоже было нетипичным. Многие думали, что мы не особенно разговариваем на животрепещущую имущественную тему, потому что у нас всё схвачено. Отсюда ещё одно моё раннее знание: люди в массе своей измеряют жизнь покупками, и это их здорово калечит. И мне никогда не было интересно сидеть в каком-нибудь девичьем кружке и часами обсуждать кофточки географички.

Нет, идиллическим детство моё не было. У мамы был сильный темперамент, в минуты раздражения – а такие не могли не случаться при её загруженности бытом и при явном вокальном таланте, у которого не было шансов реализоваться из-за преданности семье, – мне доставалось по делу и не по делу. Бывало, что я просто убегала в лес, который знала, как свои пять пальцев, и там выплакивалась. Но что удивительно, я чувствовала при этом, что дело не во мне, а в чём-то ином, что маму мучает. Во взрослом состоянии я разобрала для себя все эти глубины и тонкости и сумела стать своей матери другом. Впрочем, это я забегаю вперёд. :) Здесь же замечу, что сентенция о том, что для счастья всякой женщине достаточно любящего мужа и здоровых детей, глуповата.

В первый же день пребывания в школе я проявила себя педагогически. Детвора в доме любила, когда я на ходу придумывала какие-нибудь сказки и рассказывала их. Сначала-то я делала это для брата, но у него ведь были приятели, он их приобщил к моим импровизациям. И вообще младшие почему-

то всегда за мной хвостом ходили, хотя я никогда с ними не сюсюкала. Директриса школы быстро доложила моей маме, что дочка обязательно станет учительницей: девчонка собрала свою мелюзгу на поляне, раздала им листочки бумаги и научила писать с десятков букв! Узнать мне самой об этом было нетрудно: в нашей маленькой квартирке я просто вынуждена была слушать перед сном шёпот родителей, а уши мне природа подарила довольно чувствительные. Мама за день успевала соскучиться по папе и рассказывала ему смеясь самые разные разности. Отвлекая от них брата, я затевала свои разговоры. В болтовне о всяких интересных мечтательных вещах мы и засыпали.

В народе говорят, что когда первой рождается девочка, а вторым мальчик – это красные дети, девочка будет помогать родителям воспитывать маленького, а он будет всегда ценить женское внимание. Не знаю, может быть. Но совершенно точно – очень хорошо, когда мальчики и девочки имеют опыт общения с раннего детства. Когда мы заехали в наш дом, в нём как-то не оказалось сразу девочек-сверстниц. И я дружила с мальчишками. Даже в войнушку играла, и даже бывала атаманшей. :) Правда, годам к восьми мне это надоело, и над своими друзьями я стала посмеиваться: что орёте, как сумасшедшие, носитесь впустую? Но с каждым из них у меня всё равно сохранились уважительные и добрые отношения. А вот первая подружка стала моей первой предательницей. Поневоле: ей бабушка запретила со мной дружить, потому что, де, я из богатой семьи (Москва-Москва!) и никогда не буду её любить. Правда, девочка долго мучилась, понимая, что делает что-то неправильное. Нам было по семь лет. Простила ли я её, спросите? Простила – и её, и бабушку. Но на всю жизнь сохранила с ними дистанцию.

Зато потом судьба подарила мне такую подружку, какая редко у кого бывает. Мы встретились девятилетними, её семью поселили в нашем доме, только в другом подъезде. Почти за семь лет общения мы не поссорились ни разу. Она была тоже очень компанейская и доброжелательная, разводила кактусы, лечила всех кошек во дворе. Мы были почти одинакового роста – и самые маленькие в классе, – она блондинка с двумя задорными хвостиками, а я русая и в строгих очках. Её мама так радовалась нашему союзу, что даже достала две одинаковые голубые курточки (тогда с детскими товарами было трудновато) и обрядила нас как близняшек. При этом мы были во многом разными, и в характерах, и в некоторых увлечениях – однако это как раз было интересно. Но я перед верной подругой виновата. Она не заканчивала вместе со мной школу, потому что за полгода до того родителей перевели в другую часть. Перед отъездом Иришка принесла две серёжки и сказала: «Давай сохраним по одной каждая, мы так хорошо дружили». И она свою серёжку сохранила, как

выяснилось через десятилетия. А я потеряла. Чёрт их возьми, эти переезды и ремонты... Не оправдание, конечно. Прости меня, Ира.

Очки? Да, я до пятнадцати лет носила очки. Перед рождением брата чуть было не лишилась левого глаза. В воскресенье всей семьёй пошли прогуляться, я побежала впереди родителей к калитке. На ней был большой железный засов, калитка открылась в мою сторону – вошёл человек, удар засова пришёлся мне по виску, глаз от испуга почти убежал за белок. Врач после осмотра сказал, что исправить дело можно, но очки придётся носить целых десять лет. Все взрослые (папин отчим отвёл-таки нас в какую-то закрытую больницу) напряглись, тогда ещё такого количества очкариков, как теперь, не было, тем более среди детей. Но будущая строгая училка сказала: «Подумаешь, очки! Как раз к юности и сниму». Все засмеялись и успокоились. А потом часто приговаривали: «Смотрите, а Лену очки и не портят!»

Мальчик, который был в меня влюблён и видел без этих конспиративных стёкол в театральном кружке – сцена была единственным местом, где я врачей не слушалась, – не мог дожидаться, когда же его красавица от них избавится окончательно и все увидят, какая она на самом деле. :) Но в моей жизни они сыграли тоже позитивную роль: научили быть спокойной в разных ситуациях и при разных занятиях. Вообще, надо сказать, что уже в детстве я освоила как бы параллельные состояния. Дома – одно, школа – другое, двор – третье, музыкалка – четвёртое, театральный – пятое, чтение и писанина – шестое...

Вот бытует мнение, что дети, интересующиеся всякими серьёзными штуками, обязательно замкнутые, нелюдимые, у них проблемы с ровесниками. Ерунда это всё. Да, я довольно рано научилась бывать в уединении и оно меня нисколько не смущало. Ведь чтобы прочитать, скажем, книгу, а тем более записать какой-нибудь рассказ, нельзя отвлекаться на болтовню окружающих. Но к вечеру я выходила во двор и с удовольствием играла в бадминтон с приятелями. И нам было о чём поговорить. В школе я чаще была вещью в себе, потому что сплетни девчонок меня никак не бодрили, а кто с кем целуется, мне было ясно и без этого воркования. В седьмом классе я вообще очень сошлась с девочками из девятого, они как-то больше со мной совпадали. Думаю, что нормальный человек должен уметь быть как наедине с собой, так и в дуэте с другом или подругой, так и в компании из многих участников. Но только объединённых реальным интересом друг к другу, а не географическим соседством или желанием просто чем-то занять время.

И вообще, трата времени впустую – преступление, оно ведь не восстанавливается. :) Мне вот его вечно не хватает. И уже тогда не хватало, а хотелось попробовать так много. Лет в двенадцать я сказала себе, что бояться

чужого мнения о себе – глупость, ведь люди видят далеко не всё и потому часто заблуждаются. Поэтому если знаешь, что никому не желаешь зла, что просто стараешься сделать что-нибудь стоящее – не оглядывайся по сторонам, а действуй. Ошибаешься – исправляй ошибки, они у всех могут быть, это не криминал.

Вы скажете, какие нехорошие родители, маленькую девочку нагрузили до предела всякими занятиями? Ничего подобного, я сама с радостью нагружалась. Вот я очень любила музыку, хотя среди родственников никаких музыкантов никогда не было. Это заметила моя учительница пения и пришла к нам домой. Она сказала родителям, что надо что-то делать, ведь редко бывает, чтобы ребёнок сам рвался изучать нотную грамоту, так внимательно слушал и классику, и поп, и фольклор. Да и голос у девочки неплохой. Мама отвела меня в детский сад, чтобы тамошняя пианистка определила, что у меня со слухом. Эта странная женщина сказала, что слуха особого нет. Но мама не поверила.

И мы купили пианино. Оно у меня до сих пор живёт, довольно недурной немецкий инструмент. Покупали мы его трудно, залезая в долги. Семье нашей часто приходилось иметь дело с долгами, но держались мы всё равно дружно и весело. Мама договорилась с одной знакомой, закончившей музучилище, об уроках для меня, но скоро необходимость такая отпала: к нам в часть приехала супружеская пара Домбровских. Изабелла Яковлевна, выпускница Ленинградской консерватории, организовала в городке музыкальную школу, а Михаил Владимирович – театральный кружок. Именно театральный, а не драматический, и участвовать в нём могли не только школьники, а все жители. Хотя, разумеется, в основном в него попали учащиеся, потому что другой молодёжи у нас практически не было: ребята заканчивали среднюю школу и разъезжались по разным городам, где продолжали учёбу в вузах. Так что попала я в музыкалку поздно, уже в одиннадцать лет, зато прошла все её семь классов за четыре года и к выпускному классу средней школы была уже посвободнее.

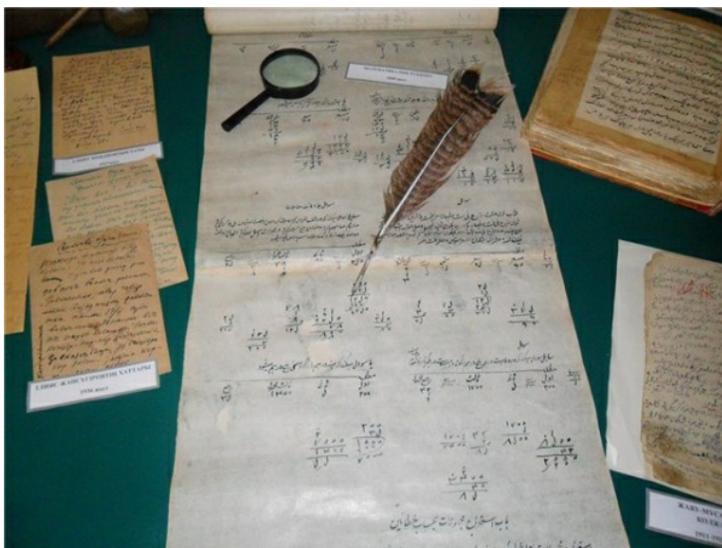
Фотографировать и вязать я училась с одинаковым рвением, мне в голову не приходило, что бывают какие-то специфические занятия для девочек и мальчиков. Такие занятия могут быть только в связи с некими природными особенностями и только. А фотография в те годы была делом серьёзным, не то что теперь. Плёнки, химикаты, выдержка, диафрагма, вообще объектив, увеличитель, подходящая бумага... Самое интересное, конечно, – печатание снимков с плёнок. Папа помогал мне повесить на специальные гвоздики тёмное одеяло на кухне, я запиралась в ней почти до утра. Просыпалась уже под разговоры домашних о том, что они видели в результате. А вязание мне было занимательно, потому что как это: из ниточки целое полотно получается, да ещё то треугольником, то кругом, то другим каким-то хитрым очертанием. Ни

бабушки мои, ни мама вязать не умели, мама только шила. Поэтому я записалась в кружок рукоделия к строгой женщине Жозефине Анатольевне – она слыла в городке лучшей по этой части. Действительно, она творила чудеса. Вязальные машины тогда ещё в народ не пошли, а для хорошей вязальщицы очень важен ровный петельный ряд. Опытная наставница объяснила мне, как этого добиться. Уже в молодости во времена пустых магазинов я варганила себе такие вещички, которых не было ни у кого. :)

А в выпускном классе я освоила печатную машинку. Купили-то её для мамы, ей очень хотелось как-то устроиться на работу, но поскольку за плечами были только десять классов средней школы – она рано вышла замуж, – ничего, кроме места машинистки, реальность предложить не могла. Она печатать научилась, и на работу в штаб её через несколько лет взяли-таки. Мне машинопись тоже помогла несказанно. В том числе и при переходе на работу с компом. :)

Не буду больше донимать вас всеми моими увлечениями, а то ещё скажете, что выпендриваюсь. Нет, я только рассказываю о том, чего может добиться нормальный человек уже в детстве, если не гасить в нём любознательность и не делать за него то, что он в состоянии сделать сам. А заодно о том, какие возможности для развития предлагались подросткам в 1960-70-е годы в военных «дырах».

Глава 2. Двусоставная честность. Борьба за самодисциплину

Школа в нашем городке, в котором народу всего ничего, разумеется, была небольшая. Когда после 8 класса (тогда были десятилетки) несколько человек ушли в техникумы, нас осталось всего 16 учеников, тех, кто успевал на

«четвёрки» и «пятёрки». Исключение было сделано только для одного мальчика, сына учительницы из началки, у него в свидетельстве о восьмилетнем образовании оказалась пара «троек». Но мы все радовались, что его оставили в школе: парень был и неглупый (кстати, очень начитанный), и добрый. Для сравнения: в городских школах в среднем наполняемость класса была до 35 человек.

Учителя, конечно, с нами работали разные. И, конечно, мы, подростки, тогда мало понимали, как нам с ними в целом повезло. Потом, когда мы стали взрослыми, на юбилейных встречах все делились своим первым впечатлением от однокурсников, с которыми столкнулись в вузах: их «пятёрки» зачастую соответствовали нашим «тройкам». И ещё мы поразились тому, как принято было у наших городских сверстников хамить родителям и учителям. Нет, мы не считали старших небожителями и хорошо видели их недостатки, далеко не во всём и всегда были с ними согласны. Но накричать на маму? Рассуждать об учительнице так, как будто она девочка-припевочка, одного поля с тобой ягода? Это было невозможно. Ну, выслушай спокойно, не спорь, а поступи по-своему, если считаешь, что права ты, а не она.

Наш детский мир был под надёжным и внимательным крылом взрослого. Если готовились к праздникам, то все. Концерты по этому случаю – выступают и взрослые, и дети. Масленичные гуляния – с утра до вечера, строится ледяная крепость, устанавливаются нехитрые приспособления для спортивных соревнований, шатёр, в котором пекут блины и тут же ими угощают гостей. Но никаких свинских пьянок на глазах у детей. Ну, с этим вообще в нашей части было строго, туда абы кого служить не направляли, если что, могли и выслать в 24 часа вместе с семьёй. Поскольку папа о своей работе дома подробностей не рассказывал и вообще не жаловал сплетников, мы с братом никогда не слышали ничего дурного или сомнительного о его сослуживцах или о наших соседях. Отголоски некоторых ЧП и скандалов доносились до меня только от соучеников. Мама иногда передавала какие-то версии, рассказанные ей женщинами, но папа на это реагировал просто: «Ты сама там была? Ты это видела? Вот и не надо повторять чужие глупости».

Сказать, что я прямо-таки обожала школу, было бы неверно. Я рано привыкла к довольно свободному режиму: главное, вовремя прийти на обед и ужин, чтобы мама могла всех вместе покормить. В промежутках между ними я сама определяла себе занятия. А тут уроки по чёткому расписанию, всем встать, всем сесть, руки сложить перед собой... Для чего это? :) Больше всего я любила уже в первом классе чтение, в портфеле у меня обязательно была какая-нибудь книжка. Естественно, хотелось её достать, а не учебник. Через пару недель после того, как я поступила в школу, осмелилась наведать тамошнюю

библиотеку: интересно было узнать, что в ней есть. Библиотекарша засмеялась, увидев меня: «Ваш класс скоро сюда приведут, чтобы всех записать, и тогда я дам тебе любую книгу, которую ты захочешь почитать». Скоро. А когда именно? Пока что-то всё палочки пишем... А я-то уже буквы знаю. Правда, печатные – но скопировать их могу запросто. Где мне было понять, что способ записи, которому нас обучают, имеет преимущество, как раз экономит время. Вот ведь детская самонадеянность. :)

Тогда ещё существовали перьевые ручки, которые нужно было макать в чернильницы, укреплявшиеся в специальных углублениях парт. Ужасная вещь! Попробуй не капнуть на парту, которая к тому же ещё и покатаая (врачи боролись с искривлениями детских позвоночника очень усердно, мебель в школах старались строго подогнать под рост учеников, а плоскость стола делалась наклонной, чтобы удобно было держать руки при прямой спине). А капнешь – попробуй потом эту парту отмыть. В общем, мы запасались промокашками, которые тогда обязательно по одной вкладывались в каждую тетрадку. Исписанные тетрадки мы выбрасывали, а промокашки сохраняли. Современные дети про такое уже не знают. :) Промокашка – это такая бумага, чуть поменьше самой страницы. Ею покрывалась капля чернил (клякса она называлась, эта большая капля), чтобы та не растекалась. Вот мы и маялись с этими кляксами. Но сначала нам разрешали писать хорошо отточенными карандашами – во избежание приключений с чернилами. Потом изобрели ручки, которые чернилами заправлялись на довольно долгий период, мы немного расслабились. А уж затем появились ручки шариковые, в которые вставлялись стержни со специальной пастой, чернила умерли. Подумать только, какими темпами в XX веке прогрессировали инструменты для письма! :)

В начальной школе у нас был отдельный предмет – чистописание. Я его ненавидела. Мама придавала оценкам большое значение. Она вообще была человеком, зависимым от чужого мнения. А я маму любила и травмировать лишней раз не хотела. Когда началась Отечественная война, ей было всего три года. В этом возрасте у ребёнка формируется эмоциональный фундамент – у неё он строился на страхах: бомбёжки, переполненные беженцами поезда, голод, усталая, недосыпающая бабушка, смерти попутчиков... Конечно, в детстве я не понимала связи маминого поведения с такими обстоятельствами, но чувствовала, что она искренне страдает от всяких моментов, которые мне кажутся пустяками. Ей почему-то хотелось, чтобы дети её были без сучка без задоринки. Ну, общая болезнь молодых родителей. :) Уже в средних классах я поняла, что дело ещё и в женской зависти по отношению к маме, бывало, что дома она даже плакала из-за каких-то колкостей... А ещё она была очень

чистоплотная, у нас в квартире всегда было уютно, все вещи на своих местах. Нет, до фанатизма не доходило: порой она увлекалась чтением какой-нибудь биографической книги о Пушкине и напрочь забывала про хозяйственные дела. Мы приходили на обед и смеялись: сварим суп с клёцками, он такой вкусный!

Так вот, чистописание. Я была торопыгой, и писать без клякс или ровнёхонько по линейкам мне никак не удавалось. Однажды я получила «тройку», которая для моей мамы была равнозначной колу (так называли «единицу» за внешнее сходство с вертикальной дубиной). Вот ведь беда: мне опять скажут, что я неряха, начнутся переживания, даже раздражение. Подошёл одноклассник, я ему про беду рассказала.

- Да я сейчас эту «тройку» перерисую на «пятёрку», – обрадовался он возможности поучаствовать в важном деле.

- Ну да, – недоверчиво посмотрела на него я, – а ты сможешь?

- Ха! – браво воскликнул художник и вытащил из кармана лезвие. После стирания злополучной «тройки» на странице образовалось подлое розовое пятно (учителя писали красными чернилами). То есть стало ещё ужаснее.

- Ладно, – процедила я, – иди давай, расскажу дома как есть.

- А тебя бить не будут? – спросил он вдруг серьёзно.

- Ты что? Нет, конечно. Будут долго ругать.

- Тогда ерунда, – преобразился мальчик. – Пусть болтают. Ты это, не обижайся на меня: я помочь хотел.

- Да знаю я, знаю. Иди!

Отогнав незадачливого товарища, я задумалась. Сказать сразу или дождаться, когда она сама обнаружит? Каждый день мама в мои тетради не заглядывала и вообще слишком не контролировала, могло статься и так, что она никогда про эту розовую дрянь не узнает. Зато я буду всё время о ней думать... Наверное, лучше всё-таки сказать самой.

Мама открыла дверь в самом замечательном настроении. Я поставила портфель рядом с собой в прихожей, молча его открыла и достала тетрадку.

- Ты чего это?

- Я получила «тройку» по чистописанию. Здесь она не видна, я хотела её стереть.

Мама внимательно посмотрела на пятно.

- Ты сама это делала или тебе кто-то помогал?
- Никто не помогал. Сама. В общем, я неряха.
- Точно-точно никто не помогал?
- Точно, – буркнула я и закрылась в ванной.

К моему удивлению, взбучки не было. Никакой. Мне дали спокойно переодеться (мы в школу ходили в форме) и заняться пианино в ожидании на обед папы. Я для себя сделала очень значимый вывод: честность бывает двусоставной. Про себя надо говорить правду, даже если несёшь плохую новость, но другого при этом не подставлять. Ещё бы я сказала, кто это пятно соорудил, – а если его дома бьют?

Избавиться же от разных нежелательных последствий вечной торопливости мне помогла наша учительница математики, Тамара Никандровна Елизарова. При этом сама математика не входила в число любимых мной предметов, что умную и добрую женщину очень огорчало. Она мне этого не говорила, но я чувствовала. Алгебра меня порой просто бесила: что за мука – подставляй под буквы цифры и занимайся дурацкой арифметикой! Геометрия – куда ни шло, там разные фигуры, отношения пространственные, интересно бывает. Более всего меня устраивали самостоятельные и контрольные: решила в тишине четыре-пять задачек, а ещё время остаётся на чтение. Или на писанину (за десять-пятнадцать минут можно две строфы накатать!).

- Так, – подходила к моей парте учительница. – Читаем?
- А я всё решила. Вот, пожалуйста.
- Угу. Очень интересно. Ответ правильный, но как ты к нему пришла, никто не поймёт (пара действий пропущена, вместо плюса минус, десятичные преобразились в тысячные – кошмар!). Черновик есть?
- Есть, а как же, – делаю хрустальные глаза. – Конечно!
- На твой почерк шифровальщика надо вызывать. И где здесь то, что ты пропустила? Не вижу... Вот эта закорючка что обозначает? А хорды на чертеже почему нет, куда она подевалась?
- Ну, букву я тут поставила, и хватит. Начертить забыла. Не успела...
- А куда не успела-то? Лена, – смеялась она, – что ты вытворяешь? Ну, фантазёрка, всё надо переписать. Черновик не трогай, ладно, раз у тебя память работает. Но в чистовике всё надо привести в порядок. А потом решай второй

вариант.

- Это нечестно!

- А читать «Войну и мир» на математике честно? Екатерина Ивановна (наша учительница по русскому и литературе), конечно, будет рада, когда я ей это расскажу. Зато у меня какое горе!

Я вздыхала, убирала в портфель Толстого и расправляла тетрадь. Но гарантировать, что со второй попытки запишу всё, как полагается, конечно, не могла. И почему нечестно читать, когда ты уже всё решила? Кому это мешает? :) Ещё этот второй вариант. Опять же скука: только последнее задание немного другое, а в принципе всё одинаково...

Но Тамара Никандровна добилась-таки того, что я стала гораздо внимательнее к мелочам. Однажды она просто оставила меня после урока и сказала:

- Понимаешь, если ты не научишься самодисциплине, ты будешь проигрывать в жизни. Чем бы ты ни занималась. Вот посмотри на свою соседку: она решает медленнее тебя, но зато она очень аккуратная, у неё плюсы на минусы не меняются.

Действительно, я обнаружила в тетрадях моей соседки по парте всё в образцовом порядке. И в таком же порядке всегда были черновики. Вот значит как, а я такая растеряха рядом с ней. Нехорошо, надо брать себя в руки. И ещё одно открытие было связано для меня с этой замечательной девочкой. Как-то Тамара Никандровна объяснила нам новую теорему – а делала она это великолепно, у неё не было ни одного лишнего слова в изложении – и, как положено, дала соответствующую задачу. Смотрю, я уже нацарапала почти всё, а соседка сидит без действия.

- Ты чего?

- А я не поняла, – ответила она, – а почему вот здесь...

И запнулась, покраснела. До этого случая я считала, что, в общем, все люди могут нормально учиться, если только не ленятся и не слишком отвлекаются от того, что делает учитель. Но про эту одноклассницу я знала, что она не лентяйка, не болтушка и уж точно не дурочка. Я взяла лист, сделала чертёж и повторила запись и объяснение за учительницей. Девчонка радостно закивала: да, теперь поняла. Так я выяснила, что у людей разная скорость мышления и нет в этом никакой их вины. Потом моя одноклассница перестала стесняться и в трудных случаях запросто ко мне обращалась.

Уже в выпускном классе Тамара Никандровна при посещении её уроков завучем и директором норовила вызвать меня к доске. Видимо, она мной гордилась. Хотя там была и другая причина, но о ней я расскажу позднее. Заинтересовать меня своим предметом на более глубоком уровне ей не удалось: я была неумолима в пристрастии к литературе и языкам – но если бы не её настойчивость, вряд ли бы я добилась на той дороге, по которой пошла, приличных результатов. Это ведь только кажется, что школьные предметы никак друг с другом не связаны, как бы на разных материках проживают.

И ещё один забавный случай помню. Дочка Тамары Никандровны, ожидая её после уроков, зашла к нам в класс и увидела у меня учебник химии.

- А что это такое – химия?

- Наука такая. Всякие жидкости и газы изучает.

- А зачем?

- Ну, интересно. Например, когда вода холодная, она гладкая, а когда кипит, у неё пузыри на поверхности, а потом пар поднимается. Видела?

- Видела. А правда, почему пузыри? Они откуда берутся?

- Вот химики и думают, откуда.

Потом я её развлекала сказками про соединение кислых и горьких жидкостей, из которых может получиться что-то неожиданное. :) Как ещё восьмилетнему ребёнку объяснить про химию? На следующий день моя учительница сказала, что я натворила проблем: дочка требует купить ей учебник химии. И добавила, что, видимо, из меня выйдет толковая учительница. Это было второе пророчество за мой школьный период.

Глава 3. Версия о сложном характере. Ведьмин романс

Любила же я более всего литературу, русский, немецкий и историю. При этом не было стойкого неприятия прочих учебных предметов. Я была довольно любознательной, в семье эту широту интересов не гасили, а в школе какие-то ужасные люди, исполняющие роли учителей, мне не встретились. Правда, с мамой бывали небольшие стычки из-за того, что она редко видела меня с учебниками в руках: мне для загрузки памяти вполне хватало объяснения учителей на уроках и беглого прочтения там же соответствующего материала. Тогда ей вдруг приходило в голову, что я ленюсь, что школой уже никак не интересуюсь. В результате получались весьма комичные проверки моего усердия к учёбе. Мама брала, к примеру, учебник по биологии, узнавала, что нам задали. Я пересказывала написанное в параграфе, потом ехидно спрашивала: «А задачу решать будем? У нас завтра ещё и геометрия». Мама смеялась, откладывала злосчастный учебник, вздыхала: «Ага, только математики мне не хватало. Как вы в ней что-то понимаете? Ладно, иди, зубри свою роль...»

Интерес к урокам литературы, разумеется, не мог не возникнуть у ребёнка, много читающего уже с детства. Сказать, что меня к этому занятию как-то специально приучали, я не могу. Библиотека у нас в доме была не слишком большая, но золотой фонд русской классики присутствовал. Никаких отдельных разговоров о прочитанных родителями книгах я припомнить не могу, однако чтение для них было естественной частью досуга, мы с братом были тому свидетелями. С тех пор, как я научилась читать, я делала это постоянно и без участия родителей. Чтение вошло в мою жизнь легко и свободно.

Наша учительница по литературе, Екатерина Ивановна Камышан, была обыкновенной советской словесницей тех лет. Да, она не выходила за границы перечня произведений, которые были прописаны программой. А нам не

приходило в головы, что именно этот «выход» должен был бы означать некую её интеллектуальность и личностную свободу. Основные её качества – трудолюбие и человечность. Она не дёргала неокрепшие души своих учеников разговорами о том, что «всё совсем не так, как на самом деле». Если, скажем, мы читали «Молодую гвардию», то внимание акцентировалось на дружбе, любви героев, на том, что проклятая война не позволила этим героям пережить всё, что полагается нормальным людям. И мы им сочувствовали, искренне и страстно.

«Школьные» произведения я успевала прочитать до того, как за них брался класс. Разумеется, я очень этим гордилась. Но совершенно не задумывалась о том, что учительница-то прочитала их уже не один десяток раз и потому мне с ней равняться негоже. :) Екатерина Ивановна меня выделяла, ей очень нравились мои сочинения. Мне это, само собой, было приятно, но я всегда недоумевала, когда она зачитывала из моих опусов отрывки: при озвучивании акценты как-то смещались... Потом, в своей учительской практике я напрочь отказалась от зачитывания детских сочинений. Но мы ещё об этом поговорим. :)

Где-то в 5 классе Екатерина Ивановна, как руководительница литературного кружка (в школе нашей каких только кружков не было!), отобрала моё нехитрое стихотворение для общешкольной газеты. Можно сказать, это стало моей первой публикацией. :) Радости не было предела. До сих пор помню, что называлось оно «Дети Севера» и я долго маялась, выбирая эпитет для снега – колющий или рябящий, при этом оба не устраивали, звучали по-дурацки. Представлялась картинка с таким ослепительно белым снегом, что смотреть на него было почти невозможно: то ли он тебе колет глаз, то ли уже в этом глазу рябит...

Когда дома я робко заикнулась о своей удаче («яканье» строго запрещалось), мама зачем-то полушутя сказала:

- Не может быть, это не твоё. Списала из «Пионерской правды», наверное...

Я?! Списала?! Увидев моё посеревшее лицо, она испугалась:

- Ты что?

Я молча ушла в другую комнату. И решила, что не буду до ужина ни с кем разговаривать. Вот накажу их за то, что говорят такую неправду, пусть даже в шутку. Они что, не знают, что я сочиняю стихи, для меня это серьёзно? И зачем я буду списывать? Я никогда не списываю, мне чужое ни к чему.

Да, представьте себе, к такой палочке-выручалочке, как списывание, я обратилась только однажды в своей жизни. Была самостоятельная по географии, а я материала не знала, потому что занималась во время объяснения чем-то другим. Ну, думаю, ладно, раз люди так делают, попробую тоже. «Четвёрку» я получила-таки, но чувство дискомфорта испытала оглушительное: это же самообман, на кой мне такая «четвёрка»? Мне легче было отметить «двойкой», оценочные цифры как-то мало волновали. Поэтому в дальнейшем я спокойно отвечала учителям, что не готова к уроку, и не изображала бурную деятельность там, где её не было. Поскольку при этом все были в курсе моих учебных возможностей, никто воспитательных речей по поводу отдельных таких перерывов в раскалывании орешков знаний мне не закатывал. Взрослые объявили, что у Лены сложный характер. :)

Русскую грамматику я осваивала не только благодаря школьным урокам: она была мне необходима из-за пристрастия к собственной писанине. Бытует мнение, что от постоянного чтения дети становятся грамотнее по части письма. Это не совсем так: гораздо полезнее упражнения в сочинении текстов. Если сам за руль не сел, как ты научишься управлять автомобилем? Конечно, чтение помогает, если человек внимателен к деталям и потому просто запоминает написание тех или иных слов. Но пока он не будет поставлен перед необходимостью самостоятельно записать хотя бы несколько предложений, он с практической орфографией и пунктуацией не столкнётся.

«Пятёрку» по русскому в аттестат Екатерина Ивановна выставила мне, что называется, на вырост. Написать диктант или сочинение без единой ошибки удавалось нечасто. Но она сказала, что я обязательно доберу, просто чуть не хватило времени, школа закончилась. :) И оказалась права. Хороший учитель – это не столько тот, кто получил подтверждение знаний ученика по определённому списку материалов, а тот, кто видит перспективу самостоятельного движения этого ученика.

Когда пришла пора выбирать иностранный, у меня уже давно всё было решено. На одной из полок в нашем книжном шкафу лежали книги на немецком. Мама до рождения брата собиралась поступить заочно в какой-нибудь вуз, а её школьным иностранным был этот язык. Кроме того, в Харькове, где мы жили, пока папа заканчивал военную академию, с родителями дружила соседская пара, в которой кто-то (не помню, он или она) был с немецкими корнями. Так у нас завелись эти непонятные мне книги, которые, конечно, очень хотелось прочесть: как это, лежат книги, а я не знаю, о чём они? Непорядок. :)

Английскую и немецкую группы в нашем классе образовали очень просто.

Сначала поделили поровну всех отличников, потом хорошистов, потом прочих. То есть никакой особой крутизны «англичан» не возникло. А немецкий вела сама директриса. И вот это стало моим невезением. У неё было отвратительное произношение, смесь немецкого с украинским. Поскольку я к 5 классу, в котором мы начали изучение иностранных языков, успела послушаться пластинок и насмотреться телевизионных уроков (в СССР были специальные телепередачи по разным предметам), понимала, что директриса не права, то есть брать пример с неё не надо. Она некоторое время пыталась со мной бороться, но столкнувшись с непомерным упрямством, оставила-таки в покое. Но тоже стала поддерживать версию о моём сложном характере.

Классная руководительница, Галина Алексеевна Непомнящая, подружила меня с историей. Да, вот здесь был тот классический случай, когда уважение к человеку вызвало и интерес к тому, чем он занимается. Ей я обязана тем, что научилась уже в школьном возрасте сопоставлять множество фактов, внимательно читать нехудожественную литературу. Например, она посоветовала завести специальные тетради в виде таблиц по всемирной истории, по одной на каждое столетие. Отмечаете отдельное десятилетие, а потом перечисляете исторические события в разных странах – получается такая панорама: в Индии случилось то-то, в Италии то-то, в России то-то... Картина вырисовывается исключительно выразительная. Научила она также составлять дельные конспекты, потом в институте мне было очень легко работать с историческими и литературно-критическими материалами. Как я обнаружила позднее, Галина Алексеевна была одной из немногих в моей жизни качественной читательницей Маркса.

А что одноклассники, спросите вы? Они, разумеется, учились по-разному. И учителей видели тоже по-разному. Многие легко могли бы променять учёбу на элементарные игры друг с другом, если бы не те условия, в которые были поставлены. Это совершенно естественно. Довольно рано я уловила, что чаще люди ориентируются вовсе не на поиск истины, а на обретение простенького комфорта, из которого исключено познание законов движения материи, разные формы коей и образуют мир. Люди ограничиваются нехитрым подражанием ближним, а свою индивидуальность укладывают в узкое пространство чисто эмоциональных проявлений. Но в Союзе тогда ещё была важная социальная норма – похвала эрудированности. Гибельное словечко «ботаник» появилось на разломе советского общественного уклада как один из признаков уничтожения настоящего образования.

Подростки в нашем маленьком городке не были брошены в мутные волны «взрослой атрибутики» в виде химического допинга или псевдосексуальности. На подобные глупости, а в худшем варианте – гадости, – просто не было ни

времени, ни места. Шатающихся без всякого дела людей мы не встречали, и сами таковыми стать не могли. Конечно, к старшим классам не у всех обошлось без апробации сигарет и веселящих напитков, мальчишки и девчонки стали поглядывать друг на друга с особенным интересом, иные не только поглядывать, но такого балагана, с которым затем столкнулись в городах, у нас не было. Учиться не считалось чем-то позорным, всякая умелость воспринималась доброжелательно. За года два до окончания школы мы в целом определились с вузами, в которые будем поступать. В основном выбор падал на технические направления. Но это не удивительно: в стране тогда было засилье именно технических институтов, самыми престижным местами работы большинство считало НИИ, обслуживающие госзаказы по оборонке. При вузах обязательно открывались всякие заочные курсы и школы, многие мои одноклассники, к примеру, таким образом держали связь с МАИ.

А я по совету Михаила Владимировича и Изабеллы Яковлевны Домбровских два последних школьных года заочно осваивала курс актёрского мастерства. Была такая Всесоюзная заочная театральная школа (за правильность названия поручиться не могу, но что-то в этом роде). Два раза в месяц на мой домашний адрес высылалось задание. Обычно это был небольшой драматический этюд, я в нём выбирала роль, придумывала расширяющий текст, костюм, всё это расписывала как можно подробнее и отправляла далёкой преподавательнице. Однажды я получила даже бандероль с настоящим актёрским гримом и инструкцию к нему.

Наш театральный кружок я обожала. Роли мне доставались главные, но не все из них меня устраивали. Например, мне предложили в какой-то сказке царевну. Я попросила Михаила Владимировича дать мне что-нибудь поинтереснее.

- Да все девочки хотят быть царевнами. Ты что это?

- А играть тут что? Жди суженого, слёзы проливай, пальцы верти – скучища!

- То есть ведьму тебе было играть веселей?

- Конечно!

Ведьма, действительно, была моей любимой и самой удачной ролью. Я её переиначила по сравнению с тем, что было написано в тексте пьесы, то есть сделала молодой, красивой, игривой. Михаил Владимирович одобрил. Нашёл где-то роскошную жёлтую цыганскую юбку, которой обзавидовались мои подружки. И даже заказал какому-то солдатику-поэту текст романса для этой лукавой героини. На премьере я впервые показала с гитарой: мальчишки, не

занятые в спектакле, потом допытывались, когда это я научилась на ней играть? Я честно призналась, что сама не умею: это солдатик за занавесом играл, я только руками водила. Но пела сама.

Домбровским же я показывала и свои пробные литературные опусы. Помню, после выхода на экраны «Доживём до понедельника» сочинила нечто подражательное, и Изабелла Яковлевна, быстро мне это доказавшая, сказала очень нежно, но веско: «Так не надо. Пиши всегда только про себя и так, как сама это чувствуешь».

Глава 4. Драгоценная молния. Аттестат порядочности

Была ещё одна учительница в нашей школе, уроки которой для меня немаловажны. Это Лариса Андреевна Финаева, она вела домоводство. Предмет этот распадался на два раздела: кулинария и шитьё. Первый я помню уже не очень: варили мы всякие каши и супчики, отправляли в духовки печенье, угощали им мальчишек, – а вот со вторым связана довольно показательная история. После 9 класса девочки отрабатывали практику в течение месяца: мы превращались в ателье, за небольшую плату в нём делали заказы жительницы городка.

Шила я не лучше и не хуже других, зато увлекалась моделированием. Накопила толстенную тетрадку эскизов с разными фасонами платьев, блузок, юбок. А, надо сказать, в те времена женская одежда отличалась большим

разнообразием по части придумок: тут вам и складочки, и кармашки нескольких видов, юбки солнце-клёш, силуэты с напуском, с подчёркнутой талией... Единственная уравнилительная для всех – длина, все женщины, независимо от возраста и комплекции, носили юбки выше колен. И представьте себе, никто это не воспринимал как нечто вызывающе сексуальное. Женские брюки только входили в моду, и вот они-то считались бунтом против ханжества. :) Ну, как же: подчёркиваются бёдра, ай-яй-яй!

Одноклассницам моим повезло, им заказали простенькие юбочки и фартучки, а вот ко мне явились не кто-нибудь, а директриса и завуч. Полная жуть! Завуч полистала заповедную тетрадку и выбрала себе костюм. Такой, знаете ли, не на каждый день, да ещё из вельвета, который входил в моду. Кто что-нибудь понимает в шитье, знает, что в работе ткань эта не сахарная. Я пригорюнилась. Директриса же выступила поскромнее: ей понадобился всего лишь халатик. Но закавыка с заказом образовалась тоже нешуточная. Женщина это была, мягко говоря, скуповатая, ситчику прикупила немного, застёжку на пуговицах организовать при таком варианте было невозможно. Недолго думая, она бросила нам с Ларисой Андреевной:

- Можно молнию вшить, зачем пуговицы?

Ага, молнию – где же её взять при необходимой длине? Магазины подобными штуками не изобиловали. В общем, мы с учительницей обе приуныли.

- Ладно, ты пока делай выкройку, а я сбегаю в ателье (в городке была и «взрослая» мастерская), может, там у девчонок что-нибудь есть...

В мастерской ничего подходящего не оказалось. И пришлось Ларисе Андреевне искать эту злосчастную молнию в Себеже, несколько раз туда ездить, обходить магазинчики и рынок. Тоже пусто. В конце концов, ей передали, что то ли сестра, то ли тётка какой-то продавщицы может привезти нужную вещь из Великих Лук. Кажется, только через пару недель добыча попала в наши руки. Вшивать её я, конечно, побоялась, и добрая Лариса Андреевна сделала это сама. Зато замысловатый вельвет я весь взяла на себя, хотя и в этом случае она готова была мне помочь.

И то была не просто помощь – то была защита. Так же меня защищали везде, где могли, и другие учителя. Я до сих пор не знаю, что за тараканы были в голове нашей директрисы по моему поводу. В принципе, её нельзя было назвать злой и тем более недалёкой. Но складывалось впечатление, что она упорно тестирует меня на всякие несовершенства. Поскольку я рано научилась не драматизировать чужие комплексы и реагировала на несправедливые

замечания очень спокойно, видимо, её это как-то особенно задевало: и раздражало, и восхищало одновременно.

Был в школе ещё один странный человек, который своим поведением объяснил мне, на что способен тот, кто мало уверен в себе. Это наш физик. Благодаря его стараниям я получила очень оригинальный аттестат. Хотя, ради справедливости, следует заметить, что старания его были общими с директрисой. В то времена ввели норму так называемого среднего балла аттестата. Складывали все оценки и определяли среднее арифметическое, при поступлении в вузы число это добавляли к экзаменационным баллам. Мура, конечно, полная для образовательной сферы. Но у нас же вечно стараются всех сосчитать. :)

Странности физика обнаружили себя ещё в 8 классе, он с середины года стал ко мне откровенно придирается. Ну, во всяческих формальностях при моей торопливости это сделать было нетрудно. Поначалу я не очень на эту воинственность реагировала: что мне физика, у меня другие цели. Но сам факт учительской нечестности, конечно, нравиться не мог. И, как многие подростки, я не придумала ничего лучшего, как «ненужный» предмет забросить. :) В году у меня появилась «тройка». Папа на летних каникулах молча подсунул мне какую-то занимательную научную книжку, которая дело своё сделала столь хорошо, что все лабораторные уже в 9 классе я выполняла первой. Физик заглох: в открытую он противостоять не мог, лампочки у всех электрических цепей, которые мы собирали, на моих столах загорались исправно. И досадная «тройка» ушла в небытие.

В выпускном классе он как будто бы приутих. Кстати, у нас тогда пошла ещё и астрономия. А весь класс знал, что это моё конёк, учебник был зачитан до дыр, уже девятиклассницей я бегала рассматривать созвездия на тёмном вечернем небе. Так что по астрономии у меня была бесспорная «пятёрка», и учителю нашему не приходило в голову расставлять мне здесь свои рогатки. Дурь свою он предъявил только на экзамене по физике.

Я заканчивала школу в 1975 году. Мы должны были сдавать восемь обязательных экзаменов. В те времена взрослые не морочили головы себе и детям разговорами о том, что экзамен – это жуткий стресс. Это всего лишь одна из форм учебной работы, совершенно естественная. Вот вам тогдашний школьный экзаменационный список: литература и русский письменно (сочинение), литература и русский устно, математика письменно (алгебра), математика устно (геометрия), физика, история, химия, иностранный язык. Два-три дня между экзаменами, месяц подготовки в последней четверти по комплектам из 30-35 билетов (в каждом несколько заданий). Конечно,

находились любители шпаргалок, но я к ним не относилась. Вообще в нашем классе из 16 человек на золотые медали могли претендовать пятеро, поэтому спасительные бумажки чаще заготавливали просто для подстраховки. Замечу ещё попутно, что рукописные шпаргалки развращали школьников не настолько, как теперешние тесты ЕГЭ: всё-таки в процессе изготовления их хоть что-то запоминалось. :) Впрочем, оправданием приучению к мошенничеству с малолетства и они служить не могут.

Первые четыре экзамена для меня пролетели как-то очень быстро. Помню, к примеру, что перед геометрией больше играла в бадминтон, а теоремы повторяла просто по чертежам, и мама то и дело пеняла мне на легкомысленное отношение к получению аттестата. А зачем о нём слишком много думать? Думала я на исходе школы о том, нужно ли мне поступать в театральное училище или сразу двинуть на филфак в педагогический. Последний маячил впереди не из-за желания быть учителем – я не видела другого варианта для литературного образования. Меню у советских абитуриентов-гуманитариев 1970-80-х было ведь скромным: несколько факультетов в университетах, историко-архивный институт, институт культуры, литературный институт и бесконечные педвузы.

Наступил день экзамена по физике. Как всегда, я пошла сдавать в первой пятёрке: принятое у девчонок дрожание перед дверью было мне поперёк души. И вытащила – о счастье! – первый билет. Кто же не знает первый билет? Быстро решила задачу, вызвалась первой же отвечать. Всё гладко, не единого вопроса. А результаты устных экзаменов нам объявляли обычно в день сдачи, через несколько часов. И вот вызывают нас всех в кабинет, зачитывают оценки. «Тройка»?! Возмущённые возгласы одноклассников из нашей пятёрки:

- Как это?

- Ничего существенного не сказала, налила одной воды, – гордо отзывается физик.

- А задача? Она же её в пять минут...

- А задача была лёгкая.

Плевать мне было на этот аттестационный балл – но как он мог так грубо врать? Дома я закрылась в комнате часа на три. Мама меня не трогала. Я слышала, как пришёл на обед папа, как рассказывал об эффекте, который вызвало событие у его сослуживцев (в его отделе работали отцы одноклассников). Да на «пятёрку» шла, всем было ясно! Физик срочно удрал на рыбалку и не показывался в городке до самого выпускного вечера. А я вдруг впервые подумала: но если он так остро на меня реагирует, значит, поставил

себя на одну доску со мной... Со мной, с маленькой девочкой, которой нечего с ним делить? И спокойно вышла вечером на улицу, дав себе слово, что с этого момента буду смотреть сквозь него, где бы он мне ни встретился.

Мы тогда не знали словосочетания «мужской шовинизм». Это теперь, когда я уже очень взрослая, повидавшая всяких разных людей, могу говорить, что он здорово уродует психику и мужчин, и женщин. Скажу больше: видимо, в позиции женщина-дочь мужчине не стать жертвой этого предубеждения легче всего. Мой ребёнок, я сделал, горжусь собой! :)

Все оставшиеся экзамены я сдала на «пятёрки», уже принципиально. На немецком директриса гоняла меня сразу по нескольким билетам, пока классная не остановила её. Ничего, я держалась. Зато дрогнула химичка: исправила годовую оценку на «четвёрку» и поставила её же как итоговую в аттестат. Несмотря на экзаменационную «пятёрку». Видимо, опять-таки надавила директриса: что за аттестат, в котором все «пятёрки» и «тройк» по физике, как-то не вяжется. А дело было всего лишь в этом дурацком аттестационном балле – снизить любой ценой. Некоторые поговаривали, что она вообще к нашей семье питала непростые чувства, но я эти слухи от себя гнала: у взрослых свои причуды. :)

Если б вы знали, как не хотелось мне расписывать всю эту школярскую бухгалтерию! Но всё-таки я это делаю: затем, чтобы читающие меня учителя имели шанс остановиться, когда их нелёгкая понесёт в сторону подобных войн с молодыми людьми. Вы больше мучаете себя, чем кого-то, не опускайтесь. Порядочность – это во многом умение не пользоваться зависимостью человека от тебя. А война с ребёнком – вообще гнусность, если разобраться.

И не подумайте, что мне была интересна медаль. Я получить её и не желала, и не могла. Не желала, потому что, как уже писала, никогда не отождествляла формальное и содержательное. А не могла, потому что у меня были проблемы с физкультурой. Точнее, с сердцем. Родители, сами на тот момент на здоровье не жалующиеся, не понимали, почему я не могу сдавать кроссы, почему медленно поднимаюсь на наш третий этаж. Хотя как понять? Врачи объясняли случившиеся недомогания особенностями переходного возраста (у женщины ведь ничего, кроме половой системы, в организме нет). Правда, наш физкультурник меня щадил и с кроссов этих невыносимых снимал, потихоньку предупреждая: «Пробежишь стометровку и дуй домой». Но там, где долгого дыхания не было нужно, я чувствовала себя вполне комфортно. Уже в более зрелом возрасте я разобралась со своими сердечными делами, однако к теме данной книги это не относится.

Глава 5. Прохладная Москва. В объятиях провинции

Речной порт Астрахани

Весь последний год в школе у меня прошёл с острой мыслью о том, как уеду из нашей крошечной части. Когда обитаешь в каком-нибудь небольшом, как кажется, затерянном мирке, представляешь себе большие города, наполненные интересной, не похожей на твою, реальностью. Ну, кому не знакомы подобные иллюзии юности? :) Сейчас-то я твёрдо стою на том, что жизнь может быть значительной, содержательной, где бы ты ни находился, – при условии, что занимаешься именно тем, что тебе по-настоящему важно. Стал бы Леонардо тем, кем стал, если бы слишком зависел от заблуждений окружающих?

Тёток в городке я не жаловала: всё что-то подглядывают, придумывают, суетятся. С девчонками можно было болтать только о мальчишках, они лет с тринадцати сделались совершенно сумасшедшими, приписывая другому полу какие-то волшебные свойства, которых не было и быть не могло. Сами мальчишки – хотя, разумеется, я их перебирала в качестве возможных предметов для вздохов, – вели себя и глупо, и трусливо. Иные порой пересказывали мне свои сплетни о девчонках, зная, что я никогда чужих секретов по округе не разнесу. Собственные поклонники были при моей наблюдательности абсолютно очевидны, и дамская часть самолюбия вполне удовлетворялась – что ещё требуется юной барышне? Но всё это, сказать откровенно, было довольно скучно, светская жизнь не предлагала ничего существенного. :)

Уехала я на следующее же утро после выпускного. Формальная причина поспешности была в том, что творческие туры в театральном училище

начинались раньше, чем обычные вузовские экзамены. Я решила-таки сначала попробовать встать на актёрскую дорожку. Москва, точнее бабушка и её муж, встретили меня прохладно. В первый же день мне очень непрозрачно намекнули, что надо было ехать куда-нибудь подальше – в Саратов, например, там же у мамы есть какая-то подруга из вузовских преподавателей! То, что папу столичная родня держала и будет держать на большом расстоянии от себя, наша семья, конечно, знала. И всё же у родителей не умерла надежда, что на первой внучке (я была самой старшей в поколении) застарелые болячки не скажутся.

В какой-то степени растопить этот досадный лёд мне, впрочем, удалось. Папин отчим был человеком незаурядным, владел несколькими иностранными языками, увлекался музыкой, кино. Страстно любил технику. Он быстро определил, что поселившаяся в его доме девочка не лишена разнообразных способностей. С одной стороны, это развлекло деда: с его деятельным характером тихая жизнь пенсионера сочеталась плохо, наши длительные беседы о том, о сём доставляли ему явное удовольствие. С другой, моя любознательность подлила масла в огонь: собственные внуки (от единоутробного папиного брата) учились из рук вон плохо, поэтому я их неправильно оттеняла. В результате наши отношения сложились противоречиво, но всё же не без пользы для каждого. Видя это, оттаяла несколько и бабушка, она даже стала выбираться вместе со мной на коротенькие прогулки вокруг дома, несмотря на то, что уже серьёзно болела.

Театральные творческие туры мне не удались. Но я несколько не расстроилась: поняла, что мне актрисой быть не нужно. Нет, если учесть нюансы этой профессии и процедуры приёма в училище, я, конечно, пройду, но занятие это для меня всё же... узковато. Артист, даже самый талантливый, – только исполнитель. Зависеть от режиссёров, сценаристов, вообще всяческих мешающих непосредственной работе обстоятельств? Я так не смогу. Значит, ясно: моё дело – литература.

И я подала документы в Московский государственный педагогический институт (МГПИ). Опять столичная родня заявила, что это шаг неверный, без блата там делать нечего. На худой конец, надо идти в областной пединститут, он попроще. Но я была непреклонна. Уж если не могу позволить себе МГУ, в котором немногочисленные филологические места заранее распределяются между профессорскими дочками (а где же им ещё учиться, не на мехмате же!), так пусть будет МГПИ.

Родственники знали, что говорили. Во время экзаменов я столкнулась с такими подставами, что до сих пор вспоминать мерзко. На устной литературе меня пытали минут сорок, пришлось читать наизусть чуть не половину поэмы

«Русские женщины», но в результате поставили «четвёрку», так и не пояснив, в чём я не права. Экзаменаторы по истории и немецкому вовсе не церемонились, обрывали на полуслове и сердито выводили «тройки». К парням, правда, требования были куда более мягкие: в гуманитарных вузах их облизывают. «Что ж, здесь меня не хотят, будем искать уголок подобнее», – сказала я себе. И решила, что улечу в Астрахань, к другой моей бабушке.

В Астрахани, кстати, я родилась. В этот город мамы родители переселились после войны, деда отправили туда работать. Хотя бабушка прожила в этом месте почти полвека, полюбить его так и не смогла. И она, и дед родом из Ленинградской области, всю жизнь она вспоминала размеренный, налаженный быт своей северной деревни. Южан же воспринимала как беспросветных жуликов и пустомелей, хотя при этом имела у всех соседней нешуточный авторитет. Пожалуй, за всю жизнь я не встретила человека более самостоятельного и трудолюбивого, чем бабушка. Её выдали замуж в 17 лет за сельского учителя, выходца из семьи неглупой, но вечно пьяной. Узнав о последнем обстоятельстве (что бы сначала справки навести!), её отец даже предложил развестись, что по тем временам было неслыханным, но она отказалась. Родила пятерых детей (двое ещё умерли в младенчестве), ходила за мужем, как за шестым ребёнком, всё время что-то придумывала на маленьком дачном клочке, чтобы своих домочадцев одеть-обуть... Тяжёлую прожила жизнь, никому такой не пожелаю.

Мои родители в Астрахани и встретились. Папа оказался там в 1956 году на практике, вместе с друзьями пришёл праздновать Новый год к бывшей маминной однокласснице. А мама и не собиралась туда идти, были другие планы, но подружка уговорила. В общем, от судьбы не убежишь. :) Почти через год они поженились, ещё через год родилась я. У нас вообще занятно получилось: когда папа поступил в академию, на свет появилась я; когда он её закончил, нарисовался брат.

В отличие от бабушки, у меня к городу отношение радостное. Наши летние поездки туда всегда были чудесными. Чувствовали мы себя в бедном, населённом самыми странными и колоритными личностями, дворе гораздо лучше, чем в Москве, в которой перед тем останавливались на несколько дней. У нас с братом в этом диковинном астраханском мире заводились новые друзья, мы бегали на набережную смотреть на теплоходы, ездили на речном трамвайчике на пляжный островок, вечерами гуляли по кривоватым центральным улицам или сидели на бабушкином крыльце и рассказывали друг другу разные заковыристые истории. Сосед, что жил напротив, привозил большую машину с арбузами – они были такой величины, что взять в руки было невозможно, мы их закатывали в прохладный сарай. А бабушка со своего

участка собирала урожай винограда, совершенно дивного, неизбежно сладкого. А ещё в булочных там продавался уникальный белый хлеб под названием «Ракета», арбузы вприкуску с ним были совершенно сказочными.

Зачем мне было возвращаться в скучный городок? Целый год ещё сидеть в нём, слушать всякую околесицу про чужие обновы и переводы? Нет, мне нужно другое пространство. Я прилетела в Астрахань как раз 7 сентября, в день пятилетия памяти моего деда. Помню, тряслась шесть часов в «Аннушке» (тогда ещё Ан-24 не сняли с полётов), в аэропорту меня встретил муж младшей тёти и сразу же в лоб спросил: «Ты погостить или как?» Честно сказала: «Или как». Астраханские родственники почему-то решили, что я у бабушки любимая внучка, раз она соглашается на столь длительный эксперимент с моим проживанием. А она ещё и не успела согласиться, мы с ней предварительно ни о чём не договаривались.

Бабушка тогда жила одна-одинёшенька. Три её дочери вышли замуж, в городе из них осталась только младшая. Старший сын умер в 32 года. Младший успел разойтись с женой и уехал куда-то в Белгородскую область за лучшей жизнью. Она очень мне обрадовалась. Недели две пыталась внушать что-то воспитательное, потом засмеялась: «Э, у этой девки своя голова на плечах!» И побежала в школу неподалёку, там директорствовал дедов знакомый. Он согласился взять меня на работу секретарём-машинисткой. Эту школу, кстати, заканчивали в своё время мама, её братья и сёстры. В ней же учился и мой двоюродный брат. Довольно прославленная городская спецанглийская школа. Правда, поработав в ней месяца два и пообщавшись с братом и его приятелями, я обнаружила, что в голове у них полный ветер: из английского усвоили по двадцать фраз, а все свои интересы кучкуют поближе к девчоночьим телесам. Ну, ничего, потом родители как-то распихали всех по чистеньким конторам, ребята были в принципе незлобные и нетупые.

Родители тоже с моим решением перебраться к бабушке смирились. В общем, всё обустроилось. :) Самым большим подарком для меня явилась библиотека, которая осталась от умершего дяди. Он уже с юности знал, что проживёт недолго (хотя перегнал-таки прогнозы врачей на несколько лет), и с упоением собирал книги. Его во дворе очень любили, стояли вместо него в очередях для подписчиков – он из-за болезни не мог, потом многие эти книги брали почитать. Дядя успел закончить Астраханский госпединститут, тоже филологический факультет, и даже поработать в вечерней школе. Говорят, когда его хоронили, во двор трудно было протиснуться: он весь был забит учениками.

Двор... Сейчас в городах уже нет ни такого места, ни такого понятия. А

тогда подобные микрокосмосы были обычным делом. Семей двадцать-тридцать, все друг друга знали по именам-отчествам и в лицо. Когда бабушка с дедушкой одними из первых купили телевизор, смотреть его ходили по очереди группы из нескольких соседей. Это было ещё до рождения брата, но я хорошо помню такие вечера: все гости приносили мне какие-нибудь незатейливые подарочки, кто-нибудь усаживал на колени. Я, кажется, больше следила за ними, чем за тем, что показывал маленький экранчик. А ещё в нашей квартире был единственный на двор телефон, так пользовались им тоже все соседи, и бабушке в голову не приходило брать за это какую-то плату. Дети общей стайкой носились под всеми замысловатыми деревянными лестницами, делились игрушками, придумывали на ходу новые игры. Среди наших друзей там, кстати, были и татары, и казахи: Астрахань – город многонациональный. Разговаривали они, как правило, на двух языках – русском и родном.

Когда-то двор этот образовали подсобные помещения зажиточного купца: прачечные, гладильные и т.п. Дочери его после революции там жить и остались, я их ещё застала. Это были две старушки, совершенно разные по характерам и почему-то враждебные друг другу. Про старшую рассказывали, что была она в своё время редкой красавицей и некий комиссар женился на ней, согласившись даже венчаться, – иначе отец не отдавал. Она пережила четырёх своих мужей, последние годы употребляла на чтение романтических книг и объяснения девушкам, как правильно подбирать краску для волос (долго работала парикмахером, поднаторела в ремесле). А про младшую бродили бабьи слухи, будто колдунья.

Обитали в этом дворе и всякие сомнительные персонажи, то и дело попадавшие в тюрьмы воришки. Где-то у калитки ютились калмыки, промышлявшие наркотиками. Впрочем, точно не знаю, возможно, тоже бабьи глупые языки напраслину возводили. А центром дворовой жизни были три семьи, включая нашу, к которым все испытывали немалое уважение: за то, что учились, работали, к чему-то стремились, «выходили в люди». Мою бабушку почитали настолько, что я могла хоть в ночное время бродить по тёмным окрестностям – никто бы пальцем не тронул.

Год пролетел очень быстро. Работа не тяготила, к тому же, как несовершеннолетняя, я трудилась неполный день. С бабушкой нам было легко и весело. Раз в неделю я ездила в гости к тётке: помузицировать, поиграть с маленькой двоюродной сестрой, рассказать наши с бабушкой новости. Главное – я дочитала всё, что не успела в школе, здорово подтянулась в русской грамматике, упражняясь в самых разных текстах. И летом 1976-го подала документы в Астраханский госпединститут (АГПИ). Самое удивительное: именно в этот год и именно в этом институте, чуть не единственном в Союзе,

затеяли эксперимент, разделив историко-филологический факультет на два самостоятельных – исторический и русского языка и литературы. Причём, второй получил право на четырёхлетнее обучение студентов, в то время как везде оно было пятилетним. Мне повезло: если б не эта новация, пришлось бы проторчать лишний год в вузе.

Поступила я в АГПИ очень легко, это была по сравнению с МГПИ просто песня. Мою дорогую нежную маму, которая приехала на месяц в Астрахань, я «запирала» дома – она была слишком волнующейся, тряслась от одного слова «экзамен». А тут ещё старушенция, которую подозревали в колдовстве, принялась трезвонить по двору: «Конечно, приехали с деньгами, она и поступает! А вон бедная Лера, заступиться некому...» Леру эту, подавшуюся в Астрахань из какого-то районного центра и снимавшую рядом с нами комнату, целый год мяли у помоек все кому не лень, ей заниматься науками было некогда, но упрямая девица зачем-то тоже пробовала свои абитуриентские силы. Мама всплёскивала руками каждый раз, когда из соседнего окна вылетал грозный голос престарелой правдолюбки, и по-детски возмущалась несправедливыми речами. Мне с трудом удавалось уgomонить её тезисом о том, что всех подряд слушать не следует, у каждого человека свой бекрень в башке. Потом я бежала на очередной экзамен, благополучно сдавала его, и вечером мы выходили на набережную Волги. Папа приехал к нам, когда уже всё было позади. Все искренне радовались. Тётя с гордостью заявила, что я, кажется, первая женщина в семействе, замахнувшаяся на высшее образование.

Глава 6. Машинистка нарасхват. Ссылка за независимость

Занятия в АГПИ начинались тогда далеко не 1 сентября. В СССР каждое лето студенты ездили «на картошку» – помогали убирать урожай колхозникам. Для первокурсников астраханских вузов – а в случае моего института, главным образом, первокурсниц, потому что там традиционно парней гораздо меньше, чем девчонок, – ничего лучшего городское начальство не придумало, как работу на арбузных бахчах. Но что поделаешь, я тоже стала собирать вещички для предстоящего похода на поля родины.

И вдруг за пару дней до предполагаемого отъезда приходит к нам во двор незнакомая девушка и сообщает, что меня вызывают в деканат. «Вот те на – не успела поступить, как уже такие дела. Что же это я натворить успела?» – думаю себе. Повод для вызова оказался простой: секретарь деканата не справлялась с валом документации по набору нового курса и разделению факультетов и запросила помощь. Декан просмотрел карточки поступивших – обнаружил, что есть машинистка. Так судьба освободила меня от полуторамесячного швыряния арбузов в грузовики, трудовую практику удалось пройти иным образом. Однокурсницы решили, что я «блатная». :)

Машинистка, кстати, я была очень неплохая, печатала и быстро, и без ошибок, что в этом деле считается редкостью. А секретарём в деканате в то время трудилась Елизавета Ивановна – не какая-нибудь свистушка, а женщина весьма серьёзная, лет пятидесяти. Все бумажки у неё были разложены по папочкам, каждая подписана аккуратными буквами... Преподаватели её почему-то побаивались, даже декан старался лишней раз не отвлекать своими просьбами. Она же его воспринимала сложно: тогда тридцатилетние начальники были наперечёт, обычно раньше сорока лет «выбиться наверх» никому не удавалось.

- Что это за руководитель, – ворчала она, – в кедах, джинсах! Несерьёзно...

- Так ведь ещё занятий нет, Елизавета Ивановна, – смеялась я. – Вот начнёт лекции читать – переоденется.

Впрочем, декан этот мне уже был вовсе не декан: он уходил на отделившийся истфак. А литфаком заведовать направили Ларису Васильевну Янкину. И дружба наша началась в этом самом деканате, с того момента, как она пришла принимать документы по факультету. Вообще в связи с этой машинописью моя жизнь в АГПИ определилась нестандартно: приятели среди преподавателей и старшекурсников у меня появились уже до самих занятий, меня, что называется, посвятили в разные дела и случаи. Вот кому довелось оформить приказ о собственном зачислении в институт? Думаю, никому, кроме меня. :) Пока я возилась с необходимыми по нашему курсу данными, выучила фамилии, имена и отчества всех будущих соучеников. Моей рукой были заполнены студенческие и зачётки. Один из однокурсников даже сохранил билет с этими каракулями, на встрече через два десятилетия предъявил – даже не знаю, как ему удалось не сдать судьбоносную бумажку в институтский архив. :)

В дальнейшем я во время летнего отпуска заменяла Елизавету Ивановну и работала секретарём деканата уже не бесплатно. Только перед последним курсом меня «сослали» на консервный завод в Харабали, но об этом расскажу

позже. А сколько статей и диссертаций прошло через мои руки! Заодно и через голову. :) Поскольку я стала главным редактором институтской газеты, машинка нужна была часто. И если кто-то мучился с авторской рукописью, то почему я должна была отказывать в помощи? Как-то так сложилось, что в период моей учёбы преподавательский состав АГПИ в основном образовывали люди либо до 35 лет, либо уже от 50 и старше. И вся эта «молодёжь», штурмовавшая научные вершины, так или иначе мне была знакома. Поэтому формально я была студенткой, но при этом вела как бы параллельную жизнь за пределами чисто студенческого мира. Это давало как свои плюсы, так и минусы, потому что всегда найдутся те, кто будет недоволен вашей «исключительностью». :) И всё же плюсов больше: у меня было дополнительное поле для интеллектуального общения.

Ну, помимо всего прочего, машинка помогала мне финансово, это тоже надо признать. Бабушка получала крошечную пенсию, папа один содержал всю семью, поэтому родители слишком раскошелиться на меня не могли. Я, конечно, получала стипендию, но уже на втором курсе одна из моих врагинь-преподавательниц постаралась её укоротить. Чтобы лишить шанса на «ленинскую», испортила зачётную письменную работу. А через год я обнаружила цитаты из этой «четвёрочной» курсовой в лекциях младшекурсницы, принесшей мне статью для газеты. Представьте себе, случайно тетрадка раскрылась, и я смогла прочитать знакомый текст... Смешно очень вышло. Да шут с ними опять, с этими оценками, у меня ведь к тому времени был опыт бодания с школьным физиком. :)

Янкина читала нам педагогику. Читала вдохновенно и содержательно. От неё я впервые услышала о Василии Сухомлинском. Не только о его опыте, основных принципах, но и о нелёгкой судьбе. Поэтому, когда через десятилетия я встретила с Симоном Соловейчиком, он меня не удивил своим рассказом о выдающемся педагоге. Вообще благодаря Ларисе Васильевне я задумалась о том, какое сложное дело – общение с ребёнком, сколько нужно знать и уметь, чтобы сделать это общение полноценным. Учитель всегда подобен айсбергу: ученики видят лишь верхушку, о грандиозном основании они могут так и не узнать! К сожалению, после первого курса Лариса Васильевна должность декана оставила. Говорили, что по состоянию здоровья, но я хорошо знала, что злые силы провернули заурядную интрижку и она решила не связываться с дураками, молча удалилась на кафедру педагогики. Однако наши отношения на этом, разумеется, не закончились, мы переписывались уже и тогда, когда институт для меня закончился, и встречались всякий раз, когда она приезжала в Москву.

Сейчас стали раздаваться громкие голоса ратующих за уничтожение

педагогических вузов. Мол, будущему учителю достаточно тех знаний, которые он будет получать в общих университетах, и незачем государству содержать лишние образовательные конторы. И вообще профильные высшие заведения работают плохо, их выпускники элементарных вещей не знают. Ну, господа хорошие, так можно договориться до полного ужаса. Специализированные институты для подготовки педагогов – настоящее завоевание советской системы просвещения. Это уникальный опыт, достойный укоренения и распространения. Вы думаете, любой информированный о последних достижениях в тех или иных науках человек способен работать с подростками? Очень упрощённое представление. На моей памяти большое число весьма сведущих людей брались за проведение элементарных школьных уроков – и ничего не получалось. Потому что в этом деле фундамент – знание об особенностях развития человека, его физиологии, психологии, отличиях возрастных этапов, чувствование детского социума. Математика, литература, биология – это потом. И даже не беда, если школьный учитель не всё в данных областях постиг, он же не учёный, его задача – не научные успехи, а продвижение самого ребёнка. Образовательный уровень вузовских выпускников у нас за последние два десятилетия понизился везде, и причина в той социально-экономической модели, которая действует в нынешней России. И не только в России, если уж честно.

Парадоксально, но звания университета АГПИ был достоин именно тогда, в 1970-е годы (Астраханским государственным университетом его кличут с 1990-х). Он был небольшим, компактным, как собственно литфаковские действовали только две кафедры – русского языка и литературы. Кафедры педагогики, философии работали уже на весь институт. Естественно, преподавателей тоже было немного. Но каких! Тогда ещё по-настоящему любознательный молодой человек легко мог найти в стенах этого провинциального вуза глубоких, по-настоящему культурных людей. Да, рядом с ними паслись и посредственности – но где их нет и кому они интересны?

Второй мой учитель и друг – Владимир Иванович Попов. Он ведал античной и средневековой литературой. Формально. А неформально – вообще литературой. Итальянской, французской, немецкой, испанской, американской... Ближе мы познакомились из-за газеты, партком института поручил ему кураторство. Через несколько месяцев общения он торжественно вручил мне папку с надписью «Учитель», про которую рассказал, что она находится у него ещё с послевоенных лет, это почётная переходящая штукавина и досталась ему в свою очередь от первого редактора газеты. Эту зелёную папку я храню до сих пор. Владимир Иванович был полиглотом, шахматистом, музыкантом. У него в доме поселилась самая большая библиотека, которую я

видела в своей жизни. При всём при том человек это был очень скромный. Когда к юбилею Победы ребята сделали небольшой фильм о преподавателях-фронтовиках, в нескольких кадрах показали его фотографии 1940-х годов и перечислили награды военного переводчика, институтский актов зал встал – у него было такое мальчишеское растерянное лицо... И совершенно не беспокоился о своих регалиях, не хотел защищать докторскую.

- Почему? – спросила я его как-то. – Не знаю, за какие заслуги производят в учёные мужи, но весь институт говорит, что Попов у нас ходячая академия.

- Вот видите, люди и так знают, кто есть кто. Зачем мне на старости дурацкая суета? А вот мне сказали, что вы Гейне переводите. Почему не Гёте?

От стандартного практикума по немецкому меня быстро освободили. Преподавательница предложила взамен работы в группе взяться за поэтические переводы, я, конечно, согласилась. Кстати, именно благодаря ей, нашей немке, я начала печататься в областной газете «Волга». Первыми публикациями были небольшие зарисовки из мастерских её знакомых художников. А Гейне... очень люблю его стихи. Да и прозу. Потом увлеклась Брехтом, покусилась даже на одну из пьес, но не одолела до конца, каюсь. В целом переводы – довольно полезная работа для литератора, особенно, если он сам пробует себя в поэзии. У меня с ней в юности отношения были не самые радужные, проза почему-то шла лучше. Владимир Иванович говорил, что это редкий случай: обычно люди сначала заявляют себя стихами. Но и добавлял, что хорошее прозаическое чувство – признак для будущего литератора головокружительный. В один прекрасный день, возвращая мне нечто стихотворное, он воскликнул:

- Слушайте, у вас совершенно неподходящая фамилия! Какая же вы Сироткина? Надо что-нибудь наподобие Македонская...

- Пушкин – тоже неважно звучит. Всё равно, что Шапкин. Или Лейкин. Но мы ведь этого совсем не слышим!

- Гм... Вообще-то вы правы. Стало бы, не фамилия красит? Мне вот казалось, что многие русские фамилии какие-то простоватые. А что вы думаете об отчествах? Они не утяжеляют речь?

- Это штука интересная. Нет, по-моему, не утяжеляют. И дают возможности, которых нет в других языках... Вот мою бабушку – а она маленькая, худенькая – ещё смолоду все во дворе называют Марией Ивановной, как-то языки не поворачиваются сказать о ней Машенька. А соседка, её тёзка, – Машенька и Машенька, хотя и постарше, и куда поосанистей. Но болтушка и завистница, так в Ивановны выйти и не смогла.

Освободили меня и от практикума по русскому. Вместе с нашим молодым преподавателем я проверяла диктанты однокурсников. Ну, заодно, конечно, мы точили лясы о том о сём. Завкафедрой русского языка устраивал мне контры, я никак не могла понять, в чём его печаль. Собирал какие-то сплетни (тётки меня чаще не жаловали, чем наоборот), однажды даже на партсобрании понёс околесицу про некое моё зазнайство. Правда, его тут же осадил однокурсник из «стариков» – некоторые ребята определялись в студенты, уже отслужив в армии и отработав несколько годков. В те времена люди ещё одёргивали друг друга при подобных некрасивых выпадах.

Так вот, сидим мы однажды, исправляем ошибки в бесконечных листочках, и препод этот мне объясняет:

- Понимаешь, Лен, он очень боится, что ты выберешь себе нашу кафедру после института, вот и дёргается заранее, чтобы тебя отвадить.

- Я выберу кафедру? Ты что? Я получу диплом и поеду в Москву. Ну, может, сначала где поработаю по распределению.

- А говорят, что ты выходишь замуж (называет фамилию другого препода) и будешь у нас тут города строить... И потом, ректор тебя поддерживает.

- Меня многие поддерживают. Особенно, когда цейтнот перед диссоветом или в горкоме надо красиво для столицы бумажки отпечатать.

Ни о какой научной карьере я не думала. Передо мной маячила одна цель – литература. Поработать в школе я была не против, тем более что практика, которую мы проходили в обязательном порядке, показала, что это место меня не напрягает. Практика у нас была следующая: несколько недель городской школы, месяц или два работы вожатой в пионерлагере, несколько месяцев сельской школы.

Был у меня ещё один могущественный недоброжелатель – тот человек, что стал деканом после Янкиной. Надо отдать ему должное, русскую литературу он знал великолепно и с помощью оценок со мной не сражался. Он понял другое: девочка интересная, но бедненькая, а зависеть ни от кого не хочет. Поначалу мы недурственно с ним беседовали о московских театрах (он защищался в столице и явился в деканат, где я благополучно секретарила летом, полный радужных впечатлений), о золотом веке поэзии, о Ренессансе, даже о моих литературных упражнениях. Когда уже осенью я пару раз столкнулась с ним на аллее, по которой возвращалась к троллейбусной остановке после занятий, пришлось дать чёткий знак о том, что провожатые мне требуются: контактировать будем только на литературной стезе. Ну, это он как-то переварил. Но личностный азарт не утратил и в конце концов усёк, что интересующая его

особа нуждается материально. И додумался даже до того, чтобы отказать мне в стипендии.

Это была обычная зимняя сессия, я сдала её досрочно – всегда так делала, чтобы получить побольше каникулярных дней и подольше побыть у родителей в городке, – сдала на все «отлично». И преспокойно укатила. Возвращаюсь, а комсоргша наша извиняющимся голосом сообщает:

- Понимаешь, он сказал, что у тебя много пропусков, поэтому стипендия не светит...

- Каких пропусков? Снимали же с занятий по просьбе обкома комсомола (очередной отчётный марафон, меня как хорошую машинистку знал уже весь город). У него там справка должна быть.

- Но он же не показывал... И ты же не очень нуждаешься...

Через пару недель из командировки вернулся ректор, справедливость восторжествовала. И тем не менее, каково: при всех «пятаках» лишить человека стипендии! Вот этот-то декан и отправил меня перед последним курсом на харабалинский завод. Он думал, что плохо мне делает. Я же так здорово отдохнула, и очень вовремя, потому что последний курс оказался ужасно сложным. Лето в тот год выдалось исключительное, тепло держалось долго, Харабали (небольшой город, большую часть населения которого составляют казахи) встретил гостеприимно, студенческий лагерь был относительно благоустроенным. Сама работа – конвейер, где раскладывалась по банкам овощная продукция, – не сложная. Подружка с иняза поселилась вместе со мной, я познакомила её с однокурсницами. А они, в свою очередь, заново познакомились со мной.

- Ну, Ленка, я думала, ты задавака, вечно где-то носишься с мужиками, а ты вон какая, другая совсем. И поёшь здорово, правильно, значит, мне рассказывали, – заявила безапелляционно одна из них, когда мы оказались в смене.

- Да не с мужиками я ношусь, глупые вы, девчонки. Подрабатываю я, статейки разные печатаю.

- Ты ж москвичка, что тебе подрабатывать?

- А в Москве, по-твоему, деньги к людям сами липнут?

- Да не знаю, говорят.

- О как. Опять говорят. Одни замуж выдают, другие в науку суют, третьи

богатство пересчитывают. Молодцы! А всё совсем иначе.

Глава 7. Этот Толстой и этот Платонов. Своевременное страхование

Как бы много мы ни говорили о роли учителя в жизни растущего человека, мы не должны забывать, сколь велика роль самого этого человека в процессе познания мира. Конечно, имеют значение природные задатки, но большинство легко жертвует ими в пользу социальных норм, которые хорошо улавливаются уже в детстве. К сожалению, социум до сих пор диктует нехитрую формулу: отсиди своё в школе и вузе, а потом родители через знакомых организуют тёплое местечко. Нет таких знакомых? Срочно обзаводись. Поэтому, собственно, учиться не обязательно. В крайнем случае, ты обретёшь минимальный набор навыков, необходимый для конкретной профессии, уже на рабочем месте. И человек отказывается от обучения, сохраняя лишь видимость контактов с учителем, который, понимая происходящее на самом деле, тоже привыкает к имитации учебного процесса. Потом мы удивляемся, что те, кого мы как бы выбрали в главные, ни черта не видят дальше собственного носа...

На нашем курсе тоже было немало тех, кто добычей знаний себя не обременял. Значительную часть составляли нормальные девчухи, едва ли прочитавшие даже школьный классический список произведений и проскакивающие экзамены шпаргалочным транзитом. Не подумайте, что я их бесповоротно осуждаю – каждому своё. А каждый ведь выбирает те радости, которые кажутся ему радостнее. :)

- Зачем ты всё это читаешь? – подвипивший дядька ворвался ко мне в комнату около полуночи. – Кому это надо?

Поискав удачи в иных городах, он вернулся к бабушке, и жизнь наша некоторым образом осложнилась. Кто знает, что такое близкое соседство с много пьющим человеком, тот поймёт, о чём я. А ведь в юности закончил с отличием военное училище. Но дедовские гены сделали поганое дело, да и

попал он молоденьким лейтенантом в венгерские события 1956 года, насмотрелся и начувствовался всякого... Влюбился до одури, женился, привёз свою красавицу к родителям, однако быстро всё кувырком полетело: то ли она на других слишком поглядывала, то ли он не тех слушал – кто там разберёт, что в чужой семье варится? Сын его, мой двоюродный брат, сейчас уже человек очень зрелый, так и не простил родителям неуютного детства.

По разумению дядьки, молодая красивая девчонка должна была бы всё свободное время отдавать гулянкам с парнями, а она, странная такая, заумные книжки читает и даже сама что-то по ночам царапает.

- Иди ложись, дядь Жень. И мне завтра вставать рано...

- Нет, ты мне скажи! Что он, этот твой Толстой? Чем интересен? Война, понимаешь, и мир... Он сам воевал?

- Воевал. На Кавказе. Бог с ним. Иди ложись...

- Я вот завтра трезвый буду, подумаешь! Я читал «Кавказского пленника», читал... Но ты мне скажи, почему ты этого Толстого уважаешь, а живых людей – нет. Так что ли?

- Я и живых людей уважаю.

- И меня?

- И тебя.

- Нет, ты меня... Я, знаешь, какой был? За мной все девки...

Наконец-то удалось его увести в другую комнату. Поворочался, что-то побормотал, уснул. Иногда он устраивался на работу, но долго нигде задержаться, конечно, не мог. Бедная бабушка смотрела на меня жалобными глазами, ей казалось, что она в чём-то виновата. В чём? В том, что родила его? Да разве родитель во всём отвечает за ребёнка? У каждого из нас конкретная и ограниченная степень влияния на другого, а ребёнок – как бы близок ни был, именно другой человек.

И мне пришлось построить свой день так, чтобы бывать дома только по ночам. Утром я уезжала на учёбу, после лекций обедала в кафешке, потом шла в институтскую библиотеку заниматься, вечером брала ключ от какого-нибудь кабинета с машинкой (сторожа меня очень любили и доверяли). Одно время была мысль о переселении в общежитие, потому что его здание находилось рядом с основным институтским корпусом. Но к третьему курсу дядя встретил одну милую вдову и перебрался к ней.

Самое забавное, что именно со мной – первой во всей нашей родне – он её познакомил, подумывая о том, чтобы изменить жизнь. Вроде совета попросил. :) Женщина оказалась очень хорошая: добрая, домовитая, чистоплотная. Вместе они по сию пору, в чём главная заслуга, конечно, её, а не его. Нет, отношения с Бахусом дядя мой многогрешный не отменил, но всё-таки прыти поубавил.

На двадцатилетие родители подарили мне гитару. Это я их попросила: у тётки было пианино, но каждый день бывать у неё в гостях я не могла, без музыки же скучала. Помню, как вышла в астраханском аэропорту с этой драгоценной ношей, а навстречу мне бегут трое: дядя, его новая жена, дворовый сосед и по совместительству дядин приятель Виталий. Последний обладал совершенно громоподобным голосом, коим отпугивал от себя всех прохожих.

- Ого! Гитара! Самая шикарная девушка Астрахани, и с гитарой – это по-нашему! – затрубил Виталий немедленно. Я удивилась: трепетные молодцы были трезвы – абсолютно невероятно.

- У нас такси за углом, – гордо сообщил дядя Женя. – Вот только ковровую дорожку не заготовили, извини.

Таксист всю дорогу не мог сдержаться от смеха, слушая доклады необыкновенных пассажиров о том, как прошло их житьё-бытьё в моё отсутствие. В конце концов он не выдержал:

- Девушка, а вы им кем доводитеесь-то?

- Племянница она моя, не понял? – важно отчеканил дядя Женя. – Любимая племянница. Опять непонятно?

- Первый раз такие отношения наблюдаю, чтоб дядьки отчитывались. ЧуднО!

Гитару я решила осваивать семиструнную, то есть русскую. Повального увлечения испанскими шестиструнками не понимала. Я вообще повальные увлечения на себя не примеряю. Купила самоучитель, разобралась в основах – это оказалось несложно после музыкальной школы. А подружки возьми и обрадуй меня пластинкой Окуджавы, тоже к двадцатилетию. Я его послушала и решила поэкспериментировать с собственными стишатами: лягут ли на семиструнный строй? Получилось, вроде, неплохо. Но поскольку стишата эти меня полностью не устраивали, переключилась большей частью на чужие. В поисках подходящих текстов, кстати, открыла для себя многих интересных поэтов, например, Веронику Тушнову, Николая Рубцова, Олега Григорьева, Николая Глазкова.

Уже в более зрелом состоянии, когда стихи мои окрепли и некоторые оказались пригодными для пения, я утвердилась в следующем варианте для аккомпанемента: шестиструнная гитара, настроенная чуть выше камертона по семиструнному ряду без последней басовой струны, металлические струны. Шестиструнка только потому, что устраивает большее расстояние между струнами, пальцам так удобно. Поэтому когда за мой инструмент кто-то хватается, страшно раздражаюсь. Когда узнала, что Высоцкий проделывал нечто подобное, просто поразились: мы же никогда не виделись и не могли договориться!

В походы по городским книжным магазинам я отправлялась периодически. Они все были в центре, недалеко друг от друга. Покупки делала не только для себя, но и для тётки. Это младшая мамина сестра. Она закончила медицинское училище. По распределению работала в рыболовецком посёлке. Как-то осенью баркас, на котором она туда переправлялась, перевернулся. Плавала она хорошо, продержалась в воде несколько часов. Но вода-то была холодная и дала страшные последствия: у девушки развился ревматизм. С каждым годом состояние делалось всё хуже, дело дошло до инвалидности. Зато у неё получилась хорошая семья, необходимость ухаживать за больной только сплотила мужа и дочь. Муж, кстати, сварщик, в юности уехал из нижегородской деревни, где для молодёжи не было уже никакой перспективы в 1950-е. Очень самостоятельный парень, с нормальным чувством ответственности за близких, то есть проживший жизнь без кульбитов в виде гулянок и пьянок. На работе проблему с товарищами по цеху решил очень просто: в день полочки отдавал им рубль-три, чтобы не обвинили в жадности неучастника законной попойки, и спокойно уходил домой. Хотел и учиться, но одновременно с работой не потянул. Зато дочка, моя сестра, закончила школу с медалью.

Так вот, о книгах. Тётя Рая обожала поэзию. Читала огромные поэмы наизусть. О Рубцове, к примеру, именно она мне рассказала, потом уже я нашла его стихи. Поэтому как я могла не подумать о ней, инспектируя полки магазинов? Литература была для неё отдушиной, ведь разговоры соседок по дому, которые любили к ней заглядывать и рассказывать о своих печальных-радостях, разнообразием и утончённостью не отличались. А других бесед среда не предлагала.

Однажды я наткнулась на сборник повестей и рассказов Андрея Платонова. В 1970-е годы какое-то поволжское издательство осмелилось сделать такую книжку. Сначала я текст не приняла: показалось, что это дурацкое нагромождение странностей, и только. Но Ирина Викторовна Колесова (она вела семинары по зарубежной литературе и курировала группу, в которой я училась) в ответ на моё недоумение по поводу неизвестного автора

улыбнулась:

- Вот увидите, Леночка, именно вам именно этот писатель придётся по душе. Вы его просто не распробовали по-настоящему.

- Мне?! Вот этот Платонов?

И что же? Сейчас Платонов – мой любимый прозаик прошлого столетия. И, что интересно, книги его мне всегда удавалось найти в провинциальных городах. Сначала это была Астрахань, потом Ярославль, потом Великий Новгород. Как будто сам Андрей Платонович напоминал: Россия велика, каждый город дышит по-особенному, но обязательно дышит – мёртвых нет.

Конечно, студенческая пора дарила не только умное, но и весёлое. Каких только басен и куплетов ни напридумывали мы про себя и своих наставников, на каких праздниках ни отметились удалыми капустниками! Две мои самые лучшие подружки с курса образовались в результате подготовки новогоднего вечера. Я сочинила сценарий, для организации всяких развлекалок нужны были помощники из разных групп, вот я их себе и приглядела. Потом наше общение переросло в очень тесное, мы до сих пор поддерживаем отношения, друг друга из виду не теряем.

Мужская составляющая? В пединститутах она небольшая. Девчонки кавалерами обзаводились «со стороны». Поскольку моя персональная ситуация была несколько иной из-за редактирования газеты и подработок машинописью, многие мне завидовали. Однажды ехала я в троллейбусе, за мной устроились две первокурсницы, и давай спорить, на каком факультете учиться Элен, у которой роман то ли с тем, то ли с этим. Одна настаивает – на истфаке, другая – на физмате. Слушала я их, слушала, устала аж. Оборачиваюсь: «На литфаке я учусь, на литфаке!» На следующей же остановке их смыло. Кстати, о том, что Элен – это именно я, многие студентки не подозревали. Ну, игра у нас с ребятами такая была: есть в институте некая Элен, как она скажет, так оно и есть, а больше вам, девчонкам, знать не нужно. :)

Тётя моя, полагая, что надо дать правильные наставления симпатичной барышне, дабы не вышло какого страшного мучения в виде аборта, рассказывала страсти про мужское коварство. Я молча внимала, но удивлялась: она что же, думает, что Ницше я прочесть могу, а на предотвращение нецелесообразных дамских мучений у меня ума не хватит? Несколько дельных медицинских брошюр по животрепещущему вопросу я преспокойно прочла ещё подростком, поэтому к нужному возрасту была застрахованной. Кроме того, надо похвалить наши традиции в городке: и девочек, и мальчиков проинформировали о телесных особенностях ещё лет в десять. К девочкам пришла врач-гинеколог, к

мальчикам главврач госпиталя. В разное время, на уроки труда, которые нас разделяли, чтобы не привлекать лишнего внимания каждой половины. И без пришитых за уши «взрослых» акцентов – беседы прошли на языке, доступном нашему пониманию. Вообще надо заметить, что сексуальная жизнь не зря называется интимной: тут очень многое человек должен осознать самостоятельно. А ещё очень важно, как строятся отношения женщины и мужчины в родительской семье. Если они человеческие, уважительные, то в половой физиологии ребёнок не будет искать нечто гаденькое. Мои родители жили в любви и согласии, когда я стала подрастать, мама просто несколько раз проронила: «Мы с папой предохраняемся, поэтому я женщина здоровая». Потом положила на стопку книг одну из упомянутых брошюр.

Конечно, положительную роль сыграл и тот момент, что у меня были родной брат, двоюродный брат – причём, оба младшие, – и мальчики-приятели с раннего детства. То есть был опыт психологического контакта не только с девочками. Почему это помогает? Потому что в том возрасте, когда мальчикам трудно не смотреть на каждую женщину с известным любопытством, созревающая девушка может быть защищена умением так себя подать, что любопытство останется в его душе, но не перерастёт в откровенные действия. Очень глупо также настраивать девочку на то, что мальчик во всём разбирается лучше, чем она, – а общество наше этим занимается увлечённо. Он всего лишь человек: в чём-то действительно разбирается, а в чём-то может быть совершенно беспомощным.

В институте нашем был трагический случай, когда двадцатилетняя студентка умерла в ходе аборта. Дурочка – отправилась к какой-то бабке, там что-то пошло криво. «Скорая» помочь уже не смогла. Хорошая, в общем-то, девочка была, обаятельная, добрая, жить бы ей и жить. Парень её не смог дальше учиться в Астрахани: ему всё время мерещилась несчастная. Любви там никакой не было, обыкновенное брожение молодой крови, но весь институт знал, кто «причина» смерти. Он перевёлся в другой город. Перед отъездом я его спросила:

- Что ж вы в больницу-то не пошли, раз уж такая история? Да и что больница – предохранились хоть?

- Нет, думал, что это чисто бабские дела, – ответил честно.

- Дурак ты. А спать вместе – чисто чьё дело?

- Дурак, – вздохнул. – Но ведь, говорят, ни одна женщина без аборта не проживёт, вы обречены...

- Бывает, что и проживёт. Хотя стопроцентной гарантии ни у кого,

конечно, нет. Ладно, успеха тебе. И на, почитай, – подарила ему брошюру.

Он взглянул на меня быстро-испуганно, но книжечку взял. Больше я о нём никогда не слышала. Зато сколько дико рассуждающих о половой гигиене мужчин и женщин я потом встречала! Женщины меня удивляли особенно. Разве этот мазохизм можно считать жизнелюбием и даже героизмом? Думаю, учёные поторопились назвать человека разумным.

Глава 8. Браконьеры и дефицит. Откуда берутся червонцы

Американец Рэй Эври выполняет прыжок в высоту, который принесёт ему золотую медаль на Олимпийских играх 1908 года в Лондоне

Астрахань, как известно, город рыбный. Но самой рыбы в тамошних магазинах в 1970-е годы практически не было. Валялась какая-то тощенькая селёдка. Ну, ещё вездесущие банки с килькой в томате составляли ей компанию. Народ, естественно, разживался тем, что вылавливал сам; в низовьях Волги отчаянно браконьерили и свои, и заезжие коммерсанты – спецы по икре и «красной» рыбе (так называли осетровых). Вы спросите, какие такие коммерсанты в советское время? Самые обыкновенные. Разумеется, они поддерживали отношения с местной властью и инспекцией, которая должна была с ними бороться. Цену на икру они держали меньшую, чем государство, но торговали оптом, за счёт этого сытно кормились. Существовали и подпольные предприятия по расфасовке продукта в тару.

Люди вообще преступлениями эти вещи не считали. С производства тоже тащили всё, что можно. Как-то упомянутый в прошлой главе сосед Виталий устроился на обувную фабрику и в тот же вечер принёс мне домашние тапочки: мол, такой я теперь фартовый парень, при тапочках состою, могу одарить запросто. От этой нечаянной радости я, конечно, отказалась.

- Ничего, вот институт закончишь, будут тебе благодарные родители хрусталь носить!

- Не будут. Мне этого не надо.

- Как не надо? Они же обидятся! И чего не взять, когда дают?

- Не все же берут. Мне не нужно, чтобы меня покупали... И ты не обижайся: есть у меня тапочки.

- Осуждаешь, да? Так на зарплату не проживёшь. Все воруют.

- А мы с бабушкой вот не воруем. Но ведь от голода-холода не умираем.

- Ладно, как знаешь...

Ещё в Астрахани держалась напряжёнка с молочными продуктами. Кажется, в магазинах даже не было толкового оборудования для их хранения. Бабушка, чтобы купить два литра молока, вставала в четыре часа утра и шла занимать очередь у бочки, стоять приходилось до открытия магазина. Идти позднее было бесполезно, волшебное молоко раскупали мгновенно несколько десятков женщин, не поленившихся встать до рассвета.

Торгаши по всему Союзу играли с дефицитом. То есть они сознательно его организовывали, затоваривая склады. Сначала в продажу поступало всё, что требовалось, но ушлые товарищи научились виртуозно группировать товары в нужных точках и продавать по личным каналам с наценкой. Постепенно, благодаря фальшивой статотчётности, исчезла и необходимость в большом количестве ассортиментных единиц, покупатели упирались в пустые прилавки и торговые залы. Люди научились не приобретать необходимое, а доставать. Занятные тогда у нас были экономические отношения. :) Кто-то всё ещё называет такое положение вещей социализмом?

Однокурсница, отец которой работал в Астраханском заповеднике, рассказывала, как приезжал насладиться дельтой Волги Брежнев. Он был уже развалиной, аппетитную дичь развешивали по кустам, чтобы он поиграл в охотника. Возможно, цепляли и рыбу к удочкам. :) Разумеется, это не могло не вызывать смеха в перемешку с раздражением: что за дела? Родилась в народе и присказка: «Нет ни мяса, ни конфет, так на кой нам этот дед?» Были и другие, но уж не буду их приводить.

Это я всё не к тому, что жизнь шла абсолютно удручающая. Человеческое в человеке неистребимо. И сама идея социальной справедливости в какой-то степени отразилась в сознании большинства советских людей, иначе теперь они не ощущали бы себя столь неуютно. Они не прочитали толком ни Маркса, ни Ленина, но поверили в то, что могут устроить общество, где достоинство каждого что-то значит. Разумеется, далеко не всем и не всегда удавалось быть

образцово-показательными, падали, заблуждались, предавали себя и других, но эти падения, заблуждения и предательства называли своими именами. Поэтому взаимоподдержка действовала гораздо чаще, чем теперь. Чтобы кто-то одалживал вам под проценты свои рубли? Это было немыслимо. Зарплаты, пусть и небольшие, но гарантировались. Безработица никого не заставляла скакать с места на место. Когда директор школы, в которой работала секретарём, из личного упрямства не захотел уволить меня в оговоренный заранее день, я спокойно разобралась с ним в городском профсоюзе работников просвещения. Мне вступительные экзамены сдавать в институт, а он вдруг решил, что не может без меня никак – просто поленился вовремя поискать сотрудника. Человек нарушил закон, ведь заявление моё он успел подписать, но для указания ему на это никакой адвокат в суде был не нужен: я зашла в юридическую консультацию, и за два рубля, официально прописанных в информационном листе для посетителей, её сотрудница рассказала, какие бумажки я должна представить в этот самый профсоюз. И ещё одна особенность времени: толковых людей брали на заметку очень быстро, где бы они ни работали, ни учились. Другое дело, хотели ли они вписываться в систему. Ныне большинство работодателей ни имеют никакого понятия о трудовом потенциале своих сотрудников, хотя обзавелись раздутыми службами персонала.

Однако вернёмся в АГПИ. Последний курс выдал мне испытания не для средней выдержки. Поскольку лето было очень тёплое, учёба началась только в ноябре. А он обдал непривычным для этих мест холодом. И я умудрилась сильно простыть. Такого у меня не было за всю жизнь потом: оба глаза обошли ячмени, прорвались фурункулы – в общем, беда беднящая. Бабушка заявила, что меня, скорее всего, сглазили. Она не верила ни в Бога, ни в чёрта, только вот в один сглаз. :) Пришлось мне довольно долго бороться с напастью, до самого нового года. Пропустила, соответственно, много занятий. Приезжаю в институт с медицинской справкой, а декан и объявляет:

- Поздравляю, ты воровка.

- Что это значит?

- Это твоя подпись? – показывает ведомость нашей группы. А я была старостой, причём не только группы, но и всего курса. То есть помимо всего прочего выдавала стипендию.

- Моя, да.

- Вот видишь: 90 рублей выписаны ей летом, но она их не получила.

Речь шла о студентке, которой я же выбила стипендию: девчонка училась

не ахти, но материальная ситуация у неё была плачевная, а у нас остался финансовый резерв. Ходила даже к ректору по этому поводу.

- Как их могли выписать летом, если приказ о стипендии был оформлен осенью?

- Приказ пошёл тоже летним числом. И бухгалтерия утверждает, что деньги были включены ещё летом как резерв, ты должна была их просто сдать обратно, если что.

- Чепуха какая-то...

Почему-то в том году бухгалтерия сделала новую форму для стипендиальной ведомости и попросила при получении общей суммы расписаться против цифр, выставленных карандашом. Поскольку за всё время, пока я была старостой, никаких недоразумений по финансам не возникало, мне в голову не пришло, что могут быть какие-то подводные течения. В общем, карандаш врал. Пострадали в итоге старосты нескольких групп с разных факультетов. Но пока вся эта гнусная афера расследовалась, нас обвиняли в присвоении чужих стипендий. Декан не допустил меня до зимней сессии: во-первых, много болела, во-вторых ещё и бессовестная.

Комсорг группы немедленно решила провести со мной профилактическую воспитательную работу:

- А я тебе не верю. И что болела, не верю. Развлекалась где-нибудь. И Маше деньги верни. Возьми опять у бабушки и верни.

- Что значит – опять? Ты, оказывается, хорошо знаешь, как я живу. Не бойся, всё будет восхитительно.

Нет, мне не пришлось долго искать эти злосчастные 90 рублей. По тем временам, кстати, не самая маленькая сумма. Мои друзья, преподаватели и студенты, сбросились по червонцу пока суть да дело: бухгалтерию вывели на чистую воду только через месяцев восемь. А Маша, ради которой я столько носилась по важным кабинетам, преспокойно эти червонцы взяла, не вдаваясь в подробности. После зимних каникул мне было настолько противно видеть некоторых одноклассниц, что на занятия я себя выгоняла просто адскими усилиями. А тут и длительная педпрактика подоспела. В результате окончание института у меня получилось просто зубодробительное: я практически без перерыва сдавала зимнюю и летнюю сессии, потом сами госэкзамены (из-за четырёхгодичного эксперимента защита диплома у нас исключалась). То есть я одолела четырнадцать экзаменов и восемь зачётов. Но одолела не только благодаря себе: многие преподаватели просто брали у меня зачётку и ставили

«отлично». Тот, кто проделал этот трюк первым, в ответ на моё удивление сказал: «За мужество. И пусть он подавится». Подразумевался декан.

Невероятно, но наш курс остался без «Последнего звонка». Существовала негласная традиция: сценарий обычно писала я. Но для себя любимой я же сочинять ничего не буду, это нонсенс. :) Вроде как взялись за дело девчонки с младших курсов, пошли к декану, чтобы дату оговорить. А он им: «Не будет ничего, не старайтесь. Я не хочу, чтобы на сцену вышла Сироткина и какую-нибудь басню про меня прочла». Девицы смутились и ретировались. На вручении дипломов (этого-то уж избежать нельзя было никак) он очень старательно смотрел мимо меня. Когда я с усмешкой взяла корочки и проговорила: «Спасибо за всё», – он ответил каким-то растерянным взглядом.

После долгого стрессового марафона, конечно, больше всего на свете я хотела отдохнуть. Как раз в это время папа демобилизовался, родители с братом въехали в новую московскую квартиру. Это было лето 1980 года. Главные его события – смерть Владимира Высоцкого и Олимпиада. Из столицы на время игр выгнали всех немосквичей, а над ней почистили от туч небо. В полупустых вагонах метро люди с удивлением смотрели друг на друга: оказывается, нас так мало. :) Появились финские колбасы и малюсенькие пакетики со сливками. Над Лужниками взлетел Мишка, сердобольные старушки стали гадать, куда именно унёс его ветер. Про Высоцкого официально никто ничего не сообщил, но сработало сарафанное радио. Он умер 25 июля, в день рождения другой моей тёти, тоже маминой сестры, её семья обосновалась в подмосковном Солнечногорске. Когда мы её поздравляли, ещё не знали о случившемся. Но на следующий день она сама позвонила и рассказала об этом печальном совпадении.

Решение поработать по распределению я приняла не вдруг. Мне предлагалась небольшая восьмилетняя школа в деревне около Ахтубинска. Можно было, конечно, съездить и получить открепление, а затем устроиться в Москве. Но была серьёзная причина быть поближе к Астрахани – любовь. В молодости я ещё верила в чудеса и давала время понравившемуся мужчине проявить себя более длительное, чем оно должно быть в таких делах. Это ни к чему не привело. Парень мне тоже не поверил. Что поделаешь: большинство людей думают, что возможно для них только то, что хорошо знакомо. Среднестатистическая милашка с кудряшками понятна, с ней легко повернуть выверенный прошлыми интрижками сценарий – некая Элен, не измеряемая расхожими линейками, просто любить человека за то, что он человек, не может... Сколько на свете мужчин, разрушивших своё счастье подобными «трезвыми» мыслями, которые укрепляют то, что есть банальная психическая импотенция? Я была любима им, – если называть любовью тот факт, что его

душа безусловно выбрала меня из всех знакомых женщин, – но есть вещи, которые мужчина должен делать только сам, я никогда не буду его в этом подменять – именно потому, что хочу его уважать.

Глава 9. Покровские вдовы. Не марш энтузиастов

Итак, в конце лета 1980 года передо мной во всей своей красе предстала деревенька Покровка. По сравнению с тем, что я видела девочкой в Псковской области, очень даже не бедная и не заброшенная. Там избёнки были еле видны из-под земли, серые от дождей, с маленькими комнатушками, частенько без крылец и ставней. Здесь же меня определили на квартиру к одинокой вдове лет шестидесяти с небольшим, скромный домик которой сиял чистотой и приветом. В одной комнате расположилась сама Вера Васильевна, другую она отдала мне. А по соседству стоял дом её сына, что был женат тоже на учительнице, Нине Гавриловне. Кстати, очень хорошей учительнице начальных классов, как оказалось. :)

Перебралась я в новое жилище в воскресенье. Не успела толком разложить вещи, как слышу во дворе музыку, смех – какие-то люди пришли. Вера Васильевна ко мне входит:

- Лена Владимировна, в хороший день ты к нам приехала – свадьба идёт. Выйди к молодым, они угощают. У нас тоже примета хорошая, когда новый человек свадьбу встречает – жить будут дружно.

Ладно, вышла к калитке. Стоят впереди гульбища невеста с женихом, в руках вафельные рожки, а в рожках этих самогон. По моему лицу молодая понимает, что мне это питье не по душе, но смотрит на меня умоляюще: ну, пожалуйста, у нас такие порядки тут... Вспоминаю Веру Марецкую в «Сельской учительнице» – вот и мне случай приказной. Пришлось выпить эту гадость. Свадьба повеселела ещё больше и пошла себе дальше по улице.

- Молодец девушка, людей не обидела, – довольная Вера Васильевна вытащила из печки тыквенную кашу. – На, закуси быстро. У нас, понимаешь,

всё с самогоном. А тебе, не бойся, больше никто не предложит: люди понимают, что к чему. Ты такая вся миникюрная, тоненькая, не надо тебе.

«Миникюрная» означало «миниатюрная» :) И правду сказала: никто больше меня к таким вывертам не принуждал. Как-то собрались у нас родственники хозяйки, уже не помню по какому поводу, так специально бутылку вина из Ахтубинска привезли, чтобы меня, как просвещённую барышню, уважить.

Вера Васильевна вдовой осталась рано, муж её погиб в самом начале Отечественной войны. Уходя на фронт, он ей сказал, чтоб не ждала: кого первым забирают, тот не возвращается. Так и вышло. К тому времени она двоих детей родила. А уже лет через десять после войны завела себе третьего, как сама выразилась, – от проезжего какого-то офицера.

- А что, я молодая была ещё. С Матвеем-то мы четырёх лет не прожили. Что ж теперь, пропадать? Мальчик хороший у меня получился, тоже на военного выучился, всё у него как надо. Девочка у него, внучечка моя, – такая куколка! Как приедет в гости, так всё норовит печку топить, а я не пускаю: перемажется углем-то, не отмоешь потом.

Кстати, машину угля колхоз выделял Вере Васильевне за то, что на постой к себе пускала. Это помимо той небольшой платы, которую она брала с квартирантов. Была у моей хозяйки и сестра – на десяток лет старше её, жила тут же, в Покровке. Я ей как-то быстро понравилась, особенно потому, видимо, что расспрашивала подробно о старинных песнях. И она, и Вера Васильевна советских маршей и вообще послереволюционных песен не признавали:

- Кричат только! Разве так поют?

- А какие должны быть песни?

- Вот «У церкви стояла карета». Или ты, я слышала, как пела, «Виновата ли я». Это про жизнь, про людей.

Однажды я взялась записывать слова какой-то из «правильных» песен, так думала, она никогда не кончится. Это была витиеватая повесть о страданиях некой молодой особы, которая, как и полагается, завершилась смертью – и её, и её обидчиков. В общем, все умерли. :)

Проникшиеся основательной симпатией старушки познакомили меня со своей подругой, которая взялась поставлять за копейки овощи и молочные продукты. Надо сказать, что такой сметаны, как у неё, я потом нигде не пробовала. А уж кислое молоко – так в Покровке женщины называли домашний

йогурт, закваской для него хвастались, а потом делились друг с другом, – вообще объедение неопишное.

- Вера Васильевна, а почему говорят, что у вас тут колдуны живут?

- Кто тебе сказал?

- Да в Ахтубинске на вокзале тётка одна. Врёт?

- Не знаю, может, и живут. Да тебе это не страшно – ты девушка справная, против тебя у них силы не будет. Или боишься?

- Нет, я в них не верю. Интересно узнать было, почему так про Покровку думают...

Ахтубинск – районный центр, город с двойным, можно сказать названием. Когда-то, ещё до революции, назывался Владимировкой, потом пристроили несколько военных городков, они с Владимировкой этой слились, появилось новое имя. Конечно, местные жители предпочитали старое название, но на картах писали Ахтубинск. Кажется, даже чехарда на железной дороге была: уезжаешь из Ахтубинска, а возвращаешься во Владимировку – использовались оба варианта. Ещё помню, что многие улицы носили имена погибших лётчиков-испытателей, и были они все не старше капитанов.

Главные бытовые неудобства этого периода моей жизни заключались в двух моментах. Во-первых, рейсовый автобус, проходивший мимо Покровки, в распутицу частенько отменяли, и добраться до места можно было только на попутках. Во-вторых, порядочных зим в этих краях не было, температура прыгала около нуля, поэтому значительную часть года по деревне передвигаться удавалось исключительно в резиновых сапогах. Правда, в домах – только нормальная обувь. Перед школой и другими общественными учреждениями ставили специальные корыта, в них эти сапоги мылись, в предбанниках люди переобувались. Остальные житейские несовершенства напряга не вызывали, потому что в Астрахани у нас с бабушкой всех приспособлений и было, что газ, холодная вода и телефон. Представьте себе, в областном центре, в двух шагах от городского Кремля во множестве сохранялись квартиры с русскими печками. :)

Привыкла, конечно, и к попуткам, и к сапогам. Летом и осенью по выходным я то и дело удирала в Астрахань: был удобный ночной поезд. Подвозившие до деревни шофёры, кстати, никогда не брали деньги у пассажиров. Я по неопытности первый раз трёшник пыталась вручить, так мужика аж перекошило:

- За что это? Я бы и без вас мимо Покровки проехал. Какая тут моя работа?

Хозяйство у Веры Васильевны было крошечное – незатейливый огородик да сарайчик, где хранилась мелкая всячина и прятался керогаз для кипячения белья. Зато у сына по соседству были и плодовые деревья, и кое-какая скотина. Внук играл самозабвенно с этими животными. А как-то по весне зарезали телка, так не знали, чем объяснить мальчику пропажу друга, врали долго, что он убежал куда-то и найти его не могут. Интересная деталь: у телящихся коров роды принимали чаще мужчины, чем женщины, поскольку последние очень этого процесса боялись.

Конечно, все были привязаны к своим садам-огородам, колхозные поля обрабатывали постольку-поскольку. Государство – это что такое? Непонятно: то ли ничьё, то ли барское. А вот мой дом и моя семья – это я вижу. Про председателя колхоза и парторга было устойчивое мнение: воруют, поэтому богатые. Но и неприязнь не нагнеталась: умные, устроились. Что касается беспробудного деревенского пьянства, о котором так любят говорить интеллигентствующие россияне, то могу ответственно заявить, что сами они – особенно в Москве – пьют не меньше, если не больше. И это, кстати, одна из причин, по которой народ к таким субъектам уважения не испытывает. Рассуждение примерно такое: да, мы люди маленькие, безобразничаем – а вы другое дело, вам нельзя. Вообще пугливое стремление «опроститься», чтобы держали за «своего» – глупость страшная. Выучился, книжки читаешь, к чистоте призываешь? Вот и ходи перед людьми чистый, а не кое-какой.

Первую неделю детвора пыталась подглядывать за мной, приоткрывая снаружи ставни. Это и смешно было, и занятно.

- Вера Васильевна, а почему ставни с улицы открываются?

- Да ведь вдруг что случится с человеком, а у него ставни в доме закрыты: никто же не увидит, не поможет. Особенно если старушка одна...

- Ах, вот в чём дело. И что же мне с детьми делать?

- Ой, я Василию Ивановичу скажу, он им накрутит хвоста!..

Василий Иванович – парторг и есть. Он же и учитель истории, дело педагогическое любил, бросать не хотел. А жена его, географиня, – директор нашей школы. Видимо, действительно хвоста накрутил – исчезли любопытные глазёнки. Через пару дней подбежали на улице два мальчонка:

- Еленвладимирна! Вы извините нас... А у вас это на столе книжки, да?

Столько много?

- Это немного, – засмеялась, – это только самые любимые.

- А правда, у вас родители в Москве?

- Правда.

- Москва большая, да?

- Большая.

- Я школу кончу, обязательно в Москву поеду. Мы с вами вместе поедem, – тоже засмеялись и унеслись куда-то.

Молодёжи в деревне мало. Школа восьмилетняя, ребята после окончания переезжали в Ахтубинск и уже там поступали в девятый-десятый классы или ПТУ и техникум. Поэтому наши старшие – семи- и восьмиклассники – норовили на выходные перебраться поближе к цивилизации. У кого в городе уже родственники обосновались, у кого просто знакомые. При школе был интернат – для детей из совсем небольших деревень, где никаких учебных заведений не было и не предвиделось. К ним, напротив, по выходным приезжали родители, привозили провизию и игрушки.

Школьное начальство встретило меня без энтузиазма. Оказывается, в Покровке каждый год появлялся учитель-новичок, но быстро устремлялся к выходу. Честно говоря, было вообще непонятно, зачем А.Ф., директриса, так исправно подавала заявку в роно (районный отдел образования) по поводу этой штатной единицы: вполне можно было обойтись и без второго словесника, ибо первый благополучно существовал в лице завуча. Видимо, просто боялась, что кто-то узнает о большом числе учебных часов для своей помощницы: сверх двенадцати администраторам вести не полагалось.

А тут ещё А.Ф. узнаёт, что у меня в наличии московская родня. Это обстоятельство переполнило чашу её терпимости к чужачке: я сразу была отнесена к числу врагов. Когда же она столкнулась с тем, что мне её неудовольствие никак не интересно, бедная женщина захандрила не на шутку. А я спокойно приняла классное руководство, полагавшиеся учебные часы, забрала разные методички и программы для подготовки и сказала себе: «Уж год-то я точно продержусь, а там видно будет».

Глава 10. Словесность с музыкой. Кошкин дом

Время в деревне течёт с очень подходящей для думающего человека скоростью. В городе, а Москве особенно, оно скукоживается, часы как будто шмыгают мимо тебя, вечером кажется, что утро было пять минут назад. Отсюда впечатление, что успеть сделать что-нибудь основательное просто невозможно. По моему ощущению, покровский час был равен пяти-шести московским. :)

Вы просыпались когда-нибудь ранним солнечным утром в деревянном доме? Если да, то вы знаете, как смеётся на полу полоска света, прыгнувшая из полуоткрытых ставней, как звучный петушиный восторг перетекает в собачью гордость, как врезаются во все углы запахи травы, как стены источают тепло, не сравнимое ни с чем. Киснуть в постели, внушая себе, что можно ещё пять минут поваляться, просто невозможно. Быстро умываешься, готовишь завтрак, собираешь учебники и тетради, идёшь в школу. По дороге встречаешь только знакомых, все с тобой здороваются.

Замечательная штука – всё под боком. Сама школа, магазинчик, фельдшерский пункт, клуб. Во всей Покровке, в общем-то, одна улица. Но она очень длинная, растянулась вдоль речки. Говор у местных жителей занятный: смешанный из русских и украинских словечек и оборотов. Как судьба занесла в эти края украинцев, не знаю, но они внесли заметную лепту в привычки покровских обитателей. Например, все с детства приучены лепить вареники – с чем угодно: с творогом, вишней, паслёном даже. Когда впервые услышала «стулка» вместо «стул», не могла не засмеяться. Дети смутились: «У нас так говорят...» Были ещё какие-то загогулины в языке, но уже не все помню.

А школа хороша тем, что классы небольшие, пятнадцать-двадцать человек от силы. Педагогиня я в то время, конечно, была ещё никакая, но ребята меня встретили хорошо. Вообще молодого учителя спасает искреннее отношение к своим подопечным. Ты можешь плавать в предмете, ты можешь не ухватить тот крючок, на котором держится дисциплина в группе, – это ничего. Но если ученики для тебя безлики, если себя ты считаешь светлым и разумным, а их тёмными и тупыми, рассчитывать тебе не на что: будут наказывать всеми

доступными им способами.

Вторая словесница, завуч Мария Ивановна, в отличие от директрисы, отнеслась к моему появлению лояльно. А однажды сделала неожиданное предложение:

- Вы, оказывается, играете и поёте? Мне ваша хозяйка сказала. А у нас, знаете, уроки пения вести некому. В клубе даже пианино есть, но можно и с гитарой...

- Пианино? Оно подойдёт тоже. Только я понятия не имею, как уроки пения вести нужно.

- Да как? Вот видите, сборник песен. Правда, тут нот нет, одни слова...

- Аккомпанемент сообразить можно и по слуху.

Клуб уже несколько лет пустовал. Регулярно открывала его только уборщица, которой выписывали зарплату за это помещение. Разумеется, она стала на меня коситься: одно дело – просто дунуть в зал, а совсем другое – ежедневно мыть в нём полы. Зато дети были совершенно счастливы. 7 класс, которым я руководила, задрал нос перед остальными: ага, вот какая у нас учителька, она наша, наша!

Что особенного я могла сотворить? Кое-что я знала о программе Дмитрия Кабалевского, но здесь пришлось, что называется, ориентироваться, на местности. Минут по десять-пятнадцать сначала рассказывала о жизни знаменитых композиторов, заставляла учеников что-то даже записывать. Пришлось пару выходных помотаться по астраханским магазинам, добывая подходящий материал. Но кульминацией уроков, конечно, было хоровое пение. До меня деревенские дети играющих на фортепиано людей не встречали, и это добавляло особого аромата в наши занятия: все ведь живо реагируют на то, что у них бывает впервые. :)

А дальше – больше. Девчонки, оказавшиеся певуньями весьма способными, запросили кружок в послеурочное время. Выяснилось, что хотят не только петь, но и танцевать как-нибудь покрасивей, и стихи сочинять... В общем, при школе образовалась подростковая студия под простым, но бодрым названием «Мечта». У меня сохранились тексты нескольких песен, написанных тогда вместе со студийцами, – довольно простеньких, но весёлых.

А.Ф. тем временем изощрялась в придумывании способов моего удаления из Покровки. Сначала она принялась болтать везде, где могла, что молодая учительница ничего не умеет. Но народ в деревне её недолго любил, внимал в

пол-уха, а больше доверял детским отзывам. Тогда она решила помучить меня посещениями уроков – все учителя знают, как неудобны бывают всякие пришельцы, ставящие перед собой цель непременно доказать чужие несовершенства. Ну, Мария Ивановна особого ущерба моей репутации не нанесла, кое-что дельное даже подсказала. И отчаявшаяся А.Ф. напустила на меня физичку, смотрящую начальству в рот. После урока та громко в учительской возмущалась тем, что весь урок русского языка у меня дети разбирали разные предложения. Я весело спросила:

- А надо было задачки по физике разбирать?

- Вы, Елена Владимировна, помолчите, – возмутилась А.Ф. – Современный учитель должен владеть многими методами работы, а у вас их всего два.

- Это каких же?

- Объяснение нового материала и разбор текста.

- Ещё мои ученики умеют открывать и закрывать учебники...

Физичка метнула в меня испуганно-неодобрительный взгляд.

- Я пришла к выводу, – парировала А.Ф., – что вам пока рано столько часов русского и литературы вести. На следующее полугодие я вам даю всё пение, литературу только в 7-8-х. А ещё у нас есть два ученика, нуждающихся в коррекционной работе, будете с ними отдельно заниматься.

Странно всё-таки устроены люди, которые пытаются воевать с теми, кого они несколько не понимают. Всё-то им мерещится, что у мнимых этих врагов те же желания, радости и горести, что и у них. :) Великолепная возможность для начинающего педагога – пообщаться индивидуально с необычными детьми. Хотя – почему необычными? Ну, несколько медленнее, чем среднестатистические, они думают, уравниловка классная им не подходит. За полгода, что я работала с этими десятилетними ребятами, они заметно продвинулись, особенно в русском языке. Один даже стал меньше заикаться – просто ушли страхи перед смеющимися сверстниками.

Но у нас ведь как повелось? Читаешь развлекательные лекции отобранным гимназистам из образованных семейств – сильный учитель. Реально помогаешь детям из городских спалльников или деревенских весей – недотёпа. Впрочем, такая градация бьёт по головам россиян во всех сферах занятости.

В целом, учителя в Покровской школе директрису старались избегать, помалкивали, когда она увлекалась самоуправством. Мне, как временному

человеку, можно было называть вещи своими именами, а им, навсегда приписанным к этой местности, разумнее было не высовываться. Когда А.Ф. в конце учебного года объявила на педсовете новую учебную нагрузку, я не подать свой голос не смогла:

- Так. Значит, запросили из города словесника. В течение года толком словесником поработать ему не дали. На следующий год обещают то же самое. Вы понимаете, что я уезжать пока не собираюсь? Но я ведь могу в роно поговорить о том, как здесь общаются с молодыми специалистами... Зачем вы туда сообщаете о вакансии?

- У вас же есть часы пения!

- Но я словесник. Пение для меня – дело вынужденное и дополнительное. Может, как раз подходящую вакансию и указать? А студию я оставлю за собой.

- Знаете что, Елена Владимировна, вы тут себе позволяете!

- Позволяю, да. У вас в школе, между прочим, несколько лет не было уроков пения. Вообще не было. Это как?

Она дрогнула. И пересмотрела нагрузку, то есть вернула мне уроки русского и литературы. Но вакансию музыканта открывать не стала. Решила, видимо, что убьёт строптивицу непосильным трудом. :) Как мне потом передали, Мария Ивановна посоветовала ей со мной не связываться лишней раз: выступления нашей студии уже случались на городских смотрах, мы там даже какие-то призовые места занимали, методистка из роно уроки мои одобряла, покровчане радовались за детей. Представьте себе, на выходные бывшие старшеклассники стали приезжать из Ахтубинска на малую родину: в клубе возобновились концерты и дискотеки. Руководство деревенское вспомнило, что когда-то закупило для местного ВИА (тогда музыкальные группы назывались вокально-инструментальными ансамблями) инструменты, не хватало только бас-гитары. Ну, так Василий Иванович эту брешь ликвидировал, уговорил председателя колхоза выделить нужные финансы. Парни местные воодушевились, жизнь забила оптимистическим ключом. :)

Но было у меня время и для собственного чтения, и для продвижения в писательской технике. Вера Васильевна обходилась без телевизора, общение с соседками перенесла на веранду – ничто меня особенно не отвлекало, когда я оставалась наедине с книгами и рукописями. Разве что кошка Катька. Обыкновенная кошка, каких в деревне была масса. Они жили своей вольной жизнью, определяя двор, в котором подкармливались. Вот эта Катька приписала себя к дому Веры Васильевны. Но познакомившись со мной, образ жизни несколько переменяла. Раньше она забегала на минут пятнадцать к

выставленному хозяйкой блюдцу с молоком и только. Теперь её понадобилось общение более продолжительное.

Вера Васильевна смеясь рассказывала, как Катька появлялась на веранде в одно и то же время, садилась у самых ступенек и поворачивала мордашку к дороге, по которой я приходила с работы. На молоко реакции при этом никакой.

- Точно говорю – она тебя дожидается. Вот увидит, тогда замурчит, приготовится вся! Как человек прям, ну что бы понимала!

Действительно, складывалось впечатление, что кошка эта торопилась рассказать мне что-то про себя: мурлыкала, тёрлась о ноги, задирала голову. Вылакав молоко, уже не убегала, а напрямик направлялась к моему столу и устраивалась на нём. Я проверяла тетради, а она норовила лечь на раскрытые страницы. :) Погостевав часа два, потягивалась и уходила-таки по каким-то неизвестным нам делам. А зимой стала приходиться на ночёвку. Опять-таки ко мне: ложилась на одеяло в ногах. И правильно делала: согревала их очень здорово, долгое хождение в мокрых резиновых сапогах могло бы обойтись мне дороговато.

Окотилась она тоже у нас в доме, выбрав подходящее место у печки.

- Смотри-ка, зараза какая! Никогда ведь такого не было, а тут притащилась! Вот ведь тварь, всё для себя понимает...

Одного котёнка Вера Васильевна оставила себе, двух других раздала по соседям. Радовалась, что мало их, топить не придётся. Когда мне пришлось лечь на несколько месяцев в районную больницу, Катька пропала. Сначала, по своему правилу, ждала на веранде ежедневно, потом куда-то подевалась. Кошка – что хочет, то и делает. :)

Глава 11. Моделирование Болдинской осени. Пирог к празднику

Однажды весной я получила приглашение на конференцию словесников,

которую проводил в Астрахани пединститут: было приятно, что друзья с кафедры литературы мою скромную персону не забыли. А.Ф. при разговоре о предстоящей поездке сначала скривила физиономию, но быстро сообразила, что имеет возможность несколько дней от меня отдохнуть, и соизволила оформить командировку. На приглашении, как выяснилось уже на конференции, настоял один из преподавателей, с которым мы близкими приятелями никогда не были, и это обрадовало ещё больше: значит, помнят не только субъективно. :)

- Лена, – чуть не закричал он, когда мы наконец пересеклись в фойе драмтеатра, – как же вы там, в этой восьмилетке?! Все же говорили, что вы остаётесь!

- Кто говорил? – засмеялась я. – Я таких не слышала.

- Да все буквально...

- Ну, вы же старше меня: разве не знаете, как люди любят кроить биографии тем да этим.

- А потом говорили, что вы почему-то отказались...

- Угу, отказалась. Как можно отказаться от того, чего тебе не предлагали? Ладно, не будем об этом. На самом деле я бы отказалась, тут есть доля истины.

- Почему?

- Да не моё это. За четыре года я всю эту околонуучную жизнь изучила довольно подробно.

- Что вы! Я бы, например, только рад был бы вам. Вы же видели, почти все уже пожилые у нас...

- Это да, конечно, молодые силы не помешали бы. Но, видите ли, тратить процентов восемьдесят жизненной энергии только на доказательство того, что ты имеешь право быть собой, – невыносимо.

- То есть, не понял?

- Ну, как сказать помягче... Я существую в женском варианте, а люди у нас приучены к тому, что у женщины есть свой интеллектуальный потолок. Он такой своеобразный потолок – ближе к полу. Особенно, если природа поработала над её визуальным рядом.

- Весёлая вы девушка, – хохотнул он. Потом помолчал минуты две. – И всё-таки мне очень жаль. Вы, действительно, этого не хотели?

- Действительно. Кроме того, мне полезна своя Болдинская осень.
- Что ж, может быть, вы и правы. Успехов вам!

Многие из знакомых художников, с которыми свела меня в своё время наша институтская немка, тоже уговаривали бросить учительскую, тем более сельскую, практику. Брались сварганить в местном издательстве сборничек стихов с их иллюстрациями. Тут я тоже смеялась: и стихи ещё были не ахти какие, и мнить себя писательницей только потому, что бумага всё стерпит, – не по мне. Хотя что могла понять в моих мотивах богема? Народ её составляет, в общем, незлой и порою даже небездарный, но беспорядочный и от реальности оторванный напрочь. Да и лозунг «Пусть лучше искусство служит мне, чем я искусству» многих сбивает с толку.

Болдинская же моя осень состояла, в основном, не в писательстве, а в чтении. Какие-то посмодернистские книжонки подбрасывали те же художники, но они меня не вдохновляли: нудности в избытке, а смысла пшик, одни претензии на оный. С удовольствием же я одолела Серебряный век в более глубоком варианте, чем это было позволительно делать в рамках тогдашних программ – и вузовских, и школьных. И, конечно, сама учительская работа заставляла вдоль и поперёк читать русскую классику. А это развивает литературный вкус, как ничто иное.

У преподавателя словесности есть серьёзное преимущество перед своими коллегами: он обходится на уроках минимумом средств. Нужны только хорошие тексты. Никаких там колбочек, реостатов, географических карт. :) Но за это ты платишь тем, что сам становишься обучающим средством в гораздо большей степени, чем все другие, – твоя речь не терпит никакой приблизительности, неточности.

Наши учебники по русскому языку и литературе в те времена, когда я начинала свою учительскую деятельность, были написаны не самым замечательным образом. Говорят, и нынешние такие же. Причина тут понятная: их авторы сами с подростками не работали, про своё детство благополучно забыли, ориентируются в лучшем случае на студентов. И если с литературой ещё как-то можно выйти из положения: в конце концов, главная задача – прочтение литературных произведений; то с русским языком беда. Правила орфографии и пунктуации сформулированы так кондово, что за голову приходится хвататься.

Довольно быстро я придумала отличные от предлагаемых учебниками варианты для объяснений и запоминания грамматических норм, но без домашнего повторения и они давали результат небыстрый. Поняла одну

простую штуку: учеников надо тормошить там, где они сами пишут тексты. На свой страх и риск увеличила количество упражнений такого рода. Нет, это были не пространные сочинения, а только небольшие зарисовки на определённые темы в два-три абзаца. Частенько к ним подбирала около десятка «нужных орфографически» слов, чтобы ученики чаще видели их на письме.

Разумеется, это нельзя было назвать каким-то новаторским подходом, до применения собственной методики в преподавании русского языка мне предстояли ещё целые годы. :) Но уже тогда я почувствовала, насколько велик разрыв между тем, что по-настоящему требуется во взаимодействии учителя и ученика, и тем, что позволяют программы и учебники.

Сейчас многие учителя привыкли вести либо литературу, либо русский язык. Считается, что они очень разные. На мой взгляд, представление неверное. Литература не сводится к эмоциональным всхлипываниям о великих классиках, а русский язык к надиктовыванию текстов о совершенно непонятных подросткам вещах. Оба эти предмета призваны развивать речь – устную и письменную. Не прочёл художественное произведение, не прочувствовал его вместе с автором – нечего сказать, кроме пустозвонных сентенций, навязанных учителем-формалистом. Нет желания что-то записать «от себя» – никогда не будут освоены орфография и пунктуация.

Уже тогда, в первой своей школе, я попробовала соединить то, что мы читаем на литературе, с тем, что пишем на русском. И неожиданно для себя изобрела дополнительный способ заучивания наизусть стихов: просила записывать по памяти хотя бы одно четверостишие. А потом исправлять ошибки, уже открыв книги. И помогло. :) Кстати, отказалась я и от заучивания одного и того же стихотворения всем классом. Можно убить самое выразительное произведение, если двадцать раз подряд его зачитать. Это во-первых. Во-вторых, когда подросток выбирает стихотворение сам, он прочитает не только его, а множество других. В-третьих, его выбор поможет вам лучше понять то, что с ним происходит. Если, конечно, для вас это важно. :)

Вера Васильевна, слушая, как я читаю Лермонтова, отважилась спросить:

- Это что же – стихи?

- Да. Вот завтра на уроке читать будем.

- Хором?

- Нет, – стало смешно: представила себе, как звучало бы хором «На смерть поэта». – Сначала я прочту. Потом дети будут читать. А потом ещё наизусть учить будут.

- Интересно ты стихи эти произносишь. На молитву похоже. Но и не так... Кто ж сочинил?

- Был такой Михаил Лермонтов.

- Давно? – Вера Васильевна образована была лишь слегка, немного читала, немного писала. В основном, письма к дочери, что жила в Москве.

- Давно.

- Вот как. У нас до тебя директорша-то всех повыгоняла. Знаешь?

- Знаю. Ну и что?

- Да то, что парень до тебя тут последний жил. Он через два месяца сбежал. Наши бабы кон держали, через сколько ты уедешь. А ведь уедешь когда?

- Уеду. Но не завтра.

- Так значит. А я завтра во Владимировку собираюсь. В церковь мне надо. У нас там батюшка молодой совсем, я думаю, и не верит он, что он о жизни знать может? А у тебя бабушка верит?

- Нет.

- Старинная женщина – и не верит? – удивилась хозяйка.

- Она говорит, если б Бог был, другая бы жизнь была и у неё, и у других. А то все добрые мучаются, а злые радуются.

- А вдруг после смерти всё и по-другому?

- Вдруг не считается.

- И по тебе, придумали люди Бога?

- Да. Несчастные хотят надеяться на лучшее, властные хотят чувствовать себя особенными. Не обижайтесь, Вера Васильевна, вы сами меня спросили...

- Да что ты – на тебя обижаться! Дети злых любить не станут.

Но покинуть Покровку мне пришлось раньше, чем предполагала. В середине сентября случился-таки сердечный приступ, Вера Васильевна побежала к фельдшернице, а та вызвала из Ахтубинска «скорую». Районная больничка долго не могла разобраться с диагнозом, но на всякий случай продержала меня долго, до декабря. Уже через много лет я узнала, что это был первый микроинфаркт. Что ж, ничто не проходит бесследно: всяческое злобное

устное народное творчество только на поверхностный взгляд забавно.

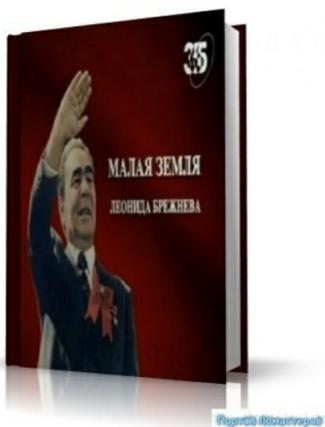
Мой седьмой класс составил график посещения больницы. Черед два-три дня ребята привозили домашние продукты, которые передавали им родители. Это всё на случайных попутках. День учителя (он тогда праздновался в первое воскресенье октября) я помню особенно. Утром проснулась от обалденного запаха луговых цветов – они лежали на подоконнике. Палата моя была на первом этаже, окна в тёплую осень держали открытыми. Счастливые девчонки стояли рядом и пели какую-то милую скороговорку. Соседки на кроватях словно замерли: им тоже было радостно и трогательно. А в столовой меня поймала повариха и передала маленький пирог:

- На, раз дети сюда таскаются, видать, хорошая ты. Бери, к празднику!

Интересно, как сочетается в таких женщинах здоровая сентиментальность со стойкой привычкой подворовывать всё, что плохо лежит, – после рабочего дня она обыкновенно выходила, перегруженная авоськами.

Родителям о своей болезни и необходимости возвращения я сообщила только ближе к выписке. У мамы моей была столь ранимая нервная система, что я рисковала бы получить лишнюю проблему, если бы поторопилась с подобным известием. Когда она узнала, что я не прошла конкурс в МГПИ, разволновалась до ужаса, у неё воспалились лицевые нервы, и папа кормил её супом из ложки. И вообще – я рано приучилась не держаться за мамины-папины рукава. Что это за совершеннолетие, если тебя всё ещё продолжают нянчить?

Глава 12. Внепрограммные вольности. Естественность несогласия

В Москве школу я выбрала очень просто: решила, что войду в первую попавшуюся и спрошу, не нужен ли словесник. Жила я тогда в Строгине,

микрорайоне, активно пополнявшемся счастливыми новосёлами. Работать совсем уж рядом с домом неинтересно, поэтому прошла в своих поисках несколько кварталов. И увидела сравнительно новенькое трёхэтажное здание. В строящихся московских районах тогда вводили школы двух типов: «самолётики» и «пентагоны». Первые состояли из двух частей, соединённых стеклянной галереей, а вторые образовывали квадрат с внутренним двором. «Пентагонами» их прозвали, в общем-то, не совсем правильно, но советские горожане почему-то с большим пиететом относились ко всему американскому, и бытовая лексика их кричала об этом где ни попадя. Передо мной во всей красе предстал желтоватый «пентагон».

Начинался 1982 год, школа была полупустой из-за зимних каникул. Дежурящий у входа пионер (никаких охранников в детских учреждениях тогда не было) отвёл меня к кабинету директрисы. На вопрос о вакансии она радостно ответила: «Есть 16 часов!» Формально минимальная нагрузка определялась в 18 часов, но меня такой вариант очень устроил: ведь ещё толком не оправилась от болезни и включаться в работу на полную катушку не могла. А директриса, в свою очередь, на эти болтающиеся часы не могла найти человека, потому что все хотели более внушительного заработка. Кстати сказать, даже на 18 часах мало кто позволял себе «сидеть», в среднем словесники брали часа 24. Что является одной из причин нашего некачественного образования: полноценными у учителя словесности могут быть не более 12 часов в неделю, потому что нужно учитывать подготовку к урокам, проверку тетрадей, возможности саморазвития, психологические затраты – все те моменты, без которых педагогический процесс запускается чисто формально. Ну, да ладно, пока не об этом. :)

Приняв моё заявление, директриса метнула недобрый взгляд:

- Вы тут с ошибкой написали, а ещё словесник!

На самом деле, я написала бумажку, как того требовали канцелярские нормы последнего времени. Ну, что, сказать ей: загляните в учебник 7 класса на такую-то страницу? Пришлось проглотить. Но такое начало наших взаимоотношений бурной радости не предвещало. В дальнейшем выяснилось, что Н.П. – дама самоуверенная, скорая на суждения, людей вокруг себя толком не разглядывающая. Зато завуч Ирина Зиновьевна Баринская оттеняла её очень хорошо, потому что была и внимательной, и трудолюбивой, и упорядоченной. Если бы не она, я этот сложный период в своей жизни, по-видимому, пережила бы с большими потерями.

Достались мне два 5 класса. Не самый «мой» возраст. Ребята обычно шевотные, разбросанные, на одном месте долго усидеть не могут. И вышло как-

то странно: 5 «Б» я урезонила быстро, а 5 «В», в котором получила классное руководство, долго не могла собрать воедино. Да и много их, 35 человек, после сельской школы мне это непривычно. Ирина Зиновьевна, побывав на уроке русского, успокоила:

- Это у всех так начинается, не горюй. По-настоящему учителями мы становимся только после нескольких лет практики. Главное, ты входи к ним с чувством уверенности, что добьёшься всего, чего надо. Это немножко, как у артистов, внуши себе, что ты уже всё можешь – и вперёд.

- Да ведь у меня такого не было, как-то всё шло нормально...

- А каждый класс – он отдельный, со своим характером. И каждая школа тоже. Этот 5 «В» ещё с началки разболтанный, там часто учителя менялись.

Вторая моя проблема заключалась в том, что сама не могла войти в колею – чуть не каждый месяц приходилось брать больничный. Врачиха-терапевт в поликлинике ничего вразумительного предложить не могла, требовался кардиолог, который бы ситуацию прояснил. Но где его искать? Родители мои – люди скромные, без связей, да и не понимали толком серьёзность происходящего, доверяли этой вялой врачихе, твердившей о том, что всё наладится, надо только привыкнуть к новому климату. Только через несколько лет, когда у меня уже образовались московские знакомые и друзья, я попала к очень старенькому мудрому профессору. Он, посмотрев всякие медицинские картинки, спокойно сообщил, что был микроинфаркт, но это не страшно.

- Деточка, присматривайтесь к себе. Организм наш всегда уникален, полезные для одного человека штуки абсолютно неприемлемы для другого. Не можете долго ходить? Не ходите. Не любите мёд? Не кушайте. Это природа подсказывает, что ей нужно, а что нет. Не перечьте ей, и всё будет хорошо. И, знаете, ещё важен ритм жизни. Да и темп – не надо слишком торопиться, но не надо и прозябать в безделии, – найдите самый подходящий именно для вас.

Не могу сказать, что с тех пор мне всегда удавалось жить сообразно запросам моей природы – люди нет-нет да и врывались со своими причудами, на которые приходилось «тратиться», и порой весьма существенно, – но совет оказался правильным. Наше тело способно на многое в восстановлении. Это не значит, что все могут себя излечить от любых недугов, но помочь в значительной степени – да.

5 «В» тем временем тоже приходил в себя. Озорники уgomонились, тихони, напротив, осмелели, класс как-то «нарисовался». Однажды весной меня вызвала с урока мама ученика. Вышла из кабинета – а в коридоре три женщины, родительницы.

- Елена Владимировна! Мы тут вот к 8 Марта хотим вам подарить...

Достают коробочку с духами.

- Нет, что вы, я не приму. Спасибо, конечно, но не надо.

- Да что тут такого? Вы теперь у нас постоянная учительница, мы от души, пожалуйста!

- Нет. Я только детские подарки собираю и цветы. А это не нужно. Возьмите себе, у вас тоже праздник.

В школе о таких делах обычно слухи разносятся быстро. Не знаю, как другим, но мне неприятны разговоры о том, сколько должны стоять подарки учителям по тому или иному поводу. Особенно среди учеников. Женщины эти не обиделись, хотя, конечно, удивились. Больше с подобными глупостями ко мне никто не обращался.

На следующий учебный год моя учебная нагрузка увеличилась. И появился маленький театральный кружок, с семи-восьмиклассниками мы поставили несколько праздничных спектаклей. Но в целом в этой школе я держалась в своей маленькой нише, предпочитая не пересекаться с директрисой. Н.П. была классическим примером авторитарного руководителя, считавшего страх главным средством для общения с подчинёнными. Сейчас об этом эпитете уже позабыли, а тогда противопоставленность авторитаризма демократизму обсуждалась на каждом углу. На самом деле люди, конечно, просто хотели более человеческого с собой обращения. Преподавала она тоже словесность. Как-то Ирина Зиновьевна попросила меня провести урок-замену в 10 классе (одинадцатилетка ещё не появилась), потому что Н.П. уехала на какое-то срочное совещание. Ну, как идти в незнакомый класс, программу которого ты ещё никогда в глаза не видел? А занять учеников чем-то нужно. Но неожиданно они сами предложили подходящую тему – бардовская песня. Выяснилось, что именно в этом классе есть несколько любителей. В результате мы проговорили целый урок о Высоцком и Окуджаве.

- А почему вы не преподаёте в старших классах? Вам ещё их не дают?

- Да просто так сложилось. Я взяла то, что было свободно.

- Но с малышнёй же неинтересно!

- Почему вы так решили? Со всеми интересно. Только по-разному. Сами-то сразу в 10 класс пошли или всё-таки с 1-го начинали?

- Маленькие глупые...

- А откуда же тогда умные берутся?

Засмеялись.

Н.П., увидев меня через несколько дней в коридоре вместе с мальчишками из этой группы, удивилась:

- У вас театральный кружок для 7-8 классов. Что вам нужно от десятиклассников?

- Я как-то вместо вас литературу у них проводила, вы уезжали. Они интересуются бардами...

- Это в программу не входит.

- Почему? Факультативно можно.

- Какой ещё факультатив? Я вам его не дам.

- Да я и не прошу. А что, просто общаться на перемене людям, у которых есть общие интересы, тоже – внепрограммно?

Она посмотрела на меня продолжительно и удивлённо: оказывается, эта девочка может не только улыбаться. С тех пор старалась меня не трогать.

В школе её многие откровенно не любили. Если бы не уважение к Ирине Зиновьевне, сглаживающей острые моменты, мог бы разразиться скандал из-за стиля общения с коллегами и не единожды. Например, на педсовете Н.П. свободно позволяла себе читать нотацию учительнице математики из-за того, что та свою сменную обувь кладёт не в «тот» шкаф. Выслушав в очередной раз подобный бред, историк встал и твёрдо отчеканил:

- Знаете что, ваше поведение настолько несолидно, что хочется топтать ногами. Извинитесь немедленно.

Педсовет обомлел. Н.П. побледнела:

- Это вы мне?

- Вам. Вы же со взрослой женщиной разговариваете, а не с девчужкой неразумной. И какое вам дело до того, кто и где какую обувь складывает?

Математичка благодарно продолжила:

- Действительно. Какое вам дело?

Ирина Зиновьевна положила руку на плечо Н.П.: садись и молчи.

- Давайте вернёмся к теме педсовета. По итогам второй четверти...

Однако среди родителей школа считалась хорошей – дисциплина, дисциплина! – в неё старались попасть все новосёлы из ближайших домов. Впрочем, «шли» и на интересных учителей, которых Н.П. сломать не могла. Особенно популярны были два историка. Они были оба лет тридцати, приятельствовали, хотя друг от друга отличались, и, на мой взгляд, значительно. Николай П. был то, что называется, обаяшка: весельчак, язык без костей, походник. А Валентин С. очень спокойный, задумчивый, упорный. Школьных историков в те времена довольно часто мучили всякими партийными изысками после очередных пленумов и съездов. Помню, пошло какое-то совершенно ирреальное письмо в поддержку идеи о вручении Брежневу премии за бессмертные его литературные опусы («Малая земля», «Возрождение», «Целина»). Приехал из райкома партии дядечка и пошёл выдирать подписи у Николая П. и Валентина С. Первый расписался не глядя, второй неожиданно заартачился: не буду я эту лабуду одобрять, хоть режьте. Дядечка глаза выпучил:

- Да вы что? Это ж для проформы, трудно вам что ли?

- Во-первых, я эти шедевры ни читал. Во-вторых, не он их на самом деле писал. В-третьих, идите к учителям литературы. Не буду подписывать.

Так на своём и настоял. Годы были уже не самые грозные, и школа – не то место, которым слишком подробно занимались блюстители идеологии и борцы с антисоветчиной. А с книжками этими как бы брежневскими (была целая группа писателей во главе с Александром Чаковским, составлявших важные письма) беда настоящая разразилась для словесников в старших классах. Разрабатывались темы выпускных сочинений, дети заучивали наизусть откровенно фальшивые тезисы о литературных достоинствах Леонида Ильича. До сих пор радуюсь, что меня судьба миловала, вручив учеников не старше 8 классов. :)

Глава 13. Обывательский бой кинематографу. Кардинал поневоле

Сейчас наши культурные деятели громко сетуют, что в школе никак не пропагандируется такой интересный вид искусства, как кино. Предлагают даже ввести специальные программы. Не знаю, что именно они хотят – боюсь, что многие озабочены маленькими сборами в кинотеатрах от отечественных картин, – но могу сообщить всем любопытствующим по этому поводу, что в начале 1980-х в столице проводился эксперимент по распространению киношедевров в подростковых массах. Я сама попала на курсы Университета усовершенствования учителей в связи с этими задумками.

Собственно, идея была простой. В школах-«пентагонах» к актовым залам были пристроены будки для киномехаников. Главная московская киноконтора (не помню уже, как она называлась) включила такие учебные заведения в систему проката. Школьный специалист получал афишу загодя и заказывал для показа определённые ленты. Классные руководители собирали небольшие деньги с учеников и приводили их на эти мероприятия. То есть школьники могли посмотреть фильмы не в больших кинотеатрах, а прямо в учебных стенах после уроков или даже вместо них. На первом этапе всё шло замечательно: воодушевлённые искусствоведы пару месяцев рассказывали учителям о достижениях мирового кинематографа, устраивали специальные показы, особенно напирая на картины, мало участвующие в широком прокате по причине как раз высокой художественности. Я лично очень благодарна этим энтузиастам, ибо они внесли значительный вклад в моё образование. Именно с тех пор люблю умное и красивое кино Бергмана, Феллини, Тарковского. Но и с тех же пор понимаю, что обыватель второй половины нашего столетия должен был неминуемо вытравить таковое из большинства кинотеатров.

Почему? Потому что высокая живопись – а кино прорастает из неё, а не литературы, как это ни обидно писателям, – это не дешёвый набор штампов. Посредственность реагирует на довольно пошлые во всех смыслах вещи, особенно в визуальных своих потребностях, и даже весьма талантливые художники частенько шли у неё на поводу, стремясь быть замеченными и

обласканными. На курсах вместе со мной в зале сидели во множестве тётеньки, озабоченные исключительно мелкими фразочками персонажей, в крайнем случае, нарядами актрис. Зато совершенно убийственно, например, прошёл парад венгерских фильмов, которые требовали нешуточной эстетической, а значит, мозговой работы. Тётеньки громко недоумевали, искусствоведы хватались за головы и сердца. Не поймите меня превратно: я не против хорошо сработанного мелодраматического или детективного кино – в литературе есть своя беллетристика, подобный добротный уровень есть и здесь, пусть живёт и процветает. Но искусство умирает там, где полностью отсутствуют произведения уникального класса, которых не может быть много.

Можно ли действительно развить хороший вкус у так называемого массового зрителя? Если думать о кассовых сборах – ни за что. Нет творчества там, где первая мысль – заработок. А вторая – большой и быстрый заработок. Правда, в советские времена, о которых веду речь, ещё в каком-то виде существовала мысль о воспитании зрителя. Но он был настолько озабочен тем, чего его лишили в «стране-концлагере» и чем «наслаждался свободно» заграничный сосед – в первую очередь видеопопшлятиной, – что вовсе не собирался продвигаться в сторону эстетических идеалов. То, что на втором, практическом, этапе эксперимента, стали предлагать подросткам, они смотрели категорически отказывались. Ничего удивительного: ведь родители с удовольствием обменивались кассетами с американским и европейским ширпотребом, дети жаждали приобщиться к взрослой жизни.

В общем, затея не удалась. Но скажу вам при этом, что бесполезными никакие знания быть не могут. :) Мне тогда школьные коллеги говорили: столько времени потратила на эти курсы, а всё зря. Нет, не зря. Рано или поздно пригождается всё, чему ты учился, что включил в свой образовательный багаж. Как-то в интервью «Пушкинскому классу» Наталья Нестерова мне сказала, что образование – такая штука, которую нельзя потерять. Вот все иные «ценности» потерять можно, а эту нельзя. Тут она очень права. :) Никогда не жалеете о времени, которое вы отдаёте познанию.

В ноябре 1982 года не стало Брежнева. Недавно я читала книгу Алексея Иванова «Географ глобус пропил» и очень была удивлена его описанию этого события. Учителя якобы плакали, какие-то специальные поминальные мероприятия проводили, речёвки для детишек готовили. Может быть, там, где учился писатель, что-то подобное и было, но в школе, где я работала, всё прошло довольно сдержанно. Помню, как подошёл на перемене один из старшеклассников и спросил:

- Елена Владимировна, говорят, теперь Андропов будет главным. Вы

похороны смотрели?

- Да, конечно, смотрела. Видимо, Андропов.

- А почему СССР не любят?

- Политики никогда не любят тех, кого боятся. Но на похороны слетелись все, ты же видел? Значит, СССР важен.

- Видел...

Людам казалось, что жизнь должна как-то перемениться. Тоже не удивительно: традиция связывать с личностью руководителя чуть ли не всё-всё в мироздании крепка. На самом деле влияние каждого человека имеет свои пределы, хотя, конечно, пределы у всех разные.

Школа наша тем временем разрасталась. Директриса уповала на то, что новостройка, которую возводили неподалёку, заберёт под своё крыло значительную часть «лишних» учеников. Таковые определялись по адресам – у каждой школы была своя территория. Но, как это частенько у нас случается, Н.П. поторопилась включить в списки переселенцев неудобных ей лично «трудных». Я, узнав, что в моём 7 «В» классе переселенцев гораздо больше, чем остающихся, решила тоже перейти в новую школу. И не только я: была группа учителей, не соглашавшихся с методами Н.П. и потому тоже бывших для неё «трудными».

Городская школа-новостройка – песня отдельная. Неотмытые классы, заляпанные окна, прорывающиеся трубы, несоответствующие замкам ключи... И молва по микрорайону, что в неё сбросили всех «неправильных» детей. Особенно это было обидно, потому что учительский коллектив подобрался очень умелый. Директрисе этой школы, пришедшей в неё из какого-то интерната для отпрысков дипломатов (как позднее стали поговаривать злые языки, её турнули оттуда за непомерные взятки), повезло несказанно. Не скажу, что каждый учитель был образцово-показательным, но основной костяк составляли люди, свою работу очень любившие.

Правда, на педсовете перед самым сентябрём 1984 года нам внезапно представили в качестве руководителя совсем другую женщину, Александру Т. Она была известна как инспектор из руно (районное управление образованием) на нашем участке, а тут вдруг: будет директором, по крайней мере, первое время, а Марго пока потрудится завучем. Сама Марго на все наши вопросы ничего вразумительного не отвечала, только передёргивала плечиками. Знать бы нам, как потом страдаем от её административной несостоятельности!

Надо сказать, что население Строгина условно делилось на разные части: сотрудники многочисленных НИИ, демобилизованные военные и бывшие жители коммуналок центральной столицы, дождавшиеся, наконец, отдельных квартир. В общем, публика неоднородная. В моём классе были, с одной стороны, ребята из довольно благополучных семей, а с другой, обделённые элементарной заботой старших. Да ещё и судьба подбросила этим детям совсем не детские печали. У одного мальчика, например, пьяная мама выпала из окна, когда его мыла. У другого родители погибли чуть не на его глазах в автокатастрофе, он с маленьким братом перешёл жить к тётке. Девочка осталась без мамы, которую унёс рак, её забрал к себе папа, который несколько лет до того ушёл из семьи. Про папаш, отбивших из семей навсегда в неизвестных направлениях, говорить уже не буду.

Задача моя потому в этом классе в большей степени была воспитательной, чем образовательной. Хотя, честно говоря, не люблю такое разделение – воспитание и образование, оно всё-таки больше условное. Ни одному из других своих классов мне не пришлось отдать столь много терпения. И, как это ни странно для кого-то прозвучит, помогли мне в этом те подростки, жизнь которых складывалась без особых заноз. Здесь нужно большую благодарность выразить двум семьям: Купрановым и Апокориным, – которые возились не только с собственными чадами. Два этих дома гостеприимно распахивали двери для наших посиделок, когда отмечались чьи-то дни рождения или просто была необходимость всем собраться. Мама-папы рассуждали примерно так: лучше пусть они будут у нас на глазах, в цивилизованных условиях, чем где-то по чердакам-подвалам валять дурака.

А чердачно-подвальная подростковая жизнь в московских районах была бодрым ключом – привлекательная своей таинственностью как будто, но прививающая стойкую зависимость от разного рода мусора. Она только усугубляла ужасную оторванность поколений друг от друга и дала впоследствии горькие плоды. Когда дети замкнуты в своём маленьком гетто и лишь подглядывают за родителями, не имея возможности содержательного общения с ними – пусть даже пятиминутного ежедневно, – стоит ли возмущаться их потребительским, бездушным отношением к старшим в будущем?

Конечно, я не посвящала всё свободное время ученикам – это и не нужно. :) Но если они приходили в кабинет после уроков, не гнала. Кто-то приносил гитару с просьбой настроить, кто-то просто тихо сидел в углу и рисовал, кто-то ждал, когда же все уйдут и можно будет показать своё робкое стихосложение. А то и разворачивалась дискуссия о том о сём. У меня тоже была причина задерживаться: таскать с собой больше сотни тетрадей (сосчитайте их для трёх классов из 35 учеников) – удовольствие небольшое.

Марго на кабинет мой косилась. Да и на меня тоже. Это была весьма противоречивая женщина и, что особенно плохо для педагога, мало в себе уверенная (имею в виду не тупую самонадеянность, а умение видеть себя и других достаточно объективно). Преподавала она математику, но при этом отличалась крайней несобранностью. То и дело я во время «окон» (пустой урок в расписании – пояснялка для неучителей) встречала в коридоре девятиклассников.

- Вы чего здесь болтаетесь? Какой у вас урок?
- Ну, Елена Владимировна, математика. Подумаешь!
- Не подумаешь! Живо в класс!
- Да она пургу гонит...
- Живо, говорю!

Вяло разбредаются. Такой вот завуч в школе: захотим – придём на урок, не захотим – не придём. В начале каждой четверти чехарда с расписанием: никто не может понять, почему совпадают в одном классе уроки истории и географии, когда вообще временные однодневные листочки заменят на полноценную недельную сетку. Дети привыкают к этой мешанине, учителя раздражаются, родители верят в сказку о неправильной в целом школе. Дисциплинарный формализм, конечно, человеческую жизнь только портит. Но вообще отсутствие дисциплины любое дело угробит в две секунды. Такую угрозу быстро ощутили все учителя нашей школы. И нам, что называется, пришлось взять власть в свои руки. :)

Нам – это группе молодых преподавателей-единомышленников, волею судеб оказавшихся под одной трудовой крышей. Пока приводили свои кабинеты в порядок после строителей, ездили вместе за учебными пособиями, уточняли списки подопечных, сдружились. А тут ещё непонятка с руководством. :) Уже в первый год коллеги привыкли собираться у меня: англичанка Екатерина Кладько, физик Александр Горячев, историк Михаил Серёжкин, математичка Елена Юрченко. Забредали на огонёк и другие. Фактически эти встречи превратились в малые педсоветы. Марго нервничала, пыталась портить нам «карту будней», но мы только посмеивались.

Александра Т. как-то вызвала меня к себе:

- Елена Владимировна, я, конечно, вернусь в руно – Марго всё равно станет директором. Меня просто просили здесь побывать, пока её делс разбирают.

- Какое дело?

- Это неважно. Я лично не думаю, что она подходящий человек для этой должности, но у неё там свои связи. Вас же здесь уважают, несмотря на молодость... В общем, я дам вам некоторые адреса – на случай, если будут проблемы в коллективе.

- Почему мне?

- Потому что вы реально что-то можете. Горячев называет вас «серым кардиналом», – засмеялась.

- Скорее, кардиналихой. Это шутка.

Ещё через несколько дней посекретничать ко мне пришла учительница из началки, с которой приятельствовала Марго. Когда-то она сама была директором, но теперь уже пенсионеркой не спеша работала с малышами.

- Пожалейте Марго. Хотите, я рекомендую вас в другую школу руководителем? Правда, тоже новостройка, но у вас всё получится.

- Я не стремлюсь в руководители. Просто здесь сложилась бесконтрольная ситуация, по возможности мы с друзьями её устраняем. Если бы Марго сделала это сама, никто бы слова не сказал, мы бы только радовались.

Переговорщица вздохнула и удалилась.

Глава 14. С кем можно драться? Союз дома и школы

Действительно, Марго назначили-таки директором школы, Александра Т. вернулась к инспекторской работе. У нас появилась новая завуч. А мне пришлось стать парторгом. Очень простая история: кроме директора, завуча и меня, обладателей билетов КПСС в трудовом коллективе на тот момент не было. Марго напряглась ещё больше. Вообще-то парторги-профорги в образовательных учреждениях, в которых мне довелось учительствовать,

серьёзной роли не играли, существовали чисто формально, я их, честно говоря, даже не помню. :) Но в ситуации, что сложилась в данной школе, моя партийность пригодилась: удавалось защищать людей от всяческих глупостей и гадостей, неминуемо связанных с субъективностью «главной руки». Касалось это у учеников, и учителей.

Случилась и другая нетрадиционная штукавина: в течение полугода примерно я была руководителем сразу двух классов. 8 «Б» устроил бунт немке и отправил ко мне делегацию.

- Елена Владимировна, всё равно на следующий год будет один 9 класс и возьмёте его вы! Она тоже согласна нас оставить...

Ещё бы она была не согласна: 8 «Б» славился буйным характером, две трети его составляли «непричёсанные» ребяташки, от которых ожидать можно было всякого. Мой родной 8 «А» на этом фоне казался собранием ангелов.

- У вас в классе жизнь интересная! – продолжали канючить бэшники. – Мы тоже «Что? Где? Когда?» хотим! К вам даже на родительские собрания ходят!

Поразмыслив, я решила, что резоны у них есть. Откажусь – будет только хуже для всех. Конфликты с классной у них стали происходить всё чаще, это порождало новые ненужные проблемы, а будущий 9 класс, который соберётся из остатков 8 «А» и 8 «Б», конечно, попадёт именно ко мне. Александра Т. (она ещё нас не покинула, когда имел место этот бунт), выслушав меня, долго не артачилась: ей тоже стычки немки с вихрастыми задирами надоели.

Что значит – руководство двумя классами? Это ох как непросто. К ашникам я уже привыкла, мы с ними не один пуд соли, что называется, вместе съели, а бэшники хотят интересной жизни, но делать её своими руками ещё не умеют. И самое трудное: подростки ревнуют меня друг к другу! Распределить себя как бы поровну между ними очень нелегко.

На первом же родительском собрании обиженная мамочка высказала:

- Конечно, вы тех больше любите, мы же приёмные... Вы всё время говорите: вот 8 «А», 8 «А»!

И я запретила себе делать даже самые безобидные реверансы в сторону родного класса. Это как с отдельными учениками: нельзя постоянно нахваливать одних и поругивать других. Даже взрослые очень болезненно реагируют на внешние оценки, что уж говорить о детях! Каждый ребёнок должен попасть в число тех, чьи успехи вы разглядели. Правда, это не могут

быть дутые успехи, поэтому педагогу нужно научиться быть очень внимательным. И нельзя публично рассказывать об ученических неудачах: человеку и так невесело, а вы ему добавляете горечи. Захочет он после этого преодолевать трудности, без которых не обходится ничьё образование?

Не знаю, кто завёл дурацкую традицию снижать четвертные и полугодовые оценки, если ученик получил хотя бы одну «двойку» в течение этих периодов работы. Когда я с ней столкнулась, была крайне удивлена. «Двойка» – оценка одноразовая, свидетельствует лишь о том, что сегодня ребёнок валял дурака или что-то недопонял. Завтра же он может достичь совсем иных результатов. Я практиковала в этом смысле вот что. Не готов по теме? Сразу «двойку» не ставлю, но на следующем уроке спрошу обязательно – если опять не готов, получишь две «двойки». Но если выступаешь молодцом – засчитывается только вторая оценка. Срабатывало это правило, скажу вам, великолепно на протяжении всей моей педагогической деятельности. Кроме того, любую «зачётную двойку» можно было позднее исправить, чтобы не влияла на итоговые оценки. Но об этом я расскажу позднее. :)

Однако не будет толка от ваших усилий, если не замечаете какие-то дурные моменты в продвижении каждого подопечного. Но прорабатывать их следует только наедине с учеником. Я никогда не называла при всём классе фамилии тех, кто получил «двойки» за сочинения, говорила только, что есть ряд неудач. Но в тетрадях двоечников оставляла довольно подробные объяснялки по поводу того, над чем нужно потрудиться, чтобы «чёрных меток» больше не было. Понимаете, нельзя никого клеймить, нельзя загонять начинающего ещё жить человека в тупик. Да и не начинающего – тоже нельзя. В общем, чтобы не навредить, надо постоянно помнить о неистребимой в каждом из нас жажде справедливости. :) Педагогическая же несправедливость произрастает из банального равнодушия. Именно с ним и воевал мой приёмный 8 «Б», отказываясь от «неправильной» классной.

Но поддержание справедливости иногда требует неординарных поступков. Был в моей учительской жизни эпизод, когда ударила ученика. В конце большой перемены прибежала плачущая девочка.

- Ты что, Тася?

- Олег, он... Он...

- Да что случилось?

- Он... Елена Владимировна! Я не могу! Он меня по руке!..

Олег был парень довольно рослый, ему и Тасе шёл пятнадцатый год.

Выпроводила девочку умываться, нашла обидчика, попросила зайти в кабинет. Только дверь закрыл – я заехала ему по физиономии. Дамочка я субтильная, но долгие фортепьянные и машинописные экзерсизы тоже своё дело сделали, ручка не слабая.

- Ой! Елена Владимировна!

- Вот. Ты можешь мне тем же ответить?

- Нет, конечно!

- И Тася не могла. Ты зачем к ней драться полез?

- Да она дура!

- Дура? Так ей и скажи. И отойди. Понял?

- Но...

- Что но? Не дерутся с девочками. Никогда. Это только уроды делают. И Тася – не дура.

Помолчал.

- А это правда, что вы однажды пацанов разняли?

- Правда. Откуда знаешь?

- Да так, неважно... А я тут недавно подслушал, как вы с одной училкой разговаривали, она сплетни какие-то что ли разносила... Я никогда не думал, что вы так можете. С нами вы другая.

- Вы дети ещё, вам я прощаю многое. К взрослым счёт уже другой.

- А пацанам драться можно?

- Можно, только по делу и очень редко, а то привыкнешь. Всё, дуй на урок и не болтай нигде про то, что было.

- Ясен пень...

Мы много пеняем на отсутствие мужского воспитания. Это и в самом деле беда. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы на такие темы с Олегом и прочими говорили учителя-мужчины, а ещё лучше – отцы подростков. Когда перед глазами у них нет достойной модели поведения, на всю дальнейшую жизнь закладываются скользкие стереотипы. Хочешь померяться силой с другим? Выбери для этого равного или более сильного: выясняй, кто ты есть рядом с ним. Хочешь наказать идиота, сражающегося с тем, кто заведомо

слабее? Накажи, но так, чтобы и у него был шанс встать потом на ноги. Самоутверждаться мускулами на фоне женщины – вообще убудство.

С другой стороны, страдают и девушки в отсутствие здоровой двуполой среды. Они зачастую либо идеализируют ребят, либо, уловив их слабые стороны – а психически, увы, мужчина нередко слабее, особенно в молодости, – используют их в своих манипуляциях. Так люди привыкают к вранью и потреблению друг друга, весело называя такое положение вещей «войной полов». В природе, между тем, никакой такой войны не предусмотрено.

Был и другой показательный случай общественной привычки к не самым умным нравам. Один озабоченный своей интеллектуальной высотой папаша стал внушать подрастающему сыну, что все женщины – дуры, потому относиться к ним слишком серьёзно не стоит, созданы они только для определённых удовольствий. Видимо, парень решил привести в пример мою скромную персону, за которой в школе укрепилась стойкая репутация человека с мозгом. Интеллектуал подсунил отпрыску некий заезженный тест, которым последний на следующий же день стал размахивать перед всеми девчонками. Но гвоздь программы, сами понимаете, – выведение на чистую воду Елены Владимировны. :)

Что делать, когда и тест этот тебе очень хорошо известен, и техника подсчёта результатов тоже? А главное – ты понимаешь, что предъявление настоящего уровня твоих знаний может просто убить незадачливого эксперта? Мальчика, конечно, я пожалела, отчасти сыграла в поддавки, но дала понять, что на банальных порогах ловить меня не следует. Очень аккуратно и ласково дала это понять. А вот с гордым папой после родительского собрания побеседовать пришлось более внятно.

- Вы напрасно создаёте у парня снисходительно-бесцеремонное мнение о девушках.

- Но если вы действительно умная женщина, вы же понимаете, что я прав!

- Если вы считаете признаком ума оперирование штампами, то я глупа. И речь не обо мне, я уж в себе как-нибудь сама покопаюсь, если приспичит. Вы же хотите, чтобы ваш сын был счастлив?

- Ну, для счастья достаточно очень обыденных вещей. Уж без бабы-то он не останется.

- Не останется, не сомневаюсь. Но быть при бабе – одно, а быть при счастье – другое. Вы только не обижайтесь на меня. Понимаете, он будет взрослеть и сам разберётся, кто умный, кто глупый, какая такая баба – хотя я

предпочитаю слово «женщина», – ему нужна. А вдруг именно он встретит такую, которая заденет его не только телесно, и не столько даже? Он же будет разрываться между тем, что вы ему навязали, и тем, что есть на самом деле.

Папа, разумеется, пофыркивал, но всё-таки слушал.

- Я не сторонница долгих душещипательных разборок. Давайте договоримся вот на чём. Дома – территория ваша, вы можете делать то, что считаете верным. Но школа – это моё. И я вас предупреждаю, что девочек от дурацких провокаций буду защищать. Да и мальчиков тоже.

А на родительские собрания – да, ко мне приходили очень многие. Как-то заболела, не провела положенный час с мамами-папами. Подошёл ученик, открыл дневник:

- Ой, напишите, пожалуйста, что вы болели, и поэтому собрания не было! А то мама не верит, думает, я тут оброс приключениями.

Вынуждена была сделать пометку и расписаться. :) Увы, но почему-то эти собрания у многих учителей превращаются либо в дергатню с деньгами на то на сё, либо в разнос «трудных», что лишь отвращает людей от воспитания своих детей. Все персональные дела я обсуждала с родителями тоже персонально, после общего разговора. А у разговора этого обязательно должна была быть конкретная тема, связанная с особенностями жизни подростков. Ведь чем связаны мамы-папы в одном классе? Возрастом детей и проблемами, которые именно этот возраст вызывает. Параллельно возникают и уникальные ситуации в каждом классе, требующие обсуждения и поиска адекватного решения. Иногда бывало и такое, что люди приходили поговорить о недетских делах, и это превращало меня в психолога-консультанта. Я уже упоминала в предыдущей главе мужчину, который забрал к себе дочь после смерти бывшей жены. Они лет пять уже были в разводе, он второй семьёй так и не обзавёлся, жил со своей престарелой матерью. А тут девочка-подросток...

- Понимаете, такой возраст, переходный! Я про девочек ничего не знаю толком... Вот ей платье понравилось, я купил, а соседка сказала, что больно взрослое, не по годам ей. Ира закрылась в комнате, плачет, к себе не впускает. Бабушка уж как ни просила. Ну, что платье? Тряпка... Другое найдём, если захочет.

- Да вы не переживайте так. Ире, конечно, трудно. В её возрасте один год – наши с вами пять, как минимум. Она не может быстро привыкнуть к другому дому. Тут дело не в платье, и не в том, что она девочка. Захочет надеть – пусть, отложит – тоже пусть.

- И потом она с нами почти не разговаривает! Это так тяжело, особенно маме. Мы же её не обижаем!

- Но у неё же самый близкий человек умер. Понимаете, это как конец жизни. У неё одна жизнь – хорошая, радостная – кончилась, а другая – ещё непонятно какая, но уж точно не такая же радостная – не началась. Она будет молчать, плакать, закрываться. Но это пройдёт, просто придётся повзрослеть раньше сверстников. У неё уже подружки появились, она общительная. В школе она забывается, но дома – дело другое. Потерпите.

Ира эта, конечно, оттаяла, постепенно подключилась к бабушкиным готовкам-стиркам. Девочка вообще была добрая и способная. Папа тоже перестал лишний раз волноваться, нашёл для себя правильную колею.

Но я никогда не поощряла болтовни с родителями учеников по телефону и вообще стилия общения «вась-вась». Есть категория мамаш, очень опекающих своих чад и заходящих через границы допустимого в отношениях с учителями. Я научилась их за эти границы возвращать. :)

Глава 15. Зачётная литература. Прятки от себя

Наступил год, когда мои ашники и бэшники благополучно воссоединились в 9 класс. И, представьте себе, получилась очень даже неплохая смесь. :) Осваиваться в новом коллективе никому не пришлось, все уже были знакомы, у некоторых наметились и основательные дружеские отношения. Параллельно образовался интересный состав преподавателей, в котором с небольшим перевесом преобладали мужчины. Нестандартная, в общем, ситуация – кажется, больше таких классов в моей практике не было. Хороша она тем, что не даёт огрубеть и потускнеть представителям обоих полов. Марго этот наш клуб пыталась разбить любой ценой, не гнушаясь и весьма грязными средствами. Странная всё-таки была особа: радоваться бы ей удачному стечению обстоятельств, а не дурить. :)

В стране же закипала перестройка. В литературных журналах бурным потоком шли тексты тех, кто ранее не мог рассчитывать даже на упоминание вскользь. Активизировались публицисты, полагавшие главным злом коммунистическую идеологию, но ещё не признававшиеся в этом на полную катушку: с одной стороны, лепетали про социализм с человеческим лицом, с другой, требовали свободных экономических рельсов в виде рынка, который якобы на западе уже всех осчастливил бесповоротно. Михаил Шатров дождался возможности нарисовать неигрушечного Ленина в своих драмах, но нашлось немало борбистов, нещадно затапывающих любой намёк на содержательный разговор об отечественной истории. Борбисты эти причём были разномастные, от мемориальцев до цэкашных деятелей. Обыватели много болтали про Мишку Меченого, его нескромную жену и народолобца Ельцина. Последний ещё не очень осмелел, только объявился в столице. На школе эти политико-общественные обновы отразились вечной подсветкой: будем реформировать образование, стране нужен другой учитель. Старая глупая штуковина: как будто знания суть некие вещицы, механическим способом ввинчивающиеся в головы – сначала учительские, потом детские. :)

Но нельзя не отметить и того, что интеллигенция почувствовала себя действительно свободнее. Вполне естественными стали обсуждения реальных проблем, в том числе и в сфере педагогической. Правда, об этом я уже рассказывала в первой части книги, желающие могут перечитать соответствующие главы. :) Здесь же хочу остановиться на таком важном элементе школьной жизни, как библиотека. Вы спросите, какое отношение это имеет к социуму в целом? Самое прямое.

Библиотека вообще и школьная в частности должна быть не просто хранилищем книг. Хороший библиотекарь – человек универсальный, знающий и литературные произведения, и судьбы их авторов, и запросы обращающихся к нему читателей. Одним словом, просветитель. В нашей школе на этом месте работала замечательная женщина – Наина Алексеевна Вагнер. До того она заведовала столичной библиотекой имени Некрасова, но вот получила квартиру в Строгине и перебралась к нам. Несмотря на свой уже очень зрелый возраст, в нашу молодую компанию она вписалась очень органично. Благодаря её стараниям заглядывали в школу и писатели. Как наиболее содержательные, вспоминаются встречи с Виктором Розовым и Сергеем Баруздиным.

Для словесника сотрудничество с таким библиотекарем – подарок, да и только. Одно дело, вы просто предлагаете ученикам прочитать некую книжку, и другое – это нужно сделать, потому что предстоит знакомство с самим писателем. В целом, я не горячий сторонник так называемого внеклассного чтения: для воспитания в подростке читателя достаточно небольшого

классического списка, всё, что ему интересно помимо программы, он и без учителя одолеет. Но общение с «живым автором» может заставить внимательнее отнестись к современной литературе. Хочу сразу предупредить и учителей, использующих подобную форму работы: неплохо до самой встречи обсудить с приглашённым писателем вопросы, на которых будет сосредоточено мероприятие, а то творческий народ порой действует по принципу «куда кривая выведет» и может вызвать у аудитории неадекватную реакцию. Бывали у меня случаи таких легкомысленных торопыг, которые невольно оказывали себе медвежьи услуги, приходилось бросаться на помощь. :)

Примерно к этому времени у меня сложилась и своя метода преподавания литературы в старших классах. В средних ситуация более ясная, там требуется активное чтение тех книг, которые тематически близки подросткам. Это ещё та возрастная группа, для которой актуально элементарное сопоставление персонажей с собой и краткие высказывания о впечатлениях от прочитанного. Хорошо идут попутные инсценировки, рисунки, сочинения по началу сюжета – всё, что работает на развитие образного мышления.

Три последних школьных года учащиеся знакомятся с литературой очень взрослой. Частенько мы даже поговариваем, что произведения, включённые в программу, не могут быть восприняты подростками. Разумеется, в 15 и 40 лет мы вычитываем в одной и той же книге разное. Я вот сколько классику ни читаю, всякий раз удивляюсь, как это ранее не заметила того-то и того-то. :) Хороший, настоящий литературный текст имеет бесчисленные пласты. Но, понимаете, образцовая литература (классика – образец), даже не будучи измеренной читателем глубоко, затрагивает в нём очень тонкие струны. Её инструмент – язык, когда он точен, обязательно влияет на сознание. Правда, при условии, что его не искажают поверхностные толкователи, коими нередко, увы, бывают и школьные учителя.

Где-то в 14-15 лет подросток делает рывок в сторону абстрактного мышления. Накопленные за предыдущие периоды развития наблюдения и действия структурируются, складываются в элементы системы, которая оформляется в индивидуальное мировоззрение. Если вы думаете, что природа решает эту задачу в возрасте более солидном – вы заблуждаетесь. Конечно, есть то, что называется личностными особенностями, но я говорю о наиболее распространённом, среднем варианте. Тот факт, что нынешних молодых людей всё чаще одевают в интеллектуальные ползунки, навязывая как истинный признак взросления интерес к алкоголю, наркотикам, агрессивному сексу, то есть всяческой «ненормативности», свидетельствует лишь о беспомощности общества в гуманистических потугах.

Программа по литературе в старших классах не должна строиться на обширном списке произведений. Дело не столько в том, что читаем, сколько в том, как читаем. Но и ограниченной в этом смысле она быть не может, потому что культурный человек – частичка общемировой памяти. Кроме того, литература очень тесно взаимодействует с общественными процессами, она не рождается только из самоощущения поэта или прозаика. Есть и некий набор сведений о чисто художественных средствах, которыми пользуется этот вид искусства, о нём тоже нужно сообщить ученикам. И всё это следует делать не на основе топорного пересказывания учебника, а так, чтобы подросток не заскучал, не услышав ничего, что связывало бы с авторами, жившими задолго до его бабушек-дедушек.

Пришла я к тому, что, к примеру, всю программу 8 класса (ныне 9-го) раздробила на 10 в среднем тем. Основные, конечно, были посвящены литературным произведениям: лирика Александра Пушкина, роман «Евгений Онегин», лирика Михаила Лермонтова, роман «Герой нашего времени» и т.д. Дополнительные: историческая ситуация в России конца XVIII века, романтизм как литературное течение и т.д. Каждая тема завершалась зачётом. Это могла быть маленькая письменная работа – изложение основных тезисов лекции, которую я предварительно читала (а параллельно учила её записывать). Или двухчасовое классное сочинение после знакомства с творчеством писателя. От домашних сочинений, кстати, я отказалась полностью: они только провоцирует списывание. Очень интересными получались зачёты по чтению наизусть стихотворений. Недели за две до окончания изучения лирики делалось предупреждение о таком уроке, оговаривался объём заученного текста (количество строк), сами стихи предлагалось выбрать. Иногда в одну группу собирались несколько авторов. Например, из Блока, Есенина и Маяковского выпускникам нужно было выбрать только двух понравившихся поэтов.

На самом первом уроке в году я объявляла полный список произведений, которые будем читать: чтобы добывали тексты. Учитель не должен ставить перед собой и учениками невыполнимых задач. Меня всегда умиляло требование прочитать дома за неделю какой-нибудь роман. Угу, это когда есть ещё математика, история, иностранный... :) Учебники с готовыми сентенциями по поводу героев и коллизий между ними тоже не работали. С небольшими по объёму произведениями знакомились прямо на уроках: читали вслух по очереди либо молча, «про себя». Бывало и такое, что я сама читала какую-нибудь пьесу, так как хорошо знала её перипетии. В качестве домашних заданий объявлялись несколько вопросов, мной составленных. Если не прочтёшь, никаких ответов не получится. Из очень внушительных романов, конечно, мной выбирались главы, без которых основные линии не отслеживаются. При подготовке к сочинениям

(темы заранее не сообщались) тоже давались вопросы для размышления. Отдельное задание – подготовить цитатный материал, характеризующий персонажей и их отношения. Разве может кто-нибудь наизусть знать такие вещи? Вообще текстами на сочинениях можно было пользоваться свободно.

Относительно списывания. Благосклонно говорила, что «тройки» поставлю – за потерю времени. Но тот, кто претендует на большее, пусть осваивает собственное письмо. Любая помощь от меня на уроках-сочинениях – пожалуйста, обращайтесь. Порой иным не хватало двух часов, тогда приходили после уроков, дописывали. Вслух лучшие работы не зачитывала, просто объявляла фамилии отличившихся, уже сами ребята обменивались друг с другом с удовольствием своими шедеврами. :)

Минимум оценок в году – количество наших тем. Между ними, конечно, всячески поощрялись устные выступления в ходе дискуссий по вопросам домашнего задания. Но люди бывают разные: одни активничают в беседах, другие раскрываются в сочинениях. Поэтому нужно использовать разные варианты. Любую зачётную оценку можно было исправить при желании, договорившись со мной об отдельной встрече. Правда, случалось такое крайне редко, потому что как-то постепенно все привыкли всё делать вовремя. Да и как не привыкнуть – нехитрая ведь система. :)

Сложился такой порядок вещей у меня не сразу. Как и многие учителя, я начинала с буквального следования общепринятым требованиям, но быстро поняла, что они зачастую надуманные, далёкие от того, что на самом деле обеспечивает взаимодействие учителя и ученика. Разумеется, я не так наивна, чтобы думать, будто удалось «зацепить» каждого подопечного моей любимой литературой, но я твёрдо знаю, что сделала для этого всё, что от меня зависит.

Это сейчас мы стали громко кричать о том, что классическая литература – наше всё. В то время интеллигенция всерьёз была больна неуважением к ней, читать Пушкина считалось дремучей привычкой училок-неудачниц. Впрочем, что это я? Подлинная интеллигенция таких глупостей никогда не говорила. :) Но в нашем обществе есть довольно толстый слой образованцев, ставящих моду выше правды.

Тестировавший меня и одноклассниц на интеллектуальные высоты мальчуган однажды предъявил новую игрушку. На сей раз она долженствовала выявить примитивный вкус. Традиционный набор Пушкин-Чайковский-Репин – прямое доказательство этому печальному обстоятельству. Тестик тоже был заранее знакомый, парня пришлось разочаровать.

- Слушай, ну что ты всё суетишься с этими тестами? Их составляют как

раз не самые сложные особи. И вообще нет большей банальности, чем страх показаться банальным. Прочти хоть одного настоящего поэта – и ты молодец. Разве дело в именах?

- Нет.

- И потом, неужели ты думаешь, что твой учитель знает меньше тебя? Я произвожу впечатление такой тетёхи?

- Нет, что вы! А когда же вы успеваете ещё читать?

- Успеваю, как видишь. Мне уже не надо задачки по физике решать.

- Елена Владимировна, я вообще удивляюсь: зачем вы в школе работаете? С вашими способностями и здесь...

- А тебе от этого плохо? Лучше было бы, если б меня здесь не было?

- Ой, нет! Нам-то хорошо. Но ведь вам, наверное, плохо? Платят мало. Всё время одно и то же.

- Не думаю, что мне платят много меньше, чем твоему папе. И ты у него спроси, он не грустит из-за того, что на работе каждый день одно и то же? Видишь ли, любой взрослый человек, кем бы он ни работал, обязательно сталкивается с какими-то рутинными моментами. Но у меня-то как раз возможностей отвлечься от них предостаточно: все люди такие разные.

Помирились мы окончательно с папой этого парня на неожиданной теме. Уже не помню, по какому именно случаю, но на одном уроке ученик воскликнул:

- Все евреи – дураки!

И это при том, что сам он был явно не чистейших славянских корней.

- Зачем ты так говоришь? Среди евреев много выдающихся людей.

- Например?

- Эйнштейн, Маркс.

На следующий день ко мне пожаловал папа. Не один – принёс Тору.

- Почему вы внушаете мальчику такие дикие вещи? Он должен стыдиться того, что в роду есть евреи?

- Да нет, конечно. Но, видите ли, существует поверье, что если говорить всё наоборот, можно как бы...

- Спрятаться?

- Спастись.

- От чего? По-моему, если всё время думать о дурном, не останется шанса для хорошего. Вашему сыну рано или поздно кто-нибудь в лицо будет орать всякие гадости про его еврейство, и что? Он должен будет отказываться от корней?

- Но только на словах...

- Такие выверты допустимы в очень отдельных, очень редких условиях. Желательно, чтобы они не возникали никогда. Это как вещество, превращающееся в яд из лекарства.

- Я не знаю... Так много того, что мы не знаем.

- Но там, где мы знаем, для чего придуриваться?

- Возможно, вы правы. Я подумаю. И вообще: рад, что вы учите моего сына. Они так прислушиваются к вашему мнению...

- Пока прислушиваются, а дальше может быть всё, что угодно. Мир? Думаете, учитель, даже самый хороший, конкурент родителям? К чему это соревнование?

Тесты исчезли. Папа даже стал приходить на родительские собрания. Мне всегда были удивительны люди, встающие в боевую стойку рядом с теми, кто их просто занимает. Почему бы не задать все интересующие вопросы? Зачем мучить себя нелепыми подозрениями совершенно на пустом месте?

Глава 16. Будни чиновницы. Психология и жизнь

Перед отпуском лета 1986 года меня неожиданно вызвали в руно. Оказалось, там сменилось начальство: перестроечные веяния не прошли

стороной и эту славную контору. Возглавила её Марина Алексеевна Иванова, отработавшая до того несколько лет директором довольно известной в районе спецанглийской школы. И вот она решила обновить команду школьных инспекторов. А Марго, обессиленная от невозможности меня «задвинуть», послушалась совета многоопытной приятельницы и сделала обратный ход, то есть меня «выдвинула». В советские времена каждая организация ежегодно подавала в вышестоящие инстанции так называемые списки кадрового резерва руководителей, туда я, к своему удивлению, и попала.

К числу любителей монотонного пейзажа за жизненным окном я не отношусь. Есть люди, особенно среди женщин, пытающиеся разнообразить его перестановкой мебели или перекрашиванием волос – это точно не обо мне. :) Но сводить течение родной биографии к привычной рутине, которую с годами всё страшнее менять на нечто содержательное, тоже не научилась. Судьба говорит: попробуй-ка! Я отвечаю: почему бы и нет? Константы у меня две – художественное творчество и дом, всё остальное вполне поддается вариациям. Ребята мои уже подросли, перешли в выпускной класс, бросания педпрактики инспекторство не требовало – более того, она могла составить 12 часов недельного преподавания. В общем, немного поразмыслив, я согласилась. Марго долго не хотела оставлять за мной русский и литературу в старших классах – очень надеялась, что удалюсь вовсе, – но всё-таки смирилась.

По сути, все руновские сотрудники (точнее, конечно, – сотрудницы) делились на две категории: инспекторы и методисты. Первые почему-то считались более высокой кастой, они ведали отношениями с администрациями школ. У каждого инспектора на участке таких учебных заведений было несколько десятков. Иногда в них проводились многомесячные проверки. Мероприятие совершенно зубодробительное, доложу я вам. :) Просматривается вся документация, посещаются методистами уроки чуть не всех учителей, выясняется, все ли дети приняты на законных основаниях, потом составляются долгие отчёты... Правда, случалось такое нечасто. Очень забавно при этом было наблюдать за коллегами по управлению, которые в один момент превращались в важных немногословных особ из улыбчивых женщин, бойко пересказывающих друг другу свои семейные передрыги за чашкой-другой чая.

Пару раз в неделю каждый инспектор вёл приём учителей и родителей из курируемых школ. Надо отдать должное учителям: они редко беспокоили, решая все свои проблемы с завучами и директорами на месте. Зато родители порой попадались весьма экзотического поведения. Помните эпизод из «Доживём до понедельника», когда мнящий себя большим специалистом в истории папаша пишет на казённом бланке телеграмму Мельникову, поставившему «необоснованную тройку» девочке? Вот подобных зануд я

встретила в бытность свою инспектором немало.

Но чаще, увы, проблемные ситуации возникали в связи с тривиальным равнодушием большинства людей друг к другу. Это ведь очень условное разделение – учителя, ученики, родители... В первую очередь все просто люди, то бишь человеки. Вот помню случай в одной школе, в которую пришлось выезжать из-за конфликта между старшеклассниками и администрацией. Проводили дискотеку, заранее оговорили её продолжительность, но реально закрыли зал за полчаса до назначенного времени: взрослым очень хотелось прильнуть к телевизорам. Подростки отказались вообще покинуть школу. Вызвали родителей самых активных, те тоже стали увещевать – кое-как детишек по домам разобрали. Но на следующий день бунтари прогуляли уроки завуча, которая была дежурным администратором на злополучной дискотеке. Ну, а дальше – больше: чуть не целое протестное молодёжное движение. Директриса пригрозила комсомольскими разборками, а дети накатали мне телегу.

Попросила собрать преподавателей, имевших отношение к памятного вечера. Спрашиваю принародно завуча:

- Почему закрыли дискотеку раньше? Ведь договорились же сразу...

- Ну и что? Всего-то – полчаса!

- Да хоть пять минут! Понимаете, вы обещали. Значит, нужно было предупредить, что время окончательно не утверждено.

- Кого предупреждать? Этих вот? Мы тут главные, а не они.

- Если вы главные, то вы и должны были представить, к чему приведёт эта разница в полчаса. Ну, не прощают дети подобных небрежностей. Вы лет в пятнадцать как бы на их месте поступили?

- Когда мне было пятнадцать, в моей школе никаких дискотек не было.

- И это хорошо?

Завуч эта, между прочим, женщина была совсем не злобная, биологию свою преподавала воодушевлённо, в округе пользовалась уважением. Но про дискотеку она к моменту нашего разговора, казалось, забыла напрочь: её возмущало то, что девятиклассники успели сорвать несколько уроков. Что ж, ситуация весьма распространённая: люди горазды видеть неприятные последствия, но не вникать в их причины. В конце концов всё же удалось устроить небольшое собрание школьников и учителей, где враждующие стороны пообещали друг другу больше нервы не мотать. Завуч произнесла маленькую речь:

- Ладно, я не думала, что для вас эти лишние полчаса такие драгоценные. Наверное, для меня время бежит с другой скоростью. Но вы тоже хороши! При чём здесь биология? Теперь будем нагонять пропущенное!

К чему я вам эту историю живописую? А к тому, что от пустяшной спички Москва сгорела, и не раз. Чуть не все «войны» в школах, с которыми мне приходилось сталкиваться, рождались из некоего человеческого недомыслия. А недомыслие, в свою очередь, было вызвано лишь приучением себя не замечать взаимосвязи самых элементарных вещей.

В общем, инспекторская жизнь заставила меня освоить основы конфликтологии. :) Могу даже сказать, что единственно полезной частью своей работы в этот период считаю именно помощь педагогическим коллективам в сложных психологических ситуациях. Возможность пригласить человека «со стороны», такого третейского судью, даёт свои результаты: он никому не противостоит, ни от кого не зависит, готов выслушать каждого, сам имеет школьный опыт – в итоге ему доверяют, к нему по-настоящему прислушиваются.

Коллеги немало удивлялись очередям в мой кабинет по приёмным дням. Но вот – о чудо! – у нас в штате завёлся психолог. Появилась очень милая девушка с искренним желанием облагородить школьную ниву семенами научных истин о душевности. В 1980-е годы школы истошно кричали, что им требуются психологи: учителя так загружены, что не могут заниматься отдельными детьми, да и знаний у них о тонко-глубоких характерах не так много. Сами же психологи ринулись проводить везде, где это было возможно, различные ролевые игры и читать спецкурсы для жаждущих вооружиться эффективными методами работы. Некоторые на том обрели немалые финансы. Обрели ли при этом учебные заведения желаемых помощников? Трудный вопрос. На моей памяти таких примеров нет. Хотя допускаю, что кому-то они известны.

Девушка, пришедшая к нам в руно, была добрая, старательная, начитанная, мы с ней очень много общались. Но она панически боялась реальной школы и реальных детей. Вот на теоретическом уровне – спрашивайте, о чём угодно, будут вам умные ответы. А практически...

- Ну, этот мальчик сам виноват, не может дать отпор. Он же новичок, должен был быть готовым к тому, что могут устроить неприятный сюрприз, и не один.

- Угу, в одиннадцать лет ребёнок заранее должен просчитать несколько вариантов своего и чужого поведения? Он что, на таинственную планету попал,

а не в соседнюю школу? До этого он уже в двух побывал, и всё было хорошо.

- Я ему рисунок дала, он его расшифровал так, что очевидны проблемы настроек на новое.

- Ты уверена? По-моему, дело не только в нём, а, может быть, и не столько в нём. Группа, негативно встречающая новичка, требует педагогической работы.

- Новичков всегда встречают негативно.

- Нет. С любопытством – да. Но любопытство может быть разным.

- Группа обязательно кого-нибудь назначает изгоем.

- Кто тебе сказал? Если группа так себя ведёт, она нуждается в лечении.

- И что, тебе удавалось вылечить кого-нибудь?

- Конечно, особенно, если речь шла о ребятах не очень взрослых, то есть не имеющих закреплённого опыта подобного поведения.

- Это игра...

- И игра, и не игра. И потом, почему нельзя поменять дурную игру на хорошую?

- Да как знаешь. Дети многого ещё не могут понять...

- Дети могут понять гораздо больше, чем иные взрослые. И именно в области отношений.

- Все эти коммунистические байки о воспитании коллектива только вредят. Пусть природа делает своё дело.

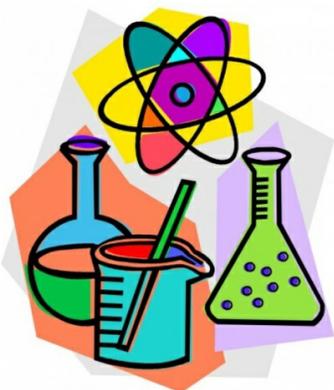
- Она и делает. Но люди почему-то возомнили, что лучше её знают, что возможно, а что нет. Я же говорю: у меня были успешные классы в этом смысле.

Девушка вздыхала и предлагала мне почитать что-нибудь из работ Василия Давыдова и Даниила Эльконина, методика работы которых тогда привлекла к себе пристальное внимание педагогов. Для непосвящённых скажу в двух словах, что суть сводилась к развитию уже у младших школьников системного мышления. Оно, по мнению замечательных – вот как их лучше назвать? по-видимому, всё-таки – философов образования, невозможно без доверия к маленькому человеку, без признания его интеллектуальных и коммуникативных способностей. Всем, кто серьёзно интересуется педагогикой,

предлагаю обязательно познакомиться с книгами этих авторов. Правда, многие учителя жалуются, что данные книги трудны для восприятия, но, дорогие мои, это, скорее, проблема читателей, а не писателей. И вот, представьте себе, моя коллега с удовольствием читала такие труды, но никак не умела соединить написанное в них с теми профессиональными задачами, которые призвана была решать.

Кроме этой психологини, в перестроечные годы я познакомилась со многими другими. И всегда меня поражало, насколько легко они цитируют тех или иных специалистов (а заодно и примкнувших к ним любителей покопаться в человеческих пороках) и как трудно находят ответы на вопросы от самой жизни. Особенно обидно было, когда этика признавалась отжившей областью человеческого знания. Люди играют, люди пытаются изобразить себя лучшими, чем они есть на самом деле, люди только и думают, как бы подложить свинью соседу... Отвратительная парадигма. При всём при том сами представители славной профессии нередко оказывались очень ранимыми и, что самое интересное, – не потерявшими надежду, что встретят-таки того, кто их не обидит и отогреет. :)

Глава 17. Кооперативные мечтатели. Сначала выбрать, потом назначить

Второй раз предложение о школьном директорстве мне сделали в такой странной организации, как МЖК «Атом». МЖК – молодёжно-жилищный комплекс. В перестроечное время (и если бы только тогда!) наши люди ломали себе головы над квартирным вопросом. Ну вот, институт Курчатова решил помочь своим сотрудникам, выбил площадку под строительство, какие-то финансы. Комплексы подобные в то время только запускались в стране, в Москве «Атом» вообще был первым. Горбачёвское политбюро всячески окрыляло допустимые народные инициативы. :) По сути это был большой, разноступенчатый кооператив, его участники должны были вложить и свои рублишки, и даже свои трудовые ресурсы – многие напрямую копошились на

этой площадке в качестве рабочих.

Сначала меня в этот МЖК, точнее в его педагогическую группу, заманили консультантом, так как слухами земля полнилась, а институт располагался на моём инспекторском участке. Кооперативщики были воспитаны на совковых традициях и быстро завели в центре своего муравейника нечто подобное комитету комсомола, который распределил между его членами контрольно-наблюдательные обязанности. Вот один из таких контролёров и был направлен в педагогическую группу, которая создавалась для того, чтобы построенный энтузиастами городской массивчик имел школу-радость-гордость. В общем, ребята активно фантазировали правильное учебное заведение для любимых детишек.

Сами понимаете, представления о педагогической правильности у всех были разные и зачастую далёкие от того, что вообще жизнь способна предложить. Но возможность поучаствовать в обсуждении такого социального заказа была мне чрезвычайно интересна. Одно дело – образованцы всех мастей, уже измученные негативным опытом или привычкой к обыденному толкованию вещей, и другое – молодые просвещённые родители, мечтающие об успехах драгоценных чад. :) Свежий взгляд всегда полезен, чем бы мы ни занимались. Был у меня и шкурный момент в этом деле, потому что целенаправленно искала подходящий для себя жилищный вариант.

Нет, о директорстве я не помышляла – как и другие учителя, привлечённые в группу (на более позднем этапе они неминуемо должны были присоединиться к родителям-физикам), надеялась только на какие-нибудь преподавательские часы. Но жизнь рассудила иначе.

Летом руководство МЖК устроило выездную конференцию в Подмоскowie, чтобы как-то сориентироваться в результатах работы моделирующих будущее групп. Пригласили и меня. Ну, что бы не поехать? Три дня на благоустроенной турбазе под сенью тёплой погоды – подарок. Да и пообщаться с неглупым народом – не лишнее. :)

И вот тут-то неглупый физический народ предъявил мне себя довольно по-дурацки. Речь не о тех, с кем уже около года сотрудничала, речь о здоровенных дяденьках, вырвавшихся из-под семейного крова. То, что среди технарей женщин мало, – факт общеизвестный, но то, как он сказывается в эдаких отдыхательных экспедициях, широко не обсуждается. В общем, дяденьки, увидев меня, распустили слюни, перевели голосовые связки в подростково-орательное положение, вспомнили все скабрёзные анекдоты, какие только слышали за свою почтенную интеллектуальную жизнь. Хвала судьбе, она приставила приятеля, который примерно как правоверный

мусульманин вынужден был сопровождать меня во всех походах в столовую, конференц-зал и т.д.

- Ладно, Лен, потерпи. Ты слишком красива, наш контингент такими картинками не избалован. Вот будет общий форум, выступишь – заткнутся. Они думают, ты тут чья-то, сама понимаешь...

- Понимать понимаю. Но не принимаю. Ну, и дикари вы, однако!

Действительно, на форуме это стадо членоносцев заткнулось. Молчание после моего десятиминутного сообщения о школьных перспективах возникло длительное и тугое: «Баба, молодая, аппетитная, с мозгом. Говорит, как пишет, без бумаги. Смотрит легко, но хладненько...» У меня в жизни было несколько такого рода эпизодов, но этот, пожалуй, превзошёл все прочие по выразительности. Обычно аудитория делится на три части. Первая – мужчины, откровенно получающие наслаждение от происходящего. Их немного, но они, как правило, самые толковые и уверенные в себе, их нисколько не напрягает интеллект женщины. Другие – тоже в небольшом составе, напротив, очень злятся: кто посмел не соответствовать их сказке про то, как всё должно быть? Основная масса пребывает в растерянности: против реальности не попрёшь, но ведь испокон веку считалось, что такого быть не может!

- Я же говорил, ты их сделаешь, – подошёл смеющийся приятель. – Теперь притихнут.

- Эх, не люблю я это выражение. Что мы, сражаться сюда приехали?

- В некотором роде – да. Пойдём, тут разговор к тебе есть.

Так меня позвали в директора новой школы. С условием предоставления квартиры и с договором, что отрублю не меньше семи лет в своём руководящем креслице. Я отказалась. Если бы не семилетие, может, и согласилась бы, но позволить себе оторваться столь надолго от любимой писанины...

- Да кто тебе помешает писать? Мы же помогать будем! – уговаривал главный комитетчик. – У нас тут серьёзенько!

- Ребята, вы просто не представляете себе, что такое поставить на ноги молодую школу. Нет, никому не хочу морочить напрасно голову.

- А нам что делать? Твоя кандидатура самая-самая. Тогда ищи нам директора, ты район знаешь.

И наша педагогическая группа бросилась на поиски. Нашли. Правда, не из

этого района, но вполне вменяемого парня, уже имевшего директорский опыт. Хотя с оговоркой: на прежнем месте какой-то злобный родитель строчил кляузы. Поскольку начальница моя в руно, Марина Алексеевна, тоже была человек вменяемый, оговорка её не смутила.

- Если вы, Елена Владимировна, рекомендуете, я с ним встречусь. Привозите.

МЖК «Атом» в конце концов отстроился. Знакомый мой стал директором школы. Получилось ли именно то, что фантазировали участники молодого кооператива, не знаю. Жизнь всё равно вносит свои жёсткие коррективы в любые мечтания. Но тогда, в конце 1980-х, люди ещё имели потребность в некоторой объединительной деятельности, и у них даже была уверенность, что кое-что они могут определить здоровым самостоятельным порядком.

Директорство же мне всё-таки пришлось попробовать. Это была не новостройка, а уже с крепко сколоченной историей школа. Располагалась она тоже на моём участке, я её инспектировала. Около полутора лет там длился неприятный конфликт. Руководила скандалившим учреждением обыкновенная советская тётенька, игравшая с учениками и учителями в казаков-разбойников, требовавшая почтения к себе только потому, что должность обязывала. Но ученики – дети как раз сотрудников всё того же института Курчатова – пустых игр не принимали. В общем, перессорились там все: учителя, родители, дети... Мне то и дело приходилось выезжать на разборки.

К примеру, рассерженная учительница химии выставила за контрольную сплошные «двойки» в 7 классе. Чада фыркнули, нарисовали на неё карикатуру, прибили вечером к двери кабинета. Подпись: «Учитель признал себя несостоятельным, просим директора уволить».

Смотрю на химичку: молодая симпатичная женщина, рассуждает вроде по-человечески.

- А почему все «двойки»? Никто-никто не удостоился хотя бы слабенькой «тройки»? Из 34 человек?

- Никто.

- А контрольная лёгкая была?

- Нет, трудная.

- Но они же химию только начали изучать. И сразу трудная контрольная... А предыдущие уроки в норме были?

- Да.

- Странно как-то. Всякое конечно, бывает. Хотя если никто ничего не знает, значит, никто ничего не понял из ваших объяснений.

- Вы хотите сказать, что они правильно на карикатуре написали?

- Они категоричны. Но повод-то у них есть! Хорошо – все «двойки». По здравому размышлению, вы тогда должны повторить все уроки с объяснением темы.

- Нет. Мы пойдём дальше. Просто пусть поймут, что надо на уроках не отвлекаться...

- Как же они пойдут дальше, если ничего не поняли в самом начале? Я вот что предлагаю. Дайте ещё два урока с повтором – ну, вроде экспресс-курса. И опять предложите эту же контрольную. А «двойки» аннулируйте как бы. Вы ими никому ничего не докажете, и детей озлобите, и себя. А я с ними поговорю об особенностях карикатур...

Семиклассники про меня уже слышаны: выезжать в школу приходится часто. Тоже выглядят не бандитски. Спрашиваю:

- Вы что же, хотите, чтобы был другой учитель химии?

- Да. Она ничего не знает.

- А вы, стало быть, химию уже знаете, и хорошо? Не то, что ваш учитель?

- Нет, пока не знаем.

- Я тоже думаю, что не знаете. Иначе одни «пятёрки» получили бы. И химию вы не знаете, и учитель у вас будет тот же. Потому что с химией там всё в порядке. Но контрольную придётся писать второй раз. Спокойно, без обид. И русский не мешало бы вашим художникам подучить. А то придумали: «састаятельным»...

Однако эта история простенькая. А случались и сложные, требующие не элементарных соломоновых решений, но решительных действий. Окна на первом этаже то и дело разбивались – причём метатели тяжёлых предметов норовили попасть именно в директорские, родители строчили жалобы в руно, учителя бросали насиженные места и отправлялись на поиски преподавательского счастья в соседние заведения.

В конце 1987 года Марина Алексеевна вызвала меня к себе.

- Елена Владимировна, надоела мне эта война. Да и вам, я думаю, тоже.

Ко мне приходили учителя и родители, они просят назначить к ним директором вас. Говорят, подходите ментально. Если вы согласны, то выходить надо сразу после новогоднего праздника. Подумайте, конечно. Честно говоря, отпускать вас мне не очень хочется. Но, знаете, это первый случай в моей практике, когда люди сами выбрали руководителя.

Глава 18. Сентиментально, но надёжно. Эстетика и разруха

Сами понимаете, человеку, который написал всё, что вы в этой тетради можете прочитать (надеюсь, что ещё читаете, хотя если бросили – так тоже хорошо: есть ли у меня нахальное право отнимать у вас время? :)), в руно уже стало скучновато. А школа, в которую позвали, нравилась, несмотря на все её прибамбасы. Она была формально среднестатистической, без заковыристых спецклонов и поклонов, но я чувствовала, что именно с тамошними обитателями могу сделать нечто настоящее. Ну, а раз уж сами кличут – отказываться нелогично.

Обстоятельства начала 1988 года сложились таким образом, что сразу после новогоднего пиршества я вместе с группой школьных директоров оказалась в Ленинграде. Девушка-психолог из нашего руно организовала очередное выездное сборище типа ролевой игры. Очень, кстати, удачно организовала, потому что я встретила со многими прежними знакомыми из психологического научного мира.

Ленинград люблю. Вообще я везде чувствую себя комфортно – в любом городе, в любой деревеньке, не принадлежу к числу тех, кто рассказывает, что ощущают в определённых местах нечто мистическое со знаками «плюс» или «минус». Думаю, человек должен всегда быть готовым ко всяческим плюсам, встречая новые пространства и особенно – встречая новых людей. У нас же почему-то укоренилась привычка заранее ждать чего-нибудь неприятного... Возможно, радуясь моей благодушной настроенности, «чужие» города тоже стараются стать «своими». :)

В детстве мои приятели часто смеялись: «Ленка! Опять твой фильм показывают!» Это они замысловато прочитывали название студии «Ленфильм». За несколько лет приучили меня тоже смеяться по подобным поводам. Через

десятилетия мой город вернули святому по имени Пётр. Зато река в Сибири навеки моя. :) А вот с киностудией беда: имя есть, а кино больше нету. Эх, Лены всей Руси, горе-то у нас какое.

Знакомый психолог после долгих игровых посиделок вдруг сказал:

- Слушай, ты говорила, гитару ищешь. Я в «Пассаже» видел – посмотри сама, может, подойдёт.

- А что она там делает? – удивилась я.

- Не знаю. Одна единственная, её дед какой-то пасёт.

Пришла я в «Пассаж». И в самом деле, стоит грустная гитара, рядом такой же грустный дядечка.

- Продаёте? – спрашиваю.

- Да не продаю... То есть продаю. Надо продать. Но, понимаете, она хорошая очень, абы кому не подойдёт.

- А послушать можно? Правда, я играю на семиструнке. Но без седьмой басовой. Мне главное, звук услышать...

Дядечка оживился.

- Это очень хороший инструмент, я ручаюсь. Вот я сейчас покажу. Вы не смотрите, что она простенькая на вид, звук – вы правы, самое дело!

Вокруг стал собираться народ. Мой продавец раздражённо выбросил в сторону руку:

- Что вам тут? Концерта не будет. Гитару продаю...

Звук мне понравился.

- А это что, ваша гитара?

- Нет. Но я бы купил, если бы мог... А вы берите – никогда не пожалеете. Я играл тоже... Раньше. Потом руку покалечил.

Перед отъездом в Москву я побывала у этого удивительного человека в гостях. Уже с настроенной «по-моему» гитарой и с искренним желанием хоть как-то помочь мятущейся душе неожиданного знакомого шагнула в неизвестное жилище. Это была заурядная питерская коммуналка, если взглянуть небрежно на коридор со странным серым хламом, который, казалось, ещё лет двадцать забыли вытащить на свалку. Однако комнатка, в которую меня неспешно

проводил хозяин...

Слово «мир» нынче затаскано так, что уже хочется плакать. Но я попала, действительно, в отдельный мир, который совершенно не был похож на «ничейную» территорию, которую, увы, частенько приходилось наблюдать у людей, обречённых на общежития самого разного рода. Там обычно чувствуешь некую агрессивную временность, перетекающую в безнадёгу и равнодушие ко всему и всем. Тут же скромная мебель, чуть тусклые, но ещё полные жизни краски обоев, бесчисленные рисунки в самодельных рамочках словно собрались в один дружный ансамбль, поющий гимн каждому, кто отважился запросить приюта и привета.

Говорят, не бывает ничего случайного. Это неправда: бывает сплошь и рядом. Люди горазды тратить себя на совершенно ненужные им диалоги, события, занятия. Но, к счастью, бывает и противоположное: внезапно пересекаются те, кто могут сделать друг для друга что-то настоящее и важное.

Что такое – пожилой человек? Это тот, кто уже что-то прожил, то есть пожил на этом свете не два-три года и потому накопил самые разные эпизоды личной драмы. Она неизбежна для всякого. Затрудняюсь назвать возраст своего собеседника, но то, что он успел рассказать о себе, свидетельствовало о том, что человек это был именно пожилой. :) Момент, в который мы оказались рядом, был для него очень трудным: два месяца назад ушла из жизни жена. Единственный сын не приехал на похороны и вообще не желал поддерживать какие-либо отношения с родителями. Отца открыто называл неудачником, даже сменил фамилию.

Только не торопитесь с сомнительным заключением о том, что у хороших родителей таких проблем возникнуть не может. Любой человек подвергается «обработке среды», её результаты редко предсказуемы. Вот вы пахали всё лето на своём участке, не жалели ни сил, ни времени, а налетел циклон с градом и последующими ливнями – и вы стоите посреди огорода, беспомощно разводя в стороны руки. На ребёнка, подростка, и даже того, кого мы по годам уже величаем взрослым, тоже налетают свои циклоны...

А непризнанный отец, между тем, был очень оригинальным художником и музыкантом. Но ведь мы почему-то боимся говорить об одарённости ближнего. Если придёт некто и повесит на него табличку «талант», тут, конечно, совсем другое дело! Таблички такой хозяину чудесной комнаты никто не припас, но рисунки говорили сами за себя. Я вообще очень ценю графику: тут минимум средств для работы, какой-нибудь карандаш да обыкновеннейший ватман, скажем, – но сколько всего можно сказать о красоте! Были и акварели, тоже очень интересные, было ещё что-то, чего уже не помню подробно, но

графика очаровала меня более всего.

Нет, подробностей нашего разговора я вам сообщать не стану: чужую боль перед всем светом выставлять нельзя. Да и свою, в общем-то, тоже необязательно. :) Скажу только, что за полчаса до моего ухода в комнатку постучалась соседка: зазвучала музыка, и ей захотелось присоединиться к нашей крошечной компании. А ведь я в тот год подумывала, не бросить ли свои бардовские замашки. :) Эти люди меня остановили. Не словами – тем, как слушали. Через несколько лет нечто подобное произошло в Некрасовской библиотеке, в которую меня пригласили на юбилей. Думала, последний раз спою – и баста. Но взглянула на зал, на лица... Такие лица ещё бывают у детей, когда они серьёзно, вдумчиво пишут сочинения. Видимо, в мгновения, связанные с полным отрешением нашим от того, как мы выглядим, что о нас думают, с сосредоточением на главном, – это главное и вылезает, природа напоминает, что создала всех гармоничными.

Гитара, в самом деле, служила мне верой и правдой. Ей уже четверть века, и расстаться с ней – выше моих сил. Так и живёт в своём углу, тихо упрашивая не менять на что-нибудь более молоденькое и легкомысленное. :) Кроме неё, от той встречи мне на память была подарена фраза: «У настоящих учителей нет возраста». Сначала она показалась мне неточной и даже несколько дежурной – ну, должен был он сказать на прощание что-то эдакое, подумаешь, – но теперь всё чаще к ней возвращаюсь...

В нынешние времена молодые руководители – дело обыденное. Тогда же 29-летний директор школы – нонсенс. Но поскольку со всех сторон дули перестроечные ветры, те, кто со мною ещё не были знакомы, приняли это обстоятельство вполне лояльно. Вообще должна вам сказать, что в школьных коллективах, не в пример журналистским и прочим, с которыми пришлось потом столкнуться, чисто формальные показатели слишком большой роли не играют. Здесь очень быстро понимают, что собой представляет сам человек, потому что нельзя спрятаться: в газете коллеги могут не читать ваши статьи, в бизнес-компании вы связаны контактами с ограниченным числом сотрудников, в научной группе вы можете вообще быть вещью в себе, ибо отвечаете за непонятные для окружающих вещи. Учительницам в школе некогда бесконечно распивать кофе и обсуждать любовников подруг. Даже если это не очень толковые учительницы. А уж дети, будьте спокойны, разнесут весть о ваших умениях/неумениях скорее всех молний. :)

Школа эта, как я уже писала, пережила затяжной и противный конфликт. Собственно, директорствовать я начала, а злой огонь круговых претензий друг к другу вовсе не погас. Плюс к этому мне досталась оголённая кадровая

площадка: не было старшего завуча, зияли вакансии ведущих учителей – порядка восьми-девяти. И уж совсем лакомое для администратора дело – отсутствие секретаря и завхоза. На второй день моей новой трудовой жизни примчалась завуч из началки и заявила, что рассчитывать на неё не стоит, она продержится не больше четверти.

- Не буду никому давать радужных обещаний, ситуация у нас не самая райская. Но раз уж вы решили, что именно я могу что-то полезное сделать, прошу придерживаться моих требований, – такова была суть «тронной речи». – Я попробую, а что получится – увидим позже.

На январском педсовете передо мной предстали измученные серые физиономии женщин, уже начавших забывать, что они женщины. И силуэты выглядели огорчительно – нечто неопределённое, прикрытое пуховыми платками и опирающееся на расплывшиеся сапоги. Мужчин, само собой, мало, но всё-таки мелькали среди грустных дам. Тоже не самого бодрого вида.

Старушечьи платки и бесформенная обувь исчезли через недели две. Передвигаться по школе в подобном эстетическом оформлении стало неинтересно. Переходить на скоморошеский визг в общении также надоело. Меня саму это очень поразило. Занятные создания люди: стоит лишь одному задать нормальный спокойный тон, как все вспоминают, насколько он естественнее и приятнее. Почему сами раньше не сообразили, почему так легко неслись в сомнительные безобразные дали? Трудно сказать.

Вы спросите, зачем я пишу об этих внешних моментах, ведь не в них же суть? Ну, как сказать... Вот Станиславский заметил, что театр начинается с вешалки. :) Дело не в том, какая она, эта вешалка – дело в том, что она обязательно должна быть, если театр заботится о своём зрителе. А то придут люди представление посмотреть, а пальто оставить нигде. Так и учитель: ждёт от ученика внимания и даже понимания, а на встречу с ним является чёрт знает каким. То есть сразу перечёркивает возможность сотрудничества.

Большой проблемы в поиске недостающих учителей для меня не было, друзья из прежних мест трудовой активности не заставили себя долго ждать. По микрорайону покатился слух, что жизнь в школе налаживается, нашлась и секретарь – женщина-пенсионерка, когда-то здесь работавшая. Сложнее было с завхозом. Но первое время помогал рабочий, полагавшийся по штату. Звали его Анатолием Владимировичем, человек это был к школе прикипевший и в некотором роде педагогически озабоченный.

- Ну, Елена Владимировна, все окна уже месяц целые. Приняли вас, значит. И унитаза не бьют, опять же дела правильные идут.

- Значит, дела правильные, когда люди не молотят что ни попадя?
- А то! Человеку плохо, так он всё вокруг себя готов расколошматить.
- И что, от разрухи легче становится?
- Да как кому...

Глава 19. Лесть и страх. Нечистое дело курения

Ещё когда работала инспектором в руно, заботливое начальство отправило меня на специальные курсы для управленческих кадров в городской университет усовершенствования учителей. Два или даже три месяца новоиспечённым образованческим руководителям – инспекторам и директорам школ – объясняли строгую науку. К моему удивлению, на лекциях встретила довольно толковая дама, которая выдала чётко выстроенную систему основных компонентов, образующих управленческий цикл. Годится он для любой профессиональной деятельности и руководителя любого уровня.

Всё, что мне доводилось позднее читать и слышать об управлении (которое теперь почему-то именуют только менеджментом), более убедительным не показалось. Судите сами. Цикл образуется небольшим числом этапов. Первый, предварительный как бы, но в некотором роде фундаментальный – сбор и анализ информации о реальной ситуации, в которой находится территория вашего администрирования. Второй – постановка конкретной задачи для развития ситуации в нужную сторону, планирование. Третий – организация и запуск процесса. Четвёртый – корректировка и регулирование плана в связи с обязательно обнаруживающимися новыми, не учтёнными заранее, обстоятельствами. Пятый – контроль результатов. Далее всё повторяется. Мне эта цепочка понравилась и потому, что точно соответствует течению педагогического процесса. Если вы имеете дело с группой учеников, классом, то вы ведь его направляете, стало быть, управляете коллективной работой.

Но это только схема. Она не будет полезной, если вы не имеете понятия о сути той деятельности, которой занимается всё предприятие, учреждение. Не может быть неких универсальных менеджеров, которые нынче рулят больницей, а завтра пивным заводом. Если вы хорошо разбираетесь в двигателях авто, никто не доверит вам конструирование самолётов. Точно так же не может быть директора школы, не имеющего понятия о том, как даётся урок и что собой представляют педагоги в его учреждении.

Меня очень забавляет выражение «управление людьми». Люди – существа самоуправляемые. Они, даже не отдавая себе в том отчёта, тоже сначала анализируют ситуацию, в которой находятся, а уж потом совершают какие-либо действия. Если вы полагаете, что ваши предложения должны быть ими немедленно реализованы только потому, что вы при важной должности, то очень заблуждаетесь. Чем же управляет руководитель? Kontakтами всех участников общей деятельности, включая себя. Поэтому удача улыбается тому, кто не ленив, хорошо понимает содержание работы каждого, не мельтешит, сводит до минимума лишние операции. Последние могут возникать именно потому, что работают живые люди, а не винтики, они имеют обыкновение параллельно общей территории «окучивать собственную». :) Если вы действительно понимаете их функции, у них не будет соблазна морочить голову вам и себе рассказами о невозможности сделать то или это.

Другая опасная и лицемерная формулировочка: их много, я один. У каждого из нас в сутках 24 часа, поэтому каждый в состоянии выйти на ограниченное число связей. Если у вас в мобильной записной книжке 200 номеров, это ведь не значит, что их все вы набираете ежедневно? Поэтому разнообразные досужие сетования о страшной занятости и исключительности сотрудника-управленца я никогда всерьёз не принимала. Человек либо очень преисполнен самопиетета, либо не умеет организовать рабочее время. Себя организовать не может, чего же тогда ждать команде?

В 1980-е годы было много споров об авторитарном и демократическом стилях управления. Это разделение несколько надуманное. С одной стороны, люди всегда ждут, что руководитель будет разуместь дело много лучше них и потому как бы делегируют ему право в критические моменты быть жёстким. С другой, люди не могут постоянно чувствовать себя просто функционерами, лишёнными права голоса в принятии решений, от которых зависит их настоящее и будущее.

В России сложилось немало печальных традиций неестественных деформирующих личность отношений между начальством и нена начальством. Знаменитая поговорка «Я начальник, ты дурак» весела, да не очень. Если у нас

так велика потребность ощущать окружающих дураками на собственном фоне, то вряд ли мы можем гордиться своим душевным здоровьем. Чьи-то отдельные амбиции не могут быть решающим показателем успешности всего коллектива. Когда я смотрю кадры старой хроники с огромными портретами Сталина над демонстрантами, всегда думаю: «Какой же он умный, если не понял, что должен был немедленно пресечь самую первую попытку поднять в небеса такой плакатик?» Даже если кто-то искренне готов тебе петь при всех дифирамбы, аккуратно дай понять, что это не нужно. Потому что вслед за этим первым появятся полчища других, которые сочтут свою лесть гарантией личного благополучия. Льстецы обычно глубоко не копают и понимают твоё поведение как любовь к удовольствию типа «лесть». А за удовольствие они попросят адекватную плату. Потом это вообще перерастёт в обязательный ритуал, который будет всё больше раздражать неглупых наблюдателей и против льстецов и против тебя, такого необыкновенного. В результате станешь подозрительным и к тем, и к этим...

Вы скажете: а вдруг они искренне это делают, они видят, что он намного их превосходит? На это вам вот что скажу. Во-первых, никто никого не видит во всех его возможностях. Не по глупости, не по слепоте душевной – природа так работает, что многое скрывает, не держит на поверхности. Во-вторых, умный человек не нуждается в постоянных комплиментах, они должны его даже несколько раздражать. В-третьих, правду об отношении к кому-либо люди чаще говорят в отсутствие этого кого-либо. В-четвёртых, накручивание себя на создание кумира из ближнего приводит к повреждению психики. В-пятых, позволять людям бесконечно тебя хвалить – тоже верный путь к повреждению психики, в том числе собственной. Продолжать этот ряд не буду, хотя сказать ещё есть что. :)

Да, у нас много добровольцев, готовых не работать, а служить определённым лицам. Но не беззаветно и преданно – эти времена уже, кажется, должны пройти, – а опять же на определённых условиях. Условиях гарантированного благополучия, то есть карьеры, долгих финансов, более мягких, нежели к другим сотрудникам, требований. Первый, кому это всё выходит боком, руководитель и есть. Будет ли вся команда реально трудиться, если на её глазах кого-то числят равнее равных? И будут ли эти сверхравные обеспокоены общей территорией, а не окучиванием персональной, разрастающейся как на дрожжах?

Что же, всех гладить по голове и надеяться на безукоризненную честность? Конечно, нет. В человеке, как в химической системе элементов, разное уживается. Но нужно постараться создать такую картину коллективного бытия, которая всякую дурь тормозит. Разговоры о том, что каждый в душе

непроходимый лентяй, посему требуется вечный кнут, далеки от истины. Вот человек приобрёл дачный участок – редко ли он его проведывает? Как правило, часто. Ему там всё важно, всё интересно, всё доставляет радость. Хотя хлопот – ужас сколько! Но это, что называется, своя ноша, она не тянет. Когда тот же человек оказывается в рабочей конторе, он меняется. «Начальству надо – пусть суетится», – спокойно внушает он себе. Однако при этом он всё равно чем-то занят: в крайнем случае, зависает в любимой соцсети. :) Ну, не может нормальный человек полные сутки просидеть истуканом.

Конечно, если ваши сотрудники поняли, что вы хорошо разбираетесь в том, чем они занимаются, как устроена их непосредственная деятельность (не во всех деталях, конечно, но в принципиальных механизмах), явно валять дурака они не смогут. Но этого недостаточно. Нужно ещё, чтобы они начали ощущать реальные преимущества рабочего состояния перед отвлекающими штучками. А для этого неплохо поддерживать атмосферу взаимоуважения и взаимоинформированности. Не слишком часто, но периодически людям надо сообщать об общих результатах труда. И получать соответственно их отчёты. При этом не забывайте: командные посиделки и доклады не должны пожирать много времени. Научитесь сами говорить кратко, но содержательно и требуйте того же от других.

Ещё у нас (и не только) теперь полюбили объяснять главный деятельностный мотив как страх. Ну, дорогие мои, если бы люди были неисправимыми трусишками, смогли бы они удержаться на планете? Страх может на какое-то время заставить дёргаться, угадывать пожелания начальства, но он не есть нормальное состояние организма, посему природа человеческая ему сопротивляется. «У страха глаза велики», – говорят в народе давным-давно. То есть реальность предстаёт испуганному не в фокусе, размытой, лживой. Ему не до работы, он старается изо всех сил изобразить себя загруженным, чтобы не вызвать гнев. Работать и изображать работу – совсем не одно и то же. Когда по тем или иным причинам руководитель-диктатор уходит, начинается жуткая вакханалия: очень быстро его объявляют преступником, последней сволочью, но параллельно растут толпы тех, кто хочет занять его место и вкушать радости диктаторства. «Для меня невозможного нету, все подо мной», – наивно поёт себе каждый вчерашний трус.

Но есть другое в любом сообществе: толкового руководителя несколько побаиваются. Это тоже не очень хорошо, лучше бы просто уважали. Однако при нашей горькой истории, пока не давшей ни одного, хоть маленького, периода свободного самосознания граждан, это ещё неизбежно. Дело в том, что умный, талантливый человек кажется окружающим не до конца понятным, предсказуемым, его нельзя уложить в какие-то типологические рамки

(привет социальным психологам, тестируйте усерднее!), а вот «просчитать» его зачем-то хочется. Это не удаётся, люди в недоумении, иногда даже недобром. Посему совет и руководителям: не обижайтесь на сотрудников, когда чувствуете, что они как будто не сочувствуют вам, не желают признать, что вы тоже человек. :) Они сочувствуют и признают, но при этом и побаиваются, се ля ви.

Хотя вернёмся уже в самую школу. Почему-то некоторые учителя ждали, что первым делом я начну переставлять мебель в кабинете. Это очень забавная традиция у советских руководителей была: ещё всё здание не осмотрел, список сотрудников не изучил, с замами не переговорил – уже заказывает кресло и шкафы. Кресло, конечно, – предмет первой жизненной необходимости. :)

- Ну, новая жизнь на новом месте! Давайте стол ближе к окну, что ли, поставим. И лампу заменим, – заголосил и мой Анатолий Владимирович.

- Нет, не нужно. Меня здесь всё устраивает. Лампа замечательная, уютная, свет подает с правильной стороны.

- Ладно, мешать не буду. А мне можно завтра на педсовет?

- Можно, почему нет? Не знаю только, интересно ли вам всё это будет.

Педсоветы я реформировала. То есть отменила скучные многосказания ни о чём и предложила нормальные дискуссии на избранные педагогические темы. Собственно, темы эти подсказывала сама жизнь. Все, разумеется, уже не помню, поэтому расскажу только об одной: «Что делать с курением школьников?»

Придумала её не я. Наиболее рьяные охранительницы общественных устоев настаивали на том, что следует отлавливать всех позволяющих себе это заразное занятие и штрафовать их родителей. Сначала мне было не до курильщиков: как я описала в предыдущей главе, занималась поисками недостающих учителей. Но вот наступило время, когда все вакансии упряднились.

- Елена Владимировна, надо что-то делать. Они обнаглели, уже даже и не скрывают! – влетела ко мне раскрасневшаяся Ирина Дмитриевна.

- Хорошо. На большой перемене пригласите ко мне человека три-четыре из девярых классов. Из заводил.

До этого момента не один ученик ещё не заходил в мой кабинет. Девятиклассники примчались даже воодушевлённые: наконец увидим директрису не просто проходящей мимо – вызывает!

- Присаживайтесь.

- Мы можем постоять, – чеканно отвечивал вихрастый блондин Витя.

- Замечательно. Стойкие, значит. Времени у меня до урока немного, поэтому доложу самую суть. Рассказывать вам о вреде курения не собираюсь: это, видимо, многие делали и до меня. Одобрять не одобряю, поэтому сама не курю и не считаю, что потеряла многое из-за этого. Но есть серьёзная проблема. Вы превратили в курилку туалет на третьем этаже. Малыши зайти туда из-за вас не могут, а если могут, то попадают в такое амбре, что хоть в окно прыгай. Прибирает его, кстати, женщина. Молодая, симпатичная. Вот входит она вечером в заведение – и видит что? Думаю, мамы ваши после такой обстановочки вас полюбили бы очень пылко. Короче, помещение приведёте в порядок, никакого бардака там быть не должно. Три недели на все дела. Свободны. Да, и предлагаю подумать над тем, чтобы травиться на улице, а не в школе. На свежем воздухе как-то поздоровее.

Как раз прозвенел звонок. Мальчишки, явно взбудораженные, отправились восвояси. Вечером, тоже взбудораженный, пришёл Анатолий Владимирович.

- Они что-то замышляют, но не колются. А что вы им такого сказали?

- Ничего особенного.

- Родителей будете вызывать?

- Зачем? Нормальные родители не могут не знать о привычках своих детей, скорее всего, сами курящие. Начнётся никому не нужная война в доме ещё чего доброго. Что это нам даст, кроме дополнительной головной боли?

Через три недели, как и обещала, я зашла в злчное место. И рассмеялась. На стене висел огромный лист ватмана с гордым красочным названием «Правила поведения в мужском туалете». Кажется, пунктов десять. Прописывались и нормы гигиены, и время пребывания, и отношения с младшеклассниками. Сформулировали с юмором, надо отдать должное.

А на педсовете по соответствующей теме учительки не унимались.

- Надо запретить совсем! И штрафовать!

- Хорошо, допустим. Но тогда все должны быть в одинаковом положении. Скажем, с завтрашнего дня в школьном здании не сможет курить никто. То есть и учителя. Поймаю – вычту из зарплаты. Нормально?

- Как это?! Мы же взрослые люди!

- Угу. Значит, взрослым людям травиться уже можно и даже полезно? С какого именно возраста это ставится полезным?

- Вредно, да... Но мы привыкли.

- Те, кого вы так рвётесь покарать, тоже привыкли. Мы с курением хотим бороться или со школьниками? Хотя, если вы настаиваете, давайте попробуем. Пока не поборете трудную привычку, можете присоединиться к нарушителям спокойствия на третьем этаже или в закутке за школой, заодно объясните, почему это дело дурное. Я не курю, мне такие меры не страшны. В общем, давайте закрулимся. Воспитывает личный пример, а не карательные игры.

Уже в конце учебного года блондин Витя напросился на встречу.

- А вы, действительно, никогда не курили?

- Действительно. Ну, что это такое – красивая женщина, а изо рта дым валит. И запах отвратительный.

- Я пробую бросить. А ребята смеются.

- И пусть смеются. Ты, главное, водиться с ними не переставай. Они привыкнут, что ты не куришь, и успокоятся.

Нет, сразу отделаться от табака ему не удалось. И это понятно: дело не в самом курении, а в том, что у нас неформальное общение принято сопровождать всяким допингом. Почему-то человеку мерещится, что без различной отравы он не сможет почувствовать себя раскованным. Но, товарищи родители, если вы хотите подстраховать своего дитя от губительных допингов, сначала избавьте от них себя.

Глава 20. Сколько раз отмерить? Опасности Вавилона

Призвав школу к обновлению, наши министерские чиновники (которых, само собой, с горячностью призывали к обновлению политические деятели) не придумали ничего лучшего, как начать эксперимент с классами для шестилеток. Ну, им что за дело до самих детей – главное, побыстрее

оттарабанить начальству про наступившее светлое будущее. А тут ещё перестроечные газеты с придыханием про модные веяния у соседей толкуют, давайте, мол, подобное счастье у себя устроим. По этому поводу я чуть не схлопотала выговор.

Как в России принято организовывать новации? Спускаются циферки в каждое административное местечко: у вас должно быть столько-то школ, включившихся в благородное дело. Начальство местечковое вздыхает, оглядывает ведомственное пространство, потом считает претендентов на осовременивание. Наше руно не избежало этой участи. На очередном собрании директоров зачитали список «счастливицев», в него попала и моя школа.

- Нет, Марина Алексеевна, у нас нет таких возможностей. И вообще это сомнительный эксперимент.

- Да вы что, Елена Владимировна! Всё уже утверждено.

- Утвердить недолго, а жить-то как? Шестилетний и семилетний ребёнок – совсем не одно и то же. Работать с такими малышами нужно совсем по-другому, это практически старшая группа детского сада. И где я три помещения для нового класса найду? Ему же требуется отдельная спальная, игровая, учебная комната. А у нас здание 1950-х годов постройки. Нет, как хотите, а я в эту авантюру ввязываться не буду.

- А вот родители в вашем районе не против.

- А родители – специалисты в педагогике? Они просто слышали звон. Сегодня престижно на фигурное катание ребятёнка записать, завтра про шестилеток слух пошёл, очень развивает де. Пока детёныш маленький, каждой мамочке мерещится, что он непременно в энциклопедию выйдет, надо только вовремя подсуетиться. На самом деле всё куда сложнее. У медиков, кстати, кто-нибудь поинтересовался, что может получиться?

- Вы как-то мрачно настроены. Учителей отправят на краткосрочные курсы...

- И кто в это время будет учить оставленных ими школьников? Или уже решили лишить подопытных педагогинь летнего отпуска? Вы поймите, я человек не ленивый, если бы предлагалось нечто действительно полезное, артачиться не стала бы.

- То есть вы категорически не согласны участвовать в эксперименте?

- Категорически. Именно.

- Я буду вынуждена объявить вам выговор.

- И что? Пусть будет выговор, это всего лишь трата чернил.

Взбунтовались ещё несколько директоров. Марина Алексеевна, удивлённая и взволнованная, попросила задержаться меня после собрания.

- Я понимаю вас, сама директором была. И всё-таки. Ну, как я вам выговор буду писать? У меня рука не поднимется...

- Так, может, и не надо тогда никакого выговора? Передайте просто на ваш верхний этаж, что нет реальных условий для этой затеи. А с родителями я поговорю, объясню, что с чем как связано.

- Вы же знаете, они там уже всё посчитали! Меня обяжут этот дурацкий план реализовывать.

- Могу только посочувствовать. А выговор – пожалуйста, не растаю.

Пришлось нашей подневольной искать более стоворчивых новаторов из числа школьных директоров. Не знаю уж, как она отчитывалась по придуманной чинодралами статистике, но в последующие годы, когда подросли дети, прошедшие через само безобразие эксперимента, врачи схватились за головы.

С родителями, устремлёнными к бездумной модернизации человеческого материала, в самом деле, состоялся довольно долгий разговор. Кажется, в целом что-то поняли. Но пара-тройка экзальтированных мамаш пригрозили, что уйдут вместе со старшими детьми в другие школы. Правда, потом передумали-таки или попросту гонор сдулся – не знаю уж. :) Короче, люди, помните поговорку «Семь раз отмерь, один отрежь»? В том, что касается ребёнка, отмерить следует гораздо больше раз, чтобы ребёнка этого, чего недоброго, не зарезать.

Я же в пору этих легкомысленных завиральностей была больше озабочена совсем иным. В школе молодые учителя затеяли КВН. Команда педагогов на команду старшеклассников. Вот эту затею я одобрила: после долгих склок, искаживших представления всех друг о друге, требовалось нечто, что раскрыло бы людей заново. Такие мероприятия устраивать очень часто, конечно, невозможно, потому что нужна основательная подготовка – где одно только свободное время учителям выкроить? Но, с другой стороны, если ограничить общение с подростками исключительно уроками, педагогическое дело не слишком выгорит. Это более-менее взрослые люди могут довольствоваться собственно литературой да математикой. Растущему человеку очень важна информация о «дополнительных» умениях преподавателей. Недостаточны

знания об учениках и у учителей, если они видят их лишь во время занятий, да к тому же и в «массовке».

В общем, мы рвались к очеловечиванию общешкольной ситуации. :) Когда пригласили в жюри наиболее заслуженных наших коллег, те поначалу ворчали: и некогда, и получится не то, что надо.

- Елена Владимировна, это же на два часа, как минимум! А у меня контрольная была, три стопки тетрадей. Вот вы с Еленой Вениаминовной (завучем) и жюрируйте на здоровье, – отбрыкивалась Ирина Дмитриевна.

- Мы с Еленой Вениаминовной жюрировать будем обязательно, не сомневайтесь. Но и без вас нельзя. Контрольная бывает нечасто, а КВН – ещё реже. И потом, я всё равно всех учителей сгоню в актовый зал, мероприятие приравнивается к педсовету.

- Что? Мы и обсуждать это потом будем?

- Потом. Очень потом, то есть на следующей неделе. А КВН завтра. Ну, лучше же в жюри побывать, чем просто в зале!

- Вот хитрая вы женщина.

- Угу. А кто меня в директора зазывал? Поимейте теперь удовольствие.

Так и собрали всех. Не знаю, кто из участников волновался больше – дети или учителя, но своей цели мы достигли. Было много разного шума в школе, пока всё придумывалось, пока команды сочиняли своим экзерсизы; разумеется, все издёргались и на сцене, и в зале, пока выясняли, кто кого смекалистей. Но главный хороший шум стоял уже после этого действия. Победили старшеклассники, педагогическая молодёжь всерьёз клялась, что в следующий раз покажет небывалое.

Сколько бы мы ни повторяли, что школа – второй дом для подростка, она таковым не станет без благотворного эмоционального фона, на котором проходит жизнь учителей и учеников. Я не очень верю, что он может возникнуть в очень большой школе: не общающиеся часто люди привыкают к отчуждённости друг от друга. Даже взрослые, если разобраться, не слишком комфортно чувствуют себя в огромных мегаполисах, они невольно приучаются видеть в прохожих не совсем одушевлённых существ. Что же говорить о ребёнке, любознательном, настроенном на необходимость живого контакта? Даже если он не самый говорливый, ему нужна доброжелательная и деятельностная среда.

Ну вот, говорят иные, мы построим большие современные учебные

городки, с просторными рекреациями, с разноцветными рисунками на всех стенах, с игровыми автоматами, велосипедами, гаджетами на прокат. К этим игрушкам и завлекалкам дети привыкают очень быстро. И они становятся неинтересными. Человеку нужен другой человек, это вечная история. Не пробегающий мимо, а узнаваемый. Но нам по-прежнему проще что-то там посчитать, укрупнить, переставить, отрапортовать. В школе, о которой рассказываю, вместе с учителями было человек 800. Я считала, что это много, для нормального процесса нужно бы не больше 500. Теперь мне то и дело приходится читать и слышать о каких-то накрученных детских центрах, собирающих под своим крышам по несколько тысяч учеников. Почему-то психологи не бьют тревогу, а уже пора бы.

Помню время, когда только-только внедрялась кабинетная система для учителей. До этого момента отдельные кабинеты были лишь у физиков и химиков, и то не всегда, потому что существовала одна лаборантская на всех специалистов. Школьные педагоги на всех переменах приходили передохнуть в учительскую. Было, конечно, порой тесновато (впрочем, везде по-разному), но эмоционально это было очень полезно, люди лучше чувствовали друг друга. И дети тоже привыкали к одному своему классу, даже ухаживали за ним. Но человечество всё больше гордится гигантскими числами: в этой корпорации работает столько-то, в этом городе проживает столько-то, в нашей сети зарегистрировалось столько-то, у меня в подчинении столько-то, у меня во владении столько-то автомобилей и столько-то домов. Опять вавилонское столпотворение вокруг псевдовеличия. Можно одновременно находиться во всех автомобилях и домах? Можно задействовать в труде и учёбе душу, если все, кого ты можешь зацепить взглядом, на одно лицо, в одной одежде и в нескончаемом броуновском хаосе? Вавилонство это всегда кончается разрушением...

Нет, я не ратую за возвращение к тому, чего уже не вернёшь. Пусть будут кабинеты у учителей, пусть каждый класс будет приписан к помещению своего руководителя, так тоже что-то получается. Но пока вся школа не разрослась в Вавилон, в котором уже невозможно разглядеть отдельные лица.

Глава 21. Внезапные экзамены. Прощение без мщения, но со смыслом

Иду мимо учительской, слышу громкие возмущённые голоса коллег:

- Да нет нигде, говорю же вам!
- Может, Павел Сергеевич взял и, как всегда, забыл положить в шкаф?
- Спрашивала, он говорит, что не брал... Я всех учителей оббегала, и ничего!

Оказывается, пропал журнал 8 «Б». Уже четыре урока прошли без этой сверхнужной вещицы. Руководительница класса, Светлана Ивановна, чуть не рыдает. А как вы думаете: третья четверть в разгаре, оценок накопилась тьма, восстановить картину ученических успехов – задачка не для самых ленивых. Мне тоже морока – писать объяснительную в руно, добывать новый чистый журнал. В общем, ЧП.

- Это, Елена Владимировна, наверное, Бекетов стащил. У него три «двойки» подряд, – торопится с версией Ирина Дмитриевна.

- Конечно, Бекетов! – подхватывает Светлана Ивановна. – И математика, и физика, и география в сплошных «двойках».

- Безобразие! – вторит Павел Сергеевич. – Распустился этот ваш 8 «Б». Там не только Бекетов, там у вас ещё целая куча разгильдяев.

- У меня? – вскрикивает уязвлённая Светлана Ивановна. – А у вас? Вы что, руки в брюки, да? Не вы историю преподаёте в 8 «Б»?

- Так, други мои, не ссорьтесь. Дело, в общем-то, житейское. Кто-то явно недоволен своими оценками и пытается разрулить проблемы самым

банальнейшим способом.

- Каким?

- Нет журнала – нет «двоек». Давайте спокойно работать пока с записками, а я покумекаю, как действовать дальше.

- Да что тут кумекать? Прижать этого Бекетова, пусть сознаётся.

- И сделать его героем на пустом месте? И почему вы думаете, что это именно он? Да ещё в одиночку? Подобные авантюры обычно проворачиваются сообща.

- Вы, Елена Владимировна, его защищаете, что ли?

- Ну, моя закавыка в том, чтобы всех нас защитить, – смеюсь. – После шестого урока соберёмся на совещание.

Накумекала я следующее. Искать «преступника» – затея глупая. Во-первых, слишком воинственная, во-вторых, слишком поверхностная. И приведёт ли она к тому, чтобы впредь журналы не пропадали? Заполнять новую книжицу так и так придётся, но следует предпринять нечто, чтобы легкомысленные подростки поняли бесперспективность подобных «шалостей». Посему проведём экзамены в этом задиристом 8 «Б». Эдакие репетиционные – в конце учебного года ведь предстоят настоящие (тогда одиннадцатилетку ещё не ввели). В результате выставим четвертные на основании честно заработанных оценок. Все, кто хочет большего, получат возможность доказать своё величие.

- Экзамены? – удивились учителя. – По всем предметам?

- Нет, конечно, это был бы перебор. Предлагаю только четыре: по русскому, математике, иностранному и физике. За первую и вторую четверти оценки восстановим по дневникам, куда же нам теперь деваться.

- Гм, в этом что-то есть... – протянул Павел Сергеевич. – Я бы тоже экзамен зафутболил.

- Не нагнетайте. Они дети ещё, экзаменов никогда не сдавали.

- А как всё это организовать? Билеты пока не обнародованы...

- Зачем вам кем-то составленные билеты? Вы же сами знаете, по каким темам работали.

- То есть мы Бекетова допрашивать не будем?

- Светлана Ивановна, вы здесь учителем оформлены, а не следователем.

Вам бы тогда пришлось побеседовать по душам с каждым из вашего замечательного 8 «Б». Вы к этому готовы?

- Почему с каждым? Девочки не в счёт...

- Вы уверены?

- Слушайте, ребята, – воодушевилась Ирина Дмитриевна, – думаю, это хорошее дело будет. Мне всё равно с ними возиться перед настоящими экзаменами (математика в те годы сдавалась восьмиклассниками письменно и устно). Билеты я нацарапаю, пара пустяков. Если уж нам лишняя работёнка, так и этим деятелям! Но все остальные классы узнают, и журналы пропадать больше не будут.

Объявление о выбранной педколлективом экзекуции в 8 «Б» делала я сама.

- Сначала, уважаемые, я должна вас поблагодарить лично. Мне теперь будет нахлобучка в руно, потому что за классные журналы отвечаю в школе я.

- А почему это директор отвечает? – раздался любопытный, но растерянный девчачий голосок.

- Потому что. Журналы руно выдаёт под расписку, так заведено. Потом они туда же и возвращаются и хранятся в специальных архивах.

- Зачем? – не унимался голосок.

- Затем. Это мы с вами обсуждать не будем. Вы меня наказали? Сделали без вины виноватой? Вот я вас тоже накажу. Но так, чтобы виноватых не было. Через две недели в вашем классе пройдут четыре экзамена. Учителя вам уже завтра продиктуют вопросы, на которые будете отвечать.

- Экзамены?! Нам же в конце года сдавать...

- В конце года будет сдать поэтому проще. И те оценки, которые вы получите на промежуточных экзаменах, будут засчитаны как четвертные.

- И что, если у кого-то были «тройки», а он сдаст на «пятёрки», поставят «пятёрки»?

- Конечно. Всё от вас самих зависит. Не нравятся оценки, которые были в старом журнале, – исправляйте.

- А как же экзамены, если у нас уроки...

- Прямо на уроках это счастье и обретёте. Ну, бывают же у вас

контрольные? Вот это будут такие не совсем обычные контрольные.

- И вы не хотите знать, кто украл журнал?

- Не хочу. Кто бы это ни был, он поступил глупо и несправедливо. Но поскольку он всего лишь хотел, чтобы не было плохих оценок ни у него, ни у одноклассников, я его прощаю. И другие учителя тоже. Однако прощение – это не только слово, его получают после некоторой отработки.

Разумеется, задумка требовала нешуточных усилий, в первую очередь, от учителей. Но они увлеклись: эта была первая и, думаю, единственная в их педагогической практике возможность самостоятельно провести экзамен. То есть сначала продумать все детали: отобрать темы для опроса, не переусердствовать с их количеством, скомпоновать равновесные по содержанию билеты, повторить на уроках трудные моменты... Потом выкинуть из сознания всякие кровожадные желания в отношении учеников, не скатиться до подлой мстительности... Мне с завучем Еленой Вениаминовной тоже работёнка выпала дополнительная: я вошла в экзаменационные комиссии по русскому и немецкому, она – по математике и английскому. На физику мы не пошли, потому что восьмиклассники трепетали перед ней более всего, туда отправилась «родная» математичка Ирина Дмитриевна. Светлана Ивановна на правах классной руководительницы опекала непослушанцев на всех экзаменах.

В итоге и новый журнал мы заполнили без скрипа, и оценки прочувствовали не просто как чернильные зарисовки, и подготовились к предстоящим летом экзаменам. Дети тоже обнаружили, что ничего сверхстрессового в таких учебных мероприятиях нет, но журналы лучше не трогать. :) Вы спросите, как я отважилась на неслыханное самоуправство? Ну, мне это сделать было проще, чем другим директорам из-за того, что в руно меня ценили. Факт, не отрицаю. Новый журнал выдали без проволочек и даже порасспрашивали о подробностях «эксперимента». 1980-е были недолгим периодом, когда педагоги могли ощущать себя вольно. Вы опять спросите: а не привело ли это к разброду и шатанию? Нет, не привело. Разброд и шатание всегда в головах у тех, кто отличаются самонадеянной мыслью о возможности проконтролировать всех и вся. Когда учитель понимает, что он проверяет реальные знания своих учеников, а не угадывает, чего именно хотят от него амбициозные начальники-формалисты, он сосредоточивается на самом важном. Тогда можно наблюдать действующую педагогику, а не присутствовать на очередном спектакле а ля урок, а ля экзамен, а ля педсовет. Почему мы решили, что без написанных чинодралами педагогических пьес учитель непременно всё сделает ужасно? Почему его всё время одёргивают, требуют каких-то отвлекающих от настоящего дела отчётов? Чтобы у него самого

появился соблазн выступить в роли следователя, а не учителя перед детьми?

Восьмиклассники, кстати, очень переживали, что подвели меня. Однажды утром войдя в свой кабинет, я обнаружила две странные бумажки – их подсунули под дверь. Первой был обгоревший кусочек журнальной страницы. Второй – записка «Простите нас окончательно, но мы его сожгли ещё до экзаменов». Буквы вырезаны чёрт знает откуда, наклеены. В общем, в лучших детективных традициях. :)

Глава 22. Слова живые и мёртвые. Культура чтения

Каждая школа живёт в довольно бодром ритме. Это вам не офис, где размеренные будни порой нужно разбавлять искусственными всплесками событийности. Дети – существа шустрые, у них всё время что-то происходит, и всякий раз это нечто нетривиальное. Ну вот, пожалуйста: 9 «А» третий раз сорвал урок начинающего словесника.

Парень, выпускник филфака МГУ, пришёл к нам с искренним желанием просветить племя молодое. Обожает Достоевского, зачитал все его романы до дыр. Но племя оказалось не только молодым, но, как положено, и незнакомым – внимать речам про русский гений не желает и их произносителя всерьёз не воспринимает. А что: вчерашний пацан, и бормочет нам нечто! Понять ничего нельзя, кудахчет про какие-то душевные муки и прекрасные отзывы современников. Что нам до этих современников и почему, собственно, Достоевский – гений? :) Новоиспечённый педагог на учеников разобиделся, накричал отчаянно, потом остановил благодарный взгляд на одном из «интересующихся» и ограничился на диалоге с этим правильным юношей. Класс – а это, напомним, всё отпрыски технической интеллигенции, – тоже разобиделся и не нашёл ничего более действенного, чем откровенное бойкотирование просвещенческих потуг.

Идти в качестве моральной поддержки на занятия – бесполезно. Ну, для вежливости при мне посидят прилежно, а без меня что будет? Решила для начала поговорить с самим учителем, тем более что мы один предмет ведём.

- Как вы думаете, почему они срывают уроки?

- Потому что бестолочи.

- Целый класс бестолочей?

- Нет. Петя слушает. И читает. Мне с ним приятно. Он литературу любит, видно, что много читает. Остальным до фонаря – и пусть.

- А я вот думаю, что вы не правы. Только не сердитесь, я так говорю не для того, чтобы авторитетом задавить. Понимаете, вы не к студентам филфака пришли, которые уже более-менее осознанный выбор сделали. Это подростки. Они сначала должны почувствовать, что от общения с вами для них есть какой-то толк. Или, по крайней мере, проникнуться к вам лично уважением и потому не мешать вам любить то, что их не трогает.

- Вот ещё! Я в няньки не нанимался!

- Никто вам нянькину участь и не предлагает. Но не будут они слушать ваши монологи про чьё-то величие, пока не убедятся, что вам можно верить. И, кроме того, нельзя со школьниками говорить на птичьем наукообразном языке.

- Литература – серьёзное дело. Клоуном я тоже не буду.

- И про это говорить не стОит. Учитель – не нянька, не клоун, не артист. И не литературный критик, не литературовед. Разумеется, не станут все эти 32 ваши слушателя глубокими читателями, но сконцентрироваться только на одном из них...

- И пусть! Они обязаны меня слушать!

- Они ещё толком ничего не обязаны. Пока несовершеннолетние. Все многозначительные ваши речи – только мёртвые слова для них. Сознать себя обязанными мы их учим, и далеко не всегда успешно. Ну, вот давайте поподробнее посмотрим план вашего последнего урока.

- У меня нет плана.

- Хорошо, плана в письменной форме нет. За это вам любой методист надавал бы по шапке. Но какое-то предварительное представление о том, что именно вы будете делать, сколько на это потребуется времени, чего вы хотите добиться, у вас есть?

- Я хотел рассказать о подготовке Раскольникова к убийству.

- А зачем рассказывать, ведь есть текст романа? Впрочем, рассказать тоже можно, но только если они уже готовы вас услышать. И прикиньте, может ли 15-летний мальчишка 45 минут просто слушать рассказ про какого-то неизвестному ему Раскольникова?

- Вы хотите сказать, что я всё делаю неправильно?

- Увы, пока да, неправильно. Любить литературу, знать историю её развития, читать критические статьи – хорошо, но этого для школьного учителя словесности мало. Понимаете, вы как бы сели в автомобиль, не завели двигатель, но раздражаетесь, что никуда не едете. Приходите ко мне на урок, есть вещи, которые лучше посмотреть на практике, чем разбирать теоретически. Может, вам что-нибудь пригодится тоже.

- Конечно, вас слушают, вы директор! И вы старше.

- А я разве им родилась? Я им стала. Кстати, старше я вас всего на шесть лет. Я, конечно, ни на чём не настаиваю, хотя если вы действительно желаете связать свою жизнь со школой, советовала бы не замыкаться в себе, а спокойно проанализировать происходящее.

Парень обиделся, приглашение проигнорировал и продолжил приятное общение с Петей. На следующий день в мой кабинет ворвалась Галя из непокорного 9 «А».

- Извините, Елена Владимировна. Я знаю, вы заняты. Но надо поговорить. Можно?

- Можно. Тем более, что ты уже здесь.

- Уберите от нас этого студента.

- Он не студент. Он просто выглядит немного моложе своих лет, так бывает. Вам его возраст не подходит?

- Нет. Он сам нам не подходит. Он нас ненавидит.

- Из чего такие грозные выводы сделаны?

- Вы знаете, как он на нас кричал? И как обзывал? А ещё литературу преподаёт! Он думает, мы Достоевского не читали? Читали, может, и не все, но читали.

- Успокойся, Галя. Не нравятся мне эти ваши распри. Знаешь, когда я только начинала работать в школе, у меня тоже очень многое выходило сикось-

накось. Вы же неглупые ребята, зачем завелись? Хорошо, я приду к вам на следующий урок.

Визит, разумеется, проблему не устранил. Что я услышала? Пересказ с упоением – по поводу себя, эрудированного, – части сюжета «Преступления и наказания». И монотонный список цитат из признанных критических источников. То есть голодающим предлагалась совсем не пища, а только посуда, в которой могла бы быть пища.

Трудно было объясняться с молодым филологом после занятий, но не сделать это было невозможно. Человек претендовал не на своё место, он перепутал одно дело с другим. Школа не работает на те же цели, что и вуз. Разумеется, она помогает определиться в своих профильных предпочтениях молодым людям, однако для того чтобы предпочтения возникли, сначала она создаёт общеобразовательный фундамент. Если кто-то думает, что он успешно строится только в начальных и средних классах, но не в старших – он заблуждается. Так природа захотела. Вы можете вспомнить многих людей, которые к окончанию школы знали, кем они будут по профессии? Единицы таких. И не потому, что учебные заведения плохо образуют, а потому, что у природы своя программа. Это раньше так было, восклицают некоторые, теперь же у общества другие вызовы, люди быстрее социализируются. Очень наивный взгляд на реальность, ведь ребёночка по-прежнему вынашивают не меньше девяти месяцев. Ну, опять же, если природе не мешать. :)

Часто приходится слышать сетования на то, что после школы не хочется касаться классических книг. А если случайно это и произойдёт, люди удивляются: оказывается, книги эти интересны, вовсе не пронафталинены, никаких безжизненных сентенций не содержат. И тогда раздаётся крик: учителя глупые, давайте отдадим детей правильным вузовским профессорам. Могу сказать по своему опыту, что не было ни одного случая, когда бы эти замечательные специалисты принесли пользу, залезая не в свои сани. Пусть спокойно занимаются наукой, пополняют списки цитат, защищают диссертации. Но в школу им не надо, сами намучаются и другим лишние хлопоты обеспечат.

Есть и иная штука: собственно педагогические вузы мало времени уделяют особенностям именно школьного возраста. Нет, возрастная физиология как-то присутствует (во всяком случае, в мою студенческую пору присутствовала), но никто не рассказывает, не объясняет, как знакомить с Пушкиным невзрослых людей. Литература – не только искусство, она ещё и информация о духовной жизни очень разных человеков. Почему-то у нас вообще принято считать, что любой материал может быть усвоен учеником

независимо от того, школьник он или студент. Хотя разве, уважаемые читатели, вы не сталкивались с тем, что в 14 лет воспринимали «Евгения Онегина» так, а в 40 – эдак? Это же совершенно естественно. Почему мы решили, что нет разницы между 14 и 20 годами? От учителя требуется не изложение всего-всего, что накопила культура. Он должен лишь максимально точно выбрать то, что работает здесь и сейчас. В отношении литературы это важно ещё и потому, что «холостые обороты» наставника приводят к тому, что у молодого человека возникает отвращение к чтению как таковому.

Между тем, литература – предмет очень удобный для толкового преподавателя. Не прочёл пока кто-то стихи Есенина? Зато Маяковского прочёл. Не по душе «Капитанская дочка»? Зато «Дубровский» эту душу тронул. То есть ученика можно «включить» на любой теме. Нет, конечно, должен быть некий перечень имён и произведений, о которых все как бы договорились, но он не может быть слишком громоздким. Это во-первых, а во-вторых, и из него следует при необходимости что-то выбрасывать, а что-то в него дополнительно вносить. Разумеется, при обязательном условии, что сам учитель осведомлён обо всём списке и даже более чем. :) Не знаю, как другие, но я помню те доперестроечные времена, когда учителя на свой страх и риск включали в программы Серебряный век, Платонова, Булгакова. Плохо ли это было? Если учитель – человек культурный, он сам определит, когда чьё время пришло. Ведь не собственно в именах дело, а в том, чтобы это была хорошая, качественная литература.

Не ищите в моих словах противоречия. Да, с одной стороны, нельзя навязывать ученику то, что ему ещё не подходит, для чего он ещё не созрел. А с другой, классическая литература годится на любой рост. Но говорить о ней с учениками разного роста следует тоже по-разному. Обязательна только живость общения.

Филолог школу покинул. Не сразу – некоторое время я дала нам обоим на раздумья. И пришлось взять этот 9 «А» самой. Вполне обучаемые ребята меня встретили. Долго размышляла о неприятной истории: может, нужно было побороться за юное дарование? Но как бороться за того, кто видит не то, что есть на самом деле?

Глава 23. Дорогое легкомыслие. Подсказка на всю жизнь

«Последний звонок» в школе, где училась авторша. 1975 год. Вторая справа в первом ряду – она, для тех, кто интересуется. :)

Интересные задачки частенько своими поступками задают не только дети. Из университета повышения квалификации пришла депеша: Павел Сергеевич не появился ни на одном занятии за месяц. А мы тут суетились, замены организовывали: курсы-то с отрывом от производства, что называется. Это, между прочим, не так легко, «запасных» преподавателей в школах нет.

- Прогулял целый месяц! Его нужно уволить, чтоб знал, почём что! – возбуждённо сплетничают училки. И радостно готовятся к приходу коллеги, который ещё не знает о нависшей над ним опасности.

Подобная радость меня в людях всегда удивляла. Взрослые вроде уже, а всё требуют нервных зрелищ про чужие грехи. Но и историк хорош: мужчине к сорока годам, а он дуриком бегаёт.

- Павел Сергеевич, вам не пришло в голову, что на этих курсах людей отмечают? Не знаю, почему тамошние администраторы сразу же не забили тревогу, а выжидали столько времени. Однако вы-то чем думали?

- Да неинтересны мне эти курсы...

- Так и отказались бы. Вы же, когда пришёл запрос из руно, с большим удовольствием подтвердили, что они вам нужны.

- Ну, понимаете, у меня были личные обстоятельства...

- А у кого их нет? Вы в течение месяца не работали, устроили себе отпуск. И какие такие обстоятельства?

- У меня сестра разводится...

- А вы тут с какой стороны? – по выражению лица вижу, что байка придумана на ходу. Пытается разжалобить руководителя-женщину. :)

- Слушайте, вы не школьник уже. А ведёте себя вроде пацана, который наврал матушке про сделанные уроки, чтобы сбежать во двор к приятелям. Ну, это ваше дело, конечно. Будьте легкомысленны сколько угодно, но только не там, где это может повредить другим.

- Кому же я помешал?

- Мне, например. У нас что, каждый может заняться историей, пока вы отсутствуете? Коллега ваш по предмету загружен, сами знаете, на полную катушку. Я еле-еле нашла человека со стороны на это время. Дамы наши тут криком кричат, что вас надо гнать вообще с работы.

- За что?

- Опять двадцать пять. В школе вас за месяц никто не видел, на курсах тоже. Вы работали это время или как?

- Ну, я не могу сказать, где я был...

- Да меня это совершенно не интересует. Оставайтесь при своих пухлых личных обстоятельствах. Однако мне придётся к ним добавить ещё одно: вы за этот месяц не получите зарплату.

Бледнеет, руки дёргаются:

- У меня же семья...

- Да, у вас семья. Займёте пока у друзей, заодно поплачетесь по поводу моей стервозности. К отпуску я вам эти деньги верну, лишние финансовые неприятности мне тоже ни к чему. До того они будут у меня. Если бы телефонограмму с курсов принимала лично я, никто в школе не узнал бы про ваши подвиги. Мы ограничились бы только этим нежелательным – а он для меня очень нежелателен, поверьте, – разговором и удержанием зарплаты. Но дамы наши, как и везде, посудачить любят, потому готовьтесь и к их

торжественному приёму.

Через часа три пришёл важный Анатолий Владимирович.

- Ага, значит, вы его не уволили. А что вы решили?

- Вас это касается? Что решили, то и решили. Или, как и прочим кумушкам, вам очень хочется быть свидетелем кары небесной?

- Нет, – оторопел.

Помолчал несколько минут и протянул:

- Теперь я вашу тактику понял. Вы, значит, перед людьми не позорите, но тут, у себя...

- Замечательно, что вы такой понятливый. Я могу быть от вас свободной?

- Понял, понял... – удалился.

А заменяла в этот злополучный месяц нашего незадачливого вертихвоста Евдокия Алексеевна Верная. Старожилы школы рассказали мне, что она живёт неподалёку, когда-то работала здесь историком. Позвонила ей и получила опять порцию удивления.

- Елена Владимировна! Да конечно, я приду в школу. Но знаете, я так давно не вела уроки, боюсь, не получится, – пожилая женщина расчувствовалась не на шутку. – Вы не боитесь мне это доверить?

- Почему же нет? Разумеется. Нам учитель всего на месяц требуется, часов не так много...

Тогда я ещё не знала, что Евдокия Алексеевна – родственница Андрея Дмитриевича Сахарова. Её сын женился на его дочери от первого брака. И волновалась она не столько из-за перерыва в преподавании, сколько из-за «связи с непростым человеком». Сама она отзывалась о нём исключительно доброжелательно, если не сказать – восхищённо.

- Вы знаете, все твердят, что он отец водородной бомбы. Мол, умный и прогрессивный человек не должен был в этом участвовать. И что? Вы его тоже осуждаете?

- Я не могу о нём говорить, Евдокия Алексеевна. Мы не знакомы, работ его я не читала, а если б и читала, то многого не поняла бы. Общественная его деятельность... Мне это не близко, но если он честен в своих надеждах на общие гуманистические ценности, то я его уважаю.

- Он не скрывает, что делал эту бомбу!

- Зачем же скрывать? Я считаю преступниками не тех, кто что-то открывает в науке, а тех, кто использует эти открытия против человечества. К сожалению, учёные не всегда защищены от преступников, они даже ими эксплуатируются. А бомба эта... Не было бы её у нас, она всё равно появилась бы в другом месте. И появилась же.

- А всеобщее разоружение?

- Это мечта. Потому что оружие – большой соблазн. Вы встречали людей, умеющих не подчиниться соблазну?

- Очень мало.

- Вам повезло: я вовсе таких не видела.

Мы поддерживали отношения уже и после нашего вынужденного трудового сотрудничества, они переросли в очень стойкую дружбу. Вообще должна сказать, что никогда не подбирала себе друзей исключительно по возрасту – мировоззренческие моменты играли куда более серьёзную роль.

Кстати, о поколениях. Школа ещё и потому удивительное и полезное место, что учит не конфликтовать по возрастному признаку. Ну, если это хорошая школа, с людьми, а не формалистами. :) Она помогает установить цивилизованный диалог старших и младших. Первые не заискивают перед вторыми, но никогда их не унижают. Вторые не замыкаются исключительно в своём кругу и внимательны к чужому опыту. Это не означает, что все друг другу понятны, окончательно и бесповоротно приятны, но ни одна из сторон не относится к возрасту другой как к преступлению. Вот если вы хотите найти критерий, по которому можно оценить школу, – это один из них.

Выпускники на своём последнем вечере вручали нам – всем педагогам, включая тех, кто с ними конкретно не работал, – шуточные картонные медали. Мне досталась кругляшка с надписью «За прекращение школьных междоусобиц». И каждому учителю эти ребята сообразили написать нечто отдельное и заслуженное. Не знаю, кто автор идеи, но я её позаимствовала: решила, что на последнем уроке литературы в выпускных классах тоже буду раздавать небольшие поощрялки – не медали, а личные записочки с пожеланиями успехов в будущем. И всю оставшуюся свою педагогическую жизнь так и поступала. Правда, уже не в этой школе. Почему? Не торопитесь – в следующей главе расскажу, это песня непростая. Только не пугайтесь: тут обошлось без интриг и прочих сопутствующих сюрпризов. :)

А пока на закуску вот о какой подробности. Выпускной вечер обычно бросают на атлетические плечи классного руководителя. Он (а на практике чаще – она) носится и с капустником, и с приглашениями, и с деньгами на подарки. И со всякими дополнениями самого вечера, вытекающими из традиций нашего общества. О чём это я? Да об алкоголе. Точнее о последствиях его неумеренного употребления перед радостными лицами одноклассников и одноклассниц в каких-нибудь укромных и не очень местах. Нет, рассказывать о вреде этого упоительного занятия накануне вечера – глупость. Ну, что может одна учительница противопоставить укоренившейся в массах привычке? Но ведь эти молодые петухи и курицы рискуют получить не только памятное на всю жизнь приключение. Бывали в школах случаи, что и «скорые» вызывались, и взятки платились милиционерам (извините, ребята, не знаю, как вас лучше называть в связи со всеми реалиями нашей общей неказистой жизни), дабы не портить биографии начинающим «злоумышленникам».

Я побывала на родительском собрании в 10 классе накануне. Попросила, чтобы пригласили как можно больше пап, ибо они на подобные мероприятия ходить нужным не считают. Посетили наше благородное заведение, естественно, не многие из них, но всё же.

- Вы когда-нибудь школу после выпускного вечера видели? Не в шарах и ленточках – в блевотине?

- Ну, Елена Владимировна, вы – и о таких вещах...

- Вот. Уже уловили, спасибо. Но я здесь не единственная женщина, как вы понимаете. Вы хотите, чтобы мы были красивыми, весёлыми, добродушными, остроумными?

- Да, но какое это имеет отношение...

- Самое прямое, прямее не бывает. Не должна женщина разгребать это дерьмецо. Я прошу вас подежурить на вечере вместе с нами. Заодно оказать помощь вашим сыновьям, если потребуется. Дочерями займёмся при необходимости мы, женщины. Потому что и мужчины не должны разгребать такое непотребство. И вообще: свои нечистоты каждый убирает сам.

- Целую ночь дежурить?!

- Можно нарисовать график, чтобы было всем удобно. Но к рассвету мужчин нужно много. Определитесь как-нибудь.

- Вы думаете, они все переберут?

- Разумеется. Вы свой вечер помните? И себя на нём и после?

Больше вопросов не последовало.

Глава 24. Счастье без жертв. Уход болезненный, но верный

Школа забирает много сил. Даже если ты просто преподаёшь в уже отлаженном, чётком ритме. За год работы директором я прожила отдельную жизнь, чуть не каждый день требовавшую быстрых и точных решений, влияющих не только на моё бытие, но и на успехи окружающих. Но не это меня напрягало – я чувствовала нарастающее внутреннее раздражение из-за невозможности заняться своей писаниной. И поняла: если буду наступать на горло собственной песне и дальше, произойдёт нечто ужасное.

Когда я объявила Елене Вениаминовне – для меня, разумеется, просто Лене, поскольку мы уже давно дружили, ещё с первой моей столичной образовательной конторы, – о том, что с нового учебного года буду трудиться учителем в одной соседней школ, она не то чтобы удивилась, она просто онемела.

- Ладно, ты перевари пока мои словеса. После уроков приходи, я объясню.
- Ты шутишь? Я не понимаю...
- Не шучу. Да, я уйду.

После уроков она появилась уже более спокойная.

- Как это – уходишь? Построила весь этот замечательный дом и оставляешь?

- Ты же сама говоришь: построила. Этот замечательный дом уже может пребывать в радости и без меня. А мне-то самой радость какая полагается или нет?

- Разве тебе здесь плохо?..

- Мне неплохо. Но я живу, как бы тебе это объяснить... Есть вещи, которые лично для меня важнее директорства, и даже педагогики. Более того, директорство мешает мне. Я уже накалена, если ничего не изменю, вам же всем будет лихо.

- Это почему ещё?

- Потому что я буду разрываться между тем, что хочу, и тем, что не очень хочу. Не дай Бог, срываться на вас же и начну. Лена, я талантлива, кто-кто другой может не понимать, но ты это знаешь.

- Конечно! Ты очень талантлива, просто во всём, это так здорово!

- Да не здорово. У меня одна жизнь, я не могу основной акцент делать на второстепенные вещи.

- Но ты же не из тех учителей, которые должны хоть где-то работать, ты и учитель замечательный...

- Послушай, математик, вот если бы у тебя было три задачи, про которые было бы известно, что решение каждой должно занять полсуток, но сутки у тебя были бы только одни – ты бы стала упорно решать все три или всё-таки остановилась на двух?

- Лена, я сейчас заплачу, я тебя не понимаю. Какие задачи, какие сутки? У нас же тут без тебя всё перевернётся!

- То есть я должна принести себя в жертву вашему состоявшемуся комфорту?

- Почему в жертву?

- Потому что ты мне говоришь: не дам тебе заниматься любимым делом, раз ты лучший директор, которого я могу себе вообразить.

- Но ты действительно лучший директор, которого я могу себе вообразить.

- А если писатель я ещё лучший? Или, по крайней мере, не худший?

- Ну, совмещать же можно...

- Нельзя.

- Может, ты передумашь?

- Пока я думала и передумывала, я молчала.

- А почему в другую школу? Можно остаться здесь...

- И это нельзя. Другой директор должен чувствовать себя свободно.

Лена ушла тревожная. Вечером позвонил её муж, Женя.

- Ну, ты что?! Это невысказимо просто. Да я не верю!

- Придётся поверить. Ты мне враг или друг?

- Друг, разумеется. Подожди, может, случилось что нештатное?

- Ничего не случилось. Ребята, перестаньте морочить себе головы. Я когда-нибудь вас подводила? Вот и вы меня не подводите. Что вы так раскричались-то? Есть Наташа, она другой человек, но весьма не бестолковый, войдёт в курс дела. А я свои дела на этом месте закончила. И ты же знаешь: я никогда не делаю за людей то, что они могут сделать сами. Год назад ситуация была другой, я понимала, что именно я могу выполнить то, что требуется. Теперь удаляюсь. Всё, Женя, отбой.

Мы были уже накануне летнего отпуска: раньше объясняться с коллегами было бы невозможно, весь рабочий процесс полетел бы к шуту гороховому. За несколько предотпускных дней пришлось всё же выдержать напор ходяков, надеющихся на иной исход событий. Про всех рассказывать не стану. Наиболее запомнился визит трудовика, Юрия Петровича. Он очень долго и внимательно смотрел на меня, усевшись напротив, но ничего не говорил. В конце концов я не выдержала этой паузы, которой позавидовать могли бы даже отпетые мхатовцы.

- И зачем вы меня сверлите своими жгучими очами? Запоминаете?

- Именно. Вы такой странный человек. Карьера, деньги, почёт! И бросаете всё.

- Почему бросаю? Оставляю другим людям. Не странным.

- Елена Владимировна, я пять директоров видел. Вы – директор блистательный.

- Блистательный? Ну, спасибо. Странный человек и блистательный директор захотел более счастливой жизни. Переживите уж как-нибудь.

- Да я серьёзно. И ещё я понял: женщина-руководитель – очень хорошо. Не унижает, людей чувствует.

- До меня на этом месте тоже женщина была. И вообще в школах, как вам известно, женское засилье.

- Ну, она была...

- Она была много старше меня, выглядела иначе. Не смущайтесь: вы, как все мужчины, к женщинам относите только тех, кто соответствует вашему представлению о том, как они должны выглядеть на волнах вашего настроения.

- Вот, и с юмором у вас порядок.

- Все экзамены сдала? Горжусь собой. Юрий Петрович, мне комплименты мозги никогда не туманили. Если вы меня уважаете, примите моё решение разумно. Мне с вами тоже трудилось хорошо. Могу даже сказать, что с мужчинами в некоторых рабочих моментах гораздо удобнее.

- Да, правда? А скажите напоследок, в каких?

- Ну, знаете, есть такое народное заключение: мужчина – собака, женщина – кошка. Собака хорошо служит, она ищет того, кому можно честно служить. И когда находит, признаёт, что годится в хозяева такой субъект – цены ей нет. Мужчине не надо слишком долго размазывать про всякие детали, ему поручил – он сделал. Женщина... Женщина требует большего времени на то, чтобы поверить руководителю, особенно руководительнице. Правда, если уж поверит – сделает не только то, что просишь, но гораздо больше.

- Да, интересно с вами. Ладно, пошёл. А так хорошо звучало: Елена Владимировна, директор...

- Елена Владимировна – всегда и будет хорошо звучать. А что там после запятой – возможны варианты, как говорится.

- Жаль мне очень, вот что.

...А мне вот и сейчас не жаль. Хотя, конечно, безболезненно мой уход не прошёл, и сама я долго не могла обрести желанный покой. Но категорически запретила себе вмешиваться в происходящее на прошлом месте работы. Ребята начали ссориться, драться за пальму первенства, как это бывает. Наташе предьявляли, что вот «она – не Елена Владимировна, не Лена», та стала дёргаться, вместо того чтобы перетерпеть неизбежный муторный первый этап привыкания... Хотя хорошим руководителем она могла стать, подтверждаю это и теперь. Не случилось, увы.

Глава 25. Отвлечённые ответы на конкретные запросы. Графики отношений

Школа, в которую я перешла, была тоже на бывшем моём инспекторском участке. За год до того директорство в ней приняла З.Ф., с которой мы пересекались довольно часто, к тому же продолжительное время жили по соседству. Она была человеком, который, что называется, сам себя сделал. Из простой деревенской семьи – хотя, что значит, простой? со своей заковыристой судьбой, как и миллионы других, – окончив педагогический институт, вышла замуж за какого-то столичного художника. Прожила с ним недолго, но успела родить сына. Причина расставания для российской женщины пребанальнейшая – муженёк больше общался с Бахусом, чем с ней. Литературные наши пристрастия (тоже словесница) были различны и методики педагогические мы практиковали разные, но наша дружба лишней раз подтверждала, что отношения человеческие держатся на умении оценить лучшее, что есть в каждом, не заикливаться на социальных атрибутах и привычках.

З.Ф. зазывала меня завучем, я категорически такой вариант отвергла: договорились лишь о двух классах, 4-м и 9-м, даже без классного руководства. Поворчав, она согласилась. Ну, в самом деле, мне так хотелось не заморачиваться разными административными излишествами. :)

Столь странного впечатления от первого урока, который я провела в доставшемся мне 9 классе, у меня в памяти не сохранилось ни от какого другого. Эта была небольшая лекция о том, что есть литература: почему она искусство и даже больше, чем искусство, как соотносятся искусство и наука, что даёт человеку чтение, какое место в мировой культуре занимает русская книга и т.д. Прозвенел звонок, я, как обычно, произнесла последнюю фразу: «Всем спасибо, до свидания», – а они сидят, эти ребятки, и ни с места. Я даже испугалась: может, думаю, на мне что не так. :) Повторила «спасибо» своё, они начали шевелиться, собираться. Вышли один за одним какие-то тихие и для меня загадочные. Уже через полгода примерно после «происшествия» девчонки рассказывали:

- Вы как из другого мира были, Елена Владимировна. Нам в 8 классе, когда «Евгения Онегина» проходили, впаривали про какие-то графики

отношений главных героев.

- Графики отношений? А что это такое вообще?

- Да кто ж их знает! Потом задали выучить наизусть письмо Татьяны – и всё.

Должна сказать, что ещё в прежних моих школах ученики на выпуске в числе необходимых, но отсутствующих предметов часто называли философию (я проводила соответствующие опросы). Когда иные современные умники говорят, что молодёжи совершенно неинтересны всякие отвлечённости, они не то что не правы, а даже вредоносно не правы. Если разговаривать о сложных вещах не запутанно-витиевато, а ясно, логично, доказательно, эффект будет немедленный. Ведь видите, я пришла к совершенно незнакомым мне подросткам, в не самую интеллектуальную среду, рассказала о вещах, о которых ранее они нисколько не задумывались – слушали, словно загипнотизированные. Нет, собственно предмет «философия» в школах, конечно, вводить не следует – у нас и так избыток суеты по поводу того, что «ещё полезно добавить». Но увлекаться перечислением разрозненных фрагментов из той ли иной области знаний в старших классах без предварительного описания системных моментов тоже неверно. Само наше сознание требует этой системности, без неё оно закисает.

Примечательный урок сыграл со мной штуку неожиданную: воодушевлённые девятиклассники побежали к директорисе, чтобы та назначила-таки понравившуюся училку классной. Честная З.Ф. сообщила, что упрямая Елена Владимировна пришла в школу с определённым условием и её начальственное величество тут бессильно. Целый месяц чада бродили за мной и канючили:

- Ну, пожалуйста. Мы всё равно без классной. Придёт какая-нибудь мымра, или нам дадут пьяницу-физкультурника.

- Какая мымра, с чего вы взяли?

- Там ещё вакансия есть географички. З.Ф. говорит, что как только человека найдёт, сразу к нам отправит, а если не найдёт, то физкультурника, больше некого.

Школа мне попалась опять с изюминкой. :) Трудная школа. Когда-то очень славилась в микрорайоне, заселённом отставными генералами. Потом построили новые дома, дали квартиры людям «попроще». И что ж, обычная история: зачем нам этот плебс, что через губу плюёт?! Плебс, естественно, стал огрызаться, генеральских отпрысков мутузить. Через некоторое время вроде

друг к другу притёрлись, однако сообща порешили, что школа у них теперь непрестижная, а значит, вести себя в ней следует тоже непрестижно.

З.Ф. на первой же неделе своей работы схлопотала выговор. Семиклассницы устроили разборку в женском туалете: раздели одну из подружек, поколотив при этом отменно, разорвали всё её бельё, торжественно выбросили ошмётки в мужской туалет, куда впихнули и жертву (вовсе не безобидного цыплёночка, до того неоднократно развлекавшегося подобным же образом). К счастью, новоприбывшую встретил только один пацан. Ему было почему-то не до девчонок, он отдал потерпевшей свою физкультурную форму и даже довёл до дома. А мамаша довела ситуацию до участкового. Тогда ещё работали детские комнаты милиции. Всех участниц потасовки должно было поставить на учёт. Мамаша кричала, что у неё золотая дочь, в ответ от других родительниц слышала, что у всех такие же. Участковый долго беседовал с юными дамами поодиночке, потом постановил перевести пострадавшую последней в другую школу, если заявительница не хочет крупных неприятностей. Коли девица будет примерной, то на учёт он её не поставит, а не опомнится – увы. З.Ф. его поддержала. Мамаша ещё покричала, но всё же угомонилась. Правда, через пару дней заглянула и в руно. Выговор начинающий директор приняла спокойно, но задумалась о том, что делать со сложившимися в доставшемся заведении нравами.

Больше таких ужасов за год не случилось, появление участкового возымело своё действие, хотя общая атмосфера окончательно благостной не стала. Почувствовала я, конечно, это быстро. Учителя ходили какие-то потухшие. Наиболее активной и жизнерадостной была англичанка Наталья Н. Она выдумывала сценарии для капустников в своём классе, таскала ребят на экскурсии, объединилась даже с учительницей музыки, чтобы та помогла с «импортными» песнями. Очень задорные были учительницы и в началке, причём независимо от возраста. Особенно помню Зою Александровну (ту самую, которой вернула партбилет). Она так прикипела к этой школе, что ездила через всю Москву, ежедневные три часа на дорогу в оба конца её не смущали. И очень верила, что всё обязательно образуется, школа опять будет признана достойной.

Классное руководство я взяла. Вакансию закрыть не удалось, часы раздали «старожилам», а физкультурником самим бы кто поруководил, зачем такое чудо детям. Через год, кажется, он из школы сам удалился. 9 класс возгордился и присвоил себе звание самого передового. Хлопот у меня с ним, в общем-то, особых не было, в него всё-таки попали обучаемые персонажи из двух предшествующих 8-х.

Озадачила меня завуч, С.Н. Вот та самая словесница, которая что-то толковала про графики отношений в «Евгении Онегине». Она тоже была из «старожилов», чувствовала себя сверхвольтно. Целый сентябрь не баловала учителей расписанием, ссылалась на то, что сделать его очень трудно. Задача, действительно, не из лёгких, это своеобразное sudoku, только не с девятью циферками. Нужно ведь всех расписать так, чтобы уроки в восемнадцати классах по шесть часов ежедневно (тогда ещё повсеместно на пятидневку не перешли) не совпали, да ещё при этом учесть распределение педагогической нагрузки. Но мучить неизвестностью и мешающим беспорядком в течение месяца!

Приглядевшись к С.Н., я поняла, что расписание для неё – удобный инструмент влияния. Всяким энтузиасткам типа Наталии Н. она устраивала нежеланные окна, а безымянным послушницам, напротив, комфорт. То же и с учебными кабинетами: англичанка пусть побеждает по всем этажам, а милые подружки посидят на одном месте, заслужили. Но самое странное, и как оказалось, страшное С.Н. практиковала в общении с детьми. Она приваживала одних и натравливала на других. Причём к первым относилась «неблагополучных» (безотцовщина, двоечники, драчуны), ко вторым – тех, кого потом стали называть «ботаниками», и прочих «чистеньких». Нет, специально мне про эту печаль никто не рассказывал, я уловила её благодаря предыдущему своему опыту.

Меня она в штывки не встретила. Само собой, по школе ещё до моего появления прокатилось: «Подруга директора, сама бывший директор такой-то школы!» З.Ф., надо отдать ей должное, объяснила всем любопытствующим, что я не только учитель, мне нужна небольшая педагогическая нагрузка, кроме того, заведение новое, в пяти минутах ходьбы от метро – посему сюда и устремилась. В 9 классе оказалось несколько учительских детей, они не замедлили рассказать про подвиги нового преподавателя. :) С.Н. со мной осторожничала, через какое-то время я стала даже замечать «знаки ухаживания за персоной особого значения». Ну, все эти лишние сю-сю, слабо прикрытые не самыми чистыми помыслами, нужного результата не дали. Завуч удивилась и притихла – но не настолько, чтобы совсем забросить свои штучки-дрючки в устройстве правильной коллективной жизни.

Как-то мне пришлось заменить заболевшую учительницу в 8 классе. Том самом, где год назад девицы бурно выразили чувства друг к другу. Урок выпал вовсе не словесный, а математический – геометрия. Так бывает иногда: чтобы дети не разбежались и не натворили чего без основного преподавателя, к ним приходит любой предметник. Пару забавных чертежей-ребусов я помнила ещё с собственных школьных лет, вот с них мы и начали знакомство. Вообще

подобные уроки-импровизации весьма полезны для учителей, развивают реакцию. :) Педагог должен быть готов к самым разным подробностям сосуществования с учениками.

Решили мы все ребусы, по дороге я им что-то просвистела про медианы и биссектрисы, про суммы углов. Но весь урок ведь не могу математичкой работать – переключились и на литературу.

- Давайте стихи сочинять.

- А мы не умеем...

- Это несложно, даже весело. Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик. Это откуда, кто знает?

Молчат.

- Про Незнайку никто не читал?

Кое-кто оживился, но немногие.

- Хорошо. А вообще вы стихи какие-нибудь читали? Не незнайкины и цветиковы, а там Пушкина, Лермонтова?

- Ну, задавали. Только не помним мы. И зачем они, Елена Владимировна?

- Для ума. И для красоты.

- Они для красоты красятся! – весело крикнул мальчишка с парты у окна. И тут же получил книжкой по затылку.

- Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей. Это Пушкин, кстати, написал. В «Евгении Онегине».

Взрыв хохота.

- А мы графики составляем!

Отлично – здесь тоже составляют какие-то графики вместо чтения произведений и объяснения, зачем нужны стихи. Урок шёл как раз перед большой переменной. На ней я что-то замешкалась, собирая свою сумку. Смотрю, просовывает в дверь голову недавний весельчак.

- Ты чего?

- Я это... Вот.

Протягивает тетрадочку. В ней страниц пять с какими-то не то

конспектами, не то другой абракадаброй, а во второй половине – стихи. Эге-ге, сочиняет парень нечто для себя. И решился на такую откровенность!

- Знаешь, я сейчас занята. Если ты не против, я их возьму с собой, почитаю, а завтра мы с тобой поговорим.

- Да? – глаза бегают, готов забрать тетрадочку. – А вы никому показывать не будете?

- Зачем? Ты же мне её отдаёшь, а не другим людям.

Три секунды смятения: довериться или нет? И всё-таки – да. Дети – интуитивисты суперкласса: что он обо мне мог знать?

- А точно завтра?

- Точно. У меня шестой урок, правда, последний. Дождёшься? Подходи к кабинету литературы на третьем этаже.

- Нет, лучше я вас у метро подожду. Ну, понимаете, я не хочу, чтобы знали, что...

Стихи, как это водится у подростков, были некрепкие, но искренние. Их было не так уж много, чтение заняло не больше двадцати минут. А графиками отношений С.Н. гордилась несказанно: новация, методический модернизм! И активно навязывала своё рацпредложение коллегам. Теперь вы понимаете, почему З.Ф. зазывала меня завучем? Но знала она про свою ретивую помощницу далеко не всё.

Глава 26. Новое расписание. Бумага, заверенная слезами

Прошёл ещё один год. По сравнению с предыдущим он показался мне тягучим, медленным, хотя не менее результативным. Каждая школа – своё царство-государство, кажется, я об этом уже писала. :) В данном требовались

значительные перемены. Но одним рывком добиться их было невозможно: люди слишком привыкли к исторически сложившемуся порядку вещей, поверить в то, что можно завести иной порядок, они были не готовы. Однако создать прецедент здорового отношения к делу в этом большом мире нам с З.Ф. удалось.

Она больше занималась 10 классом, я – 9-м. Старшеклассники – серьёзная сила, во многом определяющая атмосферу школы. На них завистливо поглядывают младшие, подражают. Поскольку обе мы преподавали литературу, это тоже сыграло позитивную роль в переломе настроений окружающих нас школьников. Дело ведь не только в том, что читает учитель вместе с учениками, но и то, как он читает, на что обращает внимание. Вечный вопрос «Что такое хорошо и что такое плохо?» задаётся на уроках словесности более открыто, чем на других. Но, разумеется, отвечает на него учитель прежде всего своим поведением. Если С.Н. разделяла школьников на правильных и неправильных, то наши подопечные получили опыт существования в среде, в которой неправильных не может быть: все разные, но у каждого есть шанс продвинуться. По крайней мере, на уроках. Дело, как вы понимаете, не столько в оценках, сколько в самом стиле общения. Группа, в которой постоянно ищут «плохих», не имеет надежды на развитие.

З.Ф. отличалась бурной натурой, быстро растрезвонила, что я балуюсь песнями, – пришлось принести гитару. На учителей это произвело почему-то сильное впечатление, я удивилась: они что, живя в столице, никогда бардов не слышали? Да, представьте себе, многие никогда не слышали. Уткнулись в учебники и тетрадки – и ни шагу дальше. И не потому, что природа их наказала, – просто подчинились дурному стереотипу «училка – неудачница». Люди очень часто, не отдавая себе в том отчёта, играют навязанные всякими общественными тараканами роли. Для педагога это смертельная опасность. Только будучи самим собой, ты можешь сделать что-то полезное. Игра возможна в пределах игры, и занимает она далеко не всё пространство урока. Да и жизни. :)

Уверенность С.Н. в себе пошатнулась. Когда мы с З.Ф. решили, что я всё-таки должна стать заместителем директора, она не очень поняла, как ей реагировать: на всякий случай, изобразила радость. Решение же случилось по двум причинам. Во-первых, уехала с мужем за границу завуч начальной школы, образовалась вакансия. Во-вторых, я хорошо понимала, что если не вмешаюсь в ситуацию более радикально, нежели до этого момента, то сама же буду страдать. Но и тут выдвинула условие: как только почувствую, что дело наше в шляпе, опять буду просто преподавателем. По моей прикидке, на эту локальную задачу должно было хватить пары лет. Так и произошло. :) Однако не буду

забегать вперёд.

Обычно один завуч ведаёт начальной школой, другой – средней и старшей. Я предложила иной вариант: С.Н. отдать разные технические штуки типа сбора денег на питание, учёта льготников, проведения линеек – она всё это обожает и делает очень лихо, а я буду методистом. То бишь возьму в свои руки контакты с педагогами, посещение уроков, расписание. З.Ф. немного удивилась, но, покумекав недолго, согласилась: мы даём С.Н. возможность участвовать в управлении, однако она перестаёт быть основным делателем погоды.

Опять была очень комичная история с моим заселением в «важный» кабинет. В отсутствие С.Н. (мы занимали с ней одну небольшую комнату) прибежала молоденькая Марина В.:

- Елена Владимировна, а почему вы не сели на её место? Вы ведь теперь главнее? А тут до вас Валентина была...

- Марина, я такая нескромная особа – из любой табуретки надеюсь кресло сделать. А если серьёзно, то какая разница, где я сижу? Справа, слева – тут же два совершенно одинаковых стула и стола.

- А мы вот привыкли, что главный завуч справа.

- Главный тот, у кого голова на месте, а не задница, пардон. У нас теперь оба завуча будут главными, вот увидите. Только каждый в своём деле.

Девушка посмотрела на меня как-то туманно. Видимо, решила, что я пока побаиваюсь С.Н. и не хочу с ней лишней раз связываться. Сама же С.Н. стоически перенесла перемены, хотя и не удержалась от ехидного:

- Ой, намучаешься, Лена, с расписанием!

- Отмучилась уже, оно готово.

- Как? Сегодня же...

- Сегодня же – 7 сентября. Сделала бы и раньше, если бы не ремонт в школе, до последнего не знали, кто где будет обживаться. Пора всем устаканиться. Своё расписание запишите – кажется, неплохой вариант?

- Да, неплохой... – она сникла. Но быстро встрепенулась. – А что ты мне выкаешь? Мы же теперь тут вместе.

- Ну, всему нужно время. Да и постарше вы меня, я как-то не привыкла к фамильярности.

- А мне легче, когда со мной на «ты», не люблю я эти рассусоливания.

- Учту.

Поговаривали, что С.Н. – бывшая детдомовка. Удочерённая в 10 лет какой-то семьёй музыкантов. Там тоже была девочка, из которой старательно делали пианистку. Кто знает, может, и не ввали люди, но констатировать окончательно, что активное самоутверждение этой женщины связано именно с такими детскими обстоятельствами, не буду. Однако все её закидоны, конечно, возникли не на пустом месте, жизнь направила её в определённое русло не случайно.

Как-то я вышла от своих уже одиннадцатиклассников до звонка на перемену (нужно было позвонить домой, мобильных тогда ещё не было, а телефон стоял в учительской). Отговорила всё, что требовалось, захожу в примыкающую завуческую – там Санёк из 7 «В» что-то быстро лопочет перед улыбающейся С.Н. Видит меня, страшно краснеет и вылетает из комнаты. Понимаю: стучал на кого-то. Коллега моя успела вслед ему вальяжно протянуть:

- Молоток, Санёк. Я сама займусь.

- И кем же вы займётесь?

- Да надо тут одного вразумить.

- Но есть же классный руководитель если что. Вы-то при чём?

- Наташка что ли? Она размазня.

- Почему? Очень даже чёткая, по-моему. И что случилось? Из-за чего вся беготня?

- Ну, это наше с Саньком дело.

Дел таких, как я понимала, у С.Н. водилось предостаточно. Она в них купалась просто. Что черпала для себя в этом тёмном болоте? Ощущение чужой зависимости, пусть и подростковой.

Через неделю примерно Санёк пришёл опять. По его радостно-напряжённому виду я поняла, что он приложил все усилия, чтобы избежать встречи с С.Н.

- Елена Владимировна, а меня с урока выгнали, можно я тут у вас посижу?

- Сиди. Почему выгнали?

- Да так...

- Ну, ладно. Помоги-ка мне журналы разложить, видишь, сколько их тут...

- А зачем вам столько?

- Завучу полагается их просматривать, учёт такой вести. Вот просмотрела, теперь надо вернуть. А то учителя придут на перемене, а журналов нет. Тяжёлые они, я одна не донесу.

Ухватил пачку, потащил в соседнюю комнату.

- Я хотел сказать... Я не хотел тогда к ней идти, она меня поймала... Она обещала, что «двойку» по математике отмажет... А Никите домой позвонила зачем-то...

- А ты не боишься, что я разболтаю?

- Нет.

- Математика совсем никак?

- Никак. Отец сказал, если опять «двойка» будет, убьёт. А мамка кричит, что я урод последний.

Как дети улавливают «исповедников»? Непонятно. С.Н. стала терять «агентуру». Мы никогда напрямую об этом не говорили, но она, разумеется, сознавала, что сладкий для неё климат ломаю более всего я. З.Ф. была поглощена хозяйственными делами, отношениями с шефами, поисками кадров – в любой школе у директора хлопот хватает, а тут ещё и период «перерождения». :)

Учителя же всё смелее расправляли крылья. Перестройка, как любой социальный разлом, открыла некоторые информационные шлюзы. На мои уроки стали напрашиваться коллеги, желающие что-то узнать о «забытых» писателях. Вот подошла Нина Матвеевна, преподающая мировую художественную культуру, пришедшая к нам из Оружейной палаты:

- Леночка, я слышала, что на следующей неделе у тебя в 11-м Платонов. Можно я приду?

- Конечно.

- Мы с Валентиной поменяемся, расписание позволяет...

И она приходила на уроки – один раз, другой; так же, как ученики, открывала тетрадь, записывала что-то. Это не были плановые методические мероприятия, подобные инициативы происходили из естественной любознательности: что за человек был какой-то Платонов, чем жил, почему о

нѐм нужно помнить? Если честно, именно в тот год я поняла, что стала учителем. Ну, если людей никто не заставляет, а они сами к тебе идут! :)

Не выдержала однажды и С.Н. Перед шестым уроком неожиданно возникла у двери. По лицу её тут же пробежала тень: последний урок, а старшеклассники в полном составе, никто никуда не сорвался... Отвела меня в сторону:

- Я к тебе в гости. Не прогонишь?

- Зачем же прогонять, я женщина добрая. Заходи.

Мы начинали читать Булгакова. У меня в мыслях мелькнуло: а будут ли они при ней спокойными, разговорчивыми, свободными? Что ж, посмотрим. Опасения мои оказались напрасными: ребята вели себя так, как будто кроме них и меня в кабинете никого не было. С.Н. сидела одна за последним столом. Молча, почти неподвижно. Опять мелькнуло: лучше бы ей не приходиться сюда, сама ведь себе устроила экзекуцию... Первые слова она произнесла только на лестнице – мы возвращались к себе.

- Я нашла место в другой школе. Тоже завучем. Но если ты скажешь, что мне можно остаться...

- Тебе не нужно здесь оставаться. И дело не в том, что я скажу или не скажу. Не во мне дело.

- В тебе! – в её голосе звучала почти мольба: «Ты сильнее, я буду тебе служить, вот увидишь!»

- Ты можешь думать что угодно. Но оставаться здесь тебе не нужно.

З.Ф. рассказывала, как ей трудно было подписывать заявление С.Н. об увольнении. Бумагу-то та накатала, но долго объясняла, что на самом деле уходить не хочет, что Лену надо уломать или умаслить – сделать что-то, отменяющее тяжѐлое решение. Даже плакала. Да, она проработала в этой школе несколько десятилетий. Но кем она проработала?

Глава 27. Инициативы на местах и вне таковых. Чужое и своё

Исчезновение с горизонта С.Н., разумеется, произвело и на учителей, и на подростков острое впечатление: казалось, она срослась с самым школьным зданием навеки. А тут выяснилось, что вечность – понятие относительное. :) Кто-то пытался по этому поводу позубоскалить – пришлось вякнуть: если будем такими шутками увлекаться, сами уподобимся С.Н.

В феврале 1990 года парторг Зоя Александровна потребовала собрать коллектив. Выяснилось, что грядут выборы народных депутатов на съезд РСФСР. Горбачёв пытался перестроить управленческую систему в сторону большей инициативы «на местах». Почему у народа места, а у Политбюро ЦК КПСС не места? :) Кроме того, генсек намеревался скорректировать идеологию партии, если не сказать больше. Попытка завершилась трагическим отстранением его вместе с командой единомышленников от власти вообще. Конечно, многие ещё долго будут болтать о его личной слабости, но это мнение поверхностное и довольно выгодное для тех, кто реального развития общества не желал, хотя использовал социальное брожение для достижения вполне конкретных и далёких от настоящих народных ожиданий целей. Исторически иное было невозможно, добавлю при этом.

Так вот, собрание. Оказывается, моя славная и добрая коллега, невзирая на то что я отдала ей свой партбилет, призывает родной коллектив выдвинуть меня в эти самые депутаты. Что поделаешь: пожилая труженица верила в быструю победу добра над злом. :) И тут же получила серьёзное предупреждение: из класса гордо вышла покрасневшая З.Ф. Поступок сей явно говорил о том, что ей грезилась собственная фамилия на дороге к общему благоденствию.

Мы все притихли.

- Я же её предупредила, я только вам, Елена Владимировна, ничего не сказала... – протянула оторопевшая Зоя Александровна.

- Ладно, мы всё равно проголосуем, – спокойно отозвалась Наталья Н. – З.Ф. женщина умная, поймёт как надо. Посидит, сама с собой рассудит...

Нет, умная женщина рассуждать не захотела и сделала как не надо. Зое Александровне она наедине заявила, что если кто-нибудь из учителей официально примет участие во всей предстоящей процедуре (там всякие помощники требовались для проведения избирательной кампании), она их не поддержит. Ну, вот так ломают людей медные трубы, что тут ещё скажешь. :) Это был неприятный момент, однако я понимала, что он не из тех, что требуют моих ответных глупостей. Я просто не стала обсуждать с ней болезненную тему, работала так, будто ровно ничего не произошло. В депутаты не особенно хотелось, но посмотреть, как это происходит, было любопытно. Да и почему бы не поддержать коллективные чаяния, когда они искренни?

В помощники мне определили несколько активных старшеклассников, а сами учителя взялись за «работу с населением», то есть бегали по району и рассказывали, какие замечательные люди работают у них под носом. Меня в это всё не очень посвящали – я, во-первых, сама скептически на многое смотрела, а во-вторых, тётеньки эти боялись, как бы разобидевшаяся З.Ф. чего не прознала, шушукались за пределами школы.

Прибываю на собрание избирателей. Кандидатов на участке аж целых шесть. Дядечка, отвечающий за сборище, смотрит на меня без особого энтузиазма: молодуха какая-то, ей-то тут зачем быть? Важно цедит, что выступать буду последней. Эко, удивил – зато всех успею рассмотреть внимательно. :) Надо вам сказать, что в те времена люди ещё не были доведены до той степени цинизма, что мешает здоровой социальной атмосфере теперь. Конечно, в эти депутаты и на выборах союзного масштаба (они прошли в 1989 году), и на выборах российских уже рвалась всякая пена, но имела она ещё не самый большой процент жирности. Сами посудите: учителя нашей школы носились по домам не в поисках покупательниц косметики, а с надеждами на то, что от них тоже что-то зависит в столичном районе. Никаких особенных надуманных программ тоже никто от депутатов не требовал: витала идея, что главное – собрать вместе толковых людей, а уж они сделают всё необходимое, исходя из знаний о жизни.

Рассказывать о себе мне пришлось целый час. Не только о себе, конечно, – вопросы начали задавать о школе, и очень быстро они расширились до интереса к воспитанию вообще. Дети-то у всех, и у всех с ними дела сразу не проясняющиеся. Ответственный дядечка стёр с физиономии важность:

- А скажите, наследственность влияет?
- На что? Поясните, пожалуйста.
- На характере сказывается? Допустим, отец был жестоким, сын тоже от

него переймёт?

- Наследственность – штука запутанная. Определить точно, что, как и кому именно природа передаёт, думаю, мы никогда не сможем. Но пример отца, его поступки, конечно, на ребёнка повлиять могут. Хотя стопроцентной вероятности, что такое поведение сын посчитает правильным, нет. Вы же знаете: в одних и тех же обстоятельствах разные люди проявляют себя неодинаково.

- А вот говорят, в вашей школе раньше дети дрались, – съязвила пенсионерка в огромном берете.

- Школа скорее наша, чем моя или чья-либо ещё. Дерутся и теперь, как во всех школах. Но крайнюю жестокость нам, кажется, удалось сделать не нормой.

- А вы в партии?

- Вышла.

- Вышла?!

- Да. Партия не коммунистическая, она так только называется. И не партия это. Больше на эту тему не пытайте – если можно.

- Вы сказали, что литературу преподаёте. Вы «двойку» поставите, если ученик скажет, что Катерина – не луч света?

- Смешной вопрос. Я оценки ставлю не за согласие с Добролюбовым, а за умение грамотно по-русски объяснить, почему Катерина – не луч света. Или луч.

- Каким Добролюбовым?

- Николаем. Александровичем. Это ведь он назвал Катерину лучом света в тёмном царстве. Его частное мнение необязательно разделять каждому читателю. Вы «Грозу»-то читали?

- Нам больше учебник пересказывали...

- А у меня внучка от родителей сбежала. Чего-то они ей не купили, она ко мне ринулась. Ну, не выгонять же, правда? А дочь обижается, не знаю, как быть...

- Вы после собрания ко мне подойдите, поговорим немного.

В общем, первый тур я прошла победно. Со мной ещё один отставной генерал увязался. Второй тур мне уже оказался не по зубам: то ли генеральское

лобби активизировалось не на шутку, то ли административные районные деятели мной не очаровались. Вспоминаю я этот эпизод без сожаления и без досады. Что не прошла, очень даже хорошо в итоге: через несколько лет последовали события, отменяющие любые здравые инициативы в самоуправлении.

А З.Ф. всё-таки угомонилась. И даже оценила то, что я не опустила ни себя, ни её до дешёвых истерик. Однажды только, уже когда я прощалась со школой, сказала полушутя:

- Благородство тоже заразительно.

Словесно я не ответила, но по её лицу догадалась: она говорит именно о том непростом случае с выборами в «другие места». Улыбнулась ей: ладно, с кем не бывает...

Зоя Александровна, почувствовав, что директор и завуч вновь общаются не только в рабочем режиме, обрадовалась:

- Елена Владимировна, вы понимаете, она ведь потом ещё как испугалась, что вы от нас уйдёте!

- Да нет, Зоя Александровна, то, что бывает потом, это потом. А сначала человек обиделся. И даже немного позавидовал. Мы все это знаем, но говорить об этом никогда не будем, ладно?

- Ладно.

Предвыборная суэта тем не менее принесла пользу учебному заведению: существенно изменилось мнение о нём в округе. Вдруг к нам стали переводить детей из соседней спецнемецкой школы. Родители маленьких гуманитариев рвались туда, где можно говорить, что Катерина – не луч света. :)

- Лен, тут одна мамашка меня замучила, говорит девица у неё стихи сочиняет, срочно надо обосноваться у тебя в классе, – сообщила З.Ф. после летучки.

- А что она так поздно озаботилась судьбой чада? Уже начался учебный год, в классе 35 душ.

- Объясняла ей, чуть не ревет. Стихи хоть посмотришь?

- Стихи посмотрю. А взять в школу – ну как? Если вы настаивать будете, мы с классной подчинимся, однако... И потом, они же не остановятся, до 40 дотянем! Нет, пусть приходят вовремя.

Трудно, очень трудно, говорить родителям, что нельзя принять ребёнка. Но тут была причина уважительная: невозможно нормально учиться в переполненном классе. Ужасно, когда маленького человека «отбраковывают» по причинам иного рода. Например, потому, что не соответствует «нашим требованиям». Что это за повышенные требования к поступающему в 1 класс? А если он перестал им соответствовать к 9 классу, то как это случилось? Да, бывают отдельные, чаще всего медицинские, случаи, когда ребёнку нужны другие условия, но это именно отдельные случаи. Я не об уравниловке: любой толковый учитель знает разницу в возможностях учеников, но он не кричит об этом. Во-первых, мы все можем заблуждаться. Что говорили об Эйнштейне в школе, зарубили себе на педагогическом носу? Во-вторых, каждый человек создан природой для развития, каждый имеет такую способность. Траектория движения разная, помогающие средства разные, видимые успехи разные – вот в чём заковыка. Разумеется, когда дети постоянно находятся вместе в классе, они не могут не подглядывать друг за другом, не сбиваться с толку при этом, не огорчаться, что не успевают за кем-то, – но учитель должен сделать всё возможное, чтобы ни один из них не потерял веру в себя. Врач не имеет права сказать: «Я не буду тебя лечить, у меня есть другие – подходящие – больные». Нет такого права и у учителя. Правда, если он уже учитель, а не подросток, запутавшийся в инфантильных «хочу – не хочу, буду – не буду».

После урока с тетрадь для письменных работ подошёл новенький. Перешёл к нам из упомянутой спецшколы.

- Я не понял. Вы написали: «Что это за лабуда? Зря старался».

- А разве не лабуда? Нужно было что сделать? Объяснить, симпатичен или нет тебе Базаров. А ты с учебника эту скуку сдул и успокоился. Учебник, в общем, толковый, но про твои симпатии ничего не говорит. Ты же знаешь правило: за труд списывания трояк полагается, но не больше. Честно скажи, сам когда-нибудь сочинения писал?

- Ну... Нет... Я не смогу так много написать.

- Да хоть пять абзацев для начала смастери. Там посмотрим. Только ведь ещё прочитать надо. Пока лишь несколько глав (мы начинали знакомиться с романом Тургенева «Отцы и дети»). Думаешь, неинтересно? Попробуй. А если нет – так трояк и будет.

- И что, за пять абзацев может быть «четвёрка»?

- Для тебя, начинающего читателя и писателя, даже «пятёрка». Только мне почему-то думается, что если ты прочтёшь про этого самого Базарова, у тебя получится куда больше пяти абзацев. Вы с ним чем-то похожи.

- Чем?

- Прочти, потом выясним. Понимаешь, ты пропустил первые уроки, я же не могу для тебя одного их повторить.

- Я был на уроках!

- Ты как бы был. Иди читай!

Нет, сразу из него привычка попугайничать не выветрилась. Всё думал, что надо что-нибудь «красивое и правильное» где-либо добыть. Потом понял, что оценивается другое. Процесс пошёл. :)

Глава 28. Неидеологическое радио. Бой инфантилизму

З.Ф. остановила меня в коридоре:

- Ужас, что творится, забросали письмами всякие конторы. Зазывают на «круглые столы», лекции и прочая. Какие-то академии, ассоциации – шут их разберёт, откуда повывлезали все. Тут вот, смотри, пишут: гражданские инициативы учительского сообщества... Слышала про них что-нибудь?

- Да нет. Ну, время бурное, люди кучкуются по самым разным поводам.

- Может, съездим, глянем, что за звери? К нам кого-нибудь интересного организуем. Номер школы указан.

- Давайте, с нас не убудет.

Разыскали заведение. Уселись, как послушные школярницы, за парту, ждём умных инициаторов. Народу – полтора человека. Перед доской (дело было в обычном классном помещении) суетятся какие-то незнакомцы. Вот и важная персона – Алла Латынина. Выясняется, что нам, забитым недотёпам, предлагается лекция. Передовая такая, прогрессистская. Уже не помню, о чём конкретно вещала вполне уважаемая журналистка, но впечатление было странноватое. Собственно, оно всегда посещает меня, когда нарываюсь на

озабоченных учительским недоразвитием деятелей. Почему они решили, что недоразвитие это повсеместно? И бороться с ним проще простого: надо только загрузить правильный прогрессистский контент в пустые головы? Сравниться с этим явлением могут лишь мужские притязания на интеллектуальное величие рядом с женщиной. Он с ней ещё и двух слов не промямлил, а уже уверен в оном величии. :) Ну да ладно, убеждённость в недоразвитии – первая печаль. Вторая, более серьёзная, в том, что кто только ни пытался использовать учительские массы в своих идеологических телодвижениях. Именно массы – недотёпистых сеятелей разумного по всей стране миллионы, это ж каких дел наворотить можно! Вот и эти инициаторы явно старались не ради педагогики. Особенно забавно было слышать, что главное в предлагаемом прогрессе – отменить всяческие идеологии. Потом я их услышала на радио «Эхо Москвы». Говорят, что работать оно начало с августа 1990 года. Не буду утверждать, но сдаётся мне, что памятная лекция состоялась ещё до того. И опять же ладно: радио так радио. :)

Наша школьная жизнь тоже не стояла на месте. Я поняла, что могу уйти на более вольные хлеба, то есть расстаться с нагрузкой завуча: за два года удалось выровнять всякие мешающие углы. Коллеги такой перемене моей участи не удивились: действительно, человек сделал для общего блага то, что обещал, теперь может больше сосредоточиться на себе. Трудиться я осталась в том же коллективе, взяв только литературу и факультатив по русскому в старших классах. Казалось, что наконец вхожу в долгожданное русло покоя.

Не тут-то было. Серьёзно заболела мама. Никогда не забуду сентябрьский вечер 1991 года. Папин голос по телефону был сдавленным:

- Можешь приехать к нам сейчас?
- Конечно, о чём разговор.

Я ехала в метро и понимала, что впереди беда. Уйти от неё невозможно, а выдержу ли я всё, что с ней на меня обрушится, – не знаю. Никто не знает. Люди смеются, пересказывают друг другу незамысловатые будничные сюжеты, возвращаются с покупками, предвкушают телепередачи, читают книжки... Я ничего этого делать не могу, я выпала из общей мирной картины. Надолго? А вдруг навсегда? Хотя нет, навсегда ничего не бывает – кроме памяти.

Остатки вечера были мучительными. Я отпустила папу хоть немного вздремнуть, заварила себе крепкий чай – чтобы бодрствовать всю ночь. После полуночи стало ясно: мама умирает. Приехала «скорая», врач оказался совершенно растерянным, беспомощным, пришлось прикрикнуть, чтобы мобилизовать: «Будем разговоры разговаривать – человека не станет». Папа от

волнения поранился о склянку. Утром две машины развозили родителей: маму в реанимацию, папу – на перевязку в ближайший травмпункт, у врача не было даже бинтов. Позвонила в школу, чтобы заменили кем-нибудь. Весь день хотела поспать – не удавалось.

На следующий день узрела своё новое расписание: уроки разбросаны по всей неделе, а у меня никакой возможности теперь появляться на работе чаще двух раз в неделю. Что поделаешь: наша немка, заступившая после меня на почётный административный пост, пока не виртуоз в этих бумажках.

- Понимаете, я не смогу ездить в школу часто. Мне придётся на какое-то время перебраться к родителям, живут они от нас не близко. Нужно постараться, чтобы я была занята только два дня.

- Вы что же, хотите, чтобы я ради вас всё переделала? – смотрит на меня истуканом.

- Ну, так нужно, это не каприз. Я вообще боюсь, что придётся взять отпуск за свой счёт... Если трудно, давайте вместе подумаем над этим треклятым расписанием.

- Да не буду я думать!

Что же это такое? Я не знаю, выкарабкается ли моя мама с того света, а она видит перед собой барыньку, желающую проехаться за чужой счёт? И разрыдалась. Завуч побелела: Елена плачет?! Наша железная Елена?! Испугалась, побежала в учительскую. Первой примчалась Аделаида:

- Лена, да ты что! Да мы всё сделаем! Я тебе сейчас накапаю... Сколько она пьёт обычно? Уйдите вы все отсюда, толку от вас никакого. У человека горе, а они про глупости всякие! Дуры вы бабы, дуры.

И действительно, женщины, вы что себе полагаете? Если кто-то ходит ежедневно подтянутой и улыбающейся, это от лёгкой жизни? Красота поддерживается ленью? Выкиньте эту дрянь из головы. И другую – про чью-то неизбывную силу – тоже выкиньте.

Переделали, конечно, расписание, и отпуск даже на две недели З.Ф. мне выкроила. А Аделаида, про которую я тут пишу впервые, заслуживает некоторого отступления. Они с З.Ф. землячки и подруги. Но Аделаида долгое время со школьной работой не была знакома, трудилась в каком-то строительном тресте. Наступили суровые времена, трест то ли реорганизовали, то ли ликвидировали под видом реорганизации. Сотрудники разбежались – кто куда мог. Аделаида прибежала к нам. Это, скажу вам, не очень-то просто, уже в

довольно зрелом возрасте взяться за школьные уроки. Первое время приходилось по-всякому. З.Ф. посмеивалась: ничего, зато здесь атмосфера почище, чем в её тресте, некогда за интригами следить. И, в общем, оказалась права: Аделаида распробовала новую свою жизнь и даже ею увлеклась. Сама признавалась, что учительство, с одной стороны, дисциплинирует, а с другой, заставляет видеть окружающих подробнее.

Удивила меня немало И. Она как раз числилась в этой школе психологом. Собственно, благодаря данному факту мы и познакомились.

- Отпуск взяла? К родителям пока переедешь? Ну, это инфантилизм какой-то, так от них зависеть!

- Вообще-то, психологиня моя уважаемая, у приличных людей это называется помощью ближним. А инфантилизм – это когда все свои проблемы подпихиваешь старшим. Потом, кстати, многие дамочки то же с удовольствием делают с мужьями.

- Вот-вот, твой отец вполне может обойтись без тебя сейчас. Ты же собиралась за книгу сесть.

- И ты думаешь, я её смогу написать в таком состоянии? Мама мне уже давно не только мама, а друг. Друзей в беде не бросают. И папу я не заменяю в данном случае, есть вещи, которые может сделать он, а есть то, что могу сделать именно я.

- Не знаю, не знаю. По-моему, это какая-то жертва.

- Угу. Если ты знаешь, что твоя мать между жизнью и смертью, это знание надо в себе уничтожить и спокойно предаваться изящной словесности? Изумительно.

- И материально ты им помогаешь, тоже странно. Пора это всё прекратить.

- Я их люблю, видишь ли. Кто любит, не помочь не может. Как только станет чуть легче, вернусь к литературе.

- Ты всю дорогу пишешь урывками...

- Но если нет другого варианта? Главное – пишу. Невозможна пока книга, но стихи-то есть. Да и мелкая проза. Ничего, прорвёмся.

- И чем они так замечательны, что ты с ними возишься, с родителями?

- Не вожусь. А просто поддерживаю там, где без поддержки они не

выстоят. Вот и всё.

- Наши родители не идеальны...

- Разумеется. Разве это повод для развода с ними? И ты уверена, что сама образцовая родительница для своей дочери? Может быть, она нуждается совсем не в том, что ты ей предлагаешь? Может, ты думаешь про неё одно, а она – совсем иное? И ты хотела бы, чтобы она выросла и вспоминала о тебе только тогда, когда грянут крупные покупки?

И. вспыхнула:

- Родители обязаны помогать детям!

- Обязаны, обязаны... А что ты так взъерошилась?

- Ладно. То есть ты считаешь, что талант не избавляет тебя от обязанности...

- От человеческих обязанностей не освобождает ничто. И потом... Вот представь себе: ты врач, у тебя есть редкое лекарство. А оно необходимо кому-то, кто рядом. Не важно – матери, соседу, ребёнку, прохожему. Ты это лекарство отдашь? Или сначала прикинешь, не опоздаешь ли на электричку и не надо ли что-нибудь в обмен на лекарство с человека взять?

- А что, там, у твоей мамы, всё очень тяжело?

- А ты ещё этого не сообразила? Это не тот случай, когда вообще следует выбирать. Ты, кстати, своих родителей давно видела?

- Мне проще. Мы в разных городах. Два года назад ездила к ним в отпуск.

- И нет желания позвонить?

- Ну... Иногда. По праздникам.

И., как я поняла, никогда толком не интересовалась тем, что за жизнь прожили её родители. У отца такая профессия, у матери другая, получают столько-то, к старости стали больше проводить времени дома и поэтому ссориться. Этого достаточно. Важно то, что есть куда податься с дочерью, если у мужа нет летнего отпуска. Она читала много учёных книг про борьбу с комплексами, которые, как известно, все из детства, она хваталась за творческие хобби (то живопись, то кино, то литература). Она, кажется, закончила школу с медалью. И она даже была незлобной – но ей в голову не приходило, что на родителей можно посмотреть уже недетскими глазами. Борьба с собственным инфантилизмом, однако. :)

Глава 29. Любовь красивая и добрая. Рисковые мини-проценты

По учительской вторую неделю гуляет весеннее слово «любовь». Тётки наши не могут говорить ни о чём, кроме как о ниточке, которая протянулась между Генкой и Маринкой. Генка – молодой физик. Пришёл на педагогическую практику. А практика приготовила сюрприз – светлорусую красавицу в 11 «Б». Был весёлый студент – и не стало его, талдычит про какие-то опыты, но видит перед собой только пушистую чёлку за второй партой.

- Нет, ну он что, не понимает: она же девчонка совсем!

- И что? А он-то кто? Мальчишка!

- А как вы думаете, они уже...

- Не в этом дело: школа тут, нельзя.

- Чего нельзя? – спрашиваю сама, не выдерживая этого напористого трепета со всех сторон. – Людьми быть нельзя? Радоваться нужно: молодых человек посетил нечто прекрасное. Ей около семнадцати, ему на пять годков побольше – всё путём. Или кого-то волнуют подробности?

- Елена Владимировна, но ведь невозможно спокойно мимо пройти: лупят друг в друга глазами просто до неприличия!

- А вы не смотрите на них. Смотрите под ноги, чтоб не споткнуться. Это самое приличное, что можно сделать в данном случае.

- Вы бы всё-таки с Мариной поговорили...

- О чём? И почему я?

- Ну, наши девчонки как-то на вас ориентируются... Пусть они посдержаннее будут. Пара-то хорошая, конечно...

- Да замечательная просто пара, загляденье. Раз в тысячу лет такая

попадает. Что вы переполошились, женщины мои прелестные? Марина как училась у меня отлично, так и учится. У всех прочих, думаю, тоже проблем не возникло. Гена – вообще взрослый человек.

- Вот именно! Ему о практике надо думать, а он...

- Дамы, вы не завидуете часом?

Вздохи, вздохи, вздохи. Умолкают. Но только до следующей перемены. Что поделаешь: весна и всегда-то нагло путает учебные планы, а тут ещё такое событие! :) Опять же школа – женское начало то и дело выпрыгивает впереди педагогического.

Марина – девушка особенная. Стоп, сейчас мне придётся писать о довольно непростых вещах... Все, наверное, слышали тезис о том, что человечество может похвастаться только 2-5% творческого авангарда. Действительно, есть эта малая доля тех, кого природа послала слишком далеко по сравнению с прочими. Но прочие-то тоже весьма разнятся между собой и вовсе не лишены творческого начала. Никто на самом деле не бесполезен и не безнадёжен. Однако что делать, когда представители авангарда присутствуют там же, где рьяно соревнуются между собой неавангардисты, им же в этом соревновании просто делать нечего? Сам факт существования такой человеческой единицы может либо парализовать группу, либо подвигнуть на всякие глупости... Люди, тем более молодые, трудно смиряются с тем, что они никогда не сумеют того, на что способен некто. Общность места и времени нередко играет с нами в подянку: рядом живущий обязан прыгать не выше меня.

Я не очень верю в школы для одарённых. Им, по большому счёту, требуются не собственно школы – они учатся сами. То есть мы должны принять как данность очень рано проявляющуюся в таких людях точность саморазвития и, как следствие, – самопонимания. Но им нужна здоровая социальная среда, потому что они живые существа. А такая среда вслух не говорит об одарённости, она ей просто не мешает и в меру возможностей питается объявившейся одарённостью. Как правило, захваленные с детства вундеркинды вырастают во что-то не слишком привлекательное, увы. И напротив, люди, рано постигшие законы доброжелательного контакта с ближними, помогают своим талантам реализоваться, они не зацикливаются на себе, а видят мир вокруг. Признаны или не признаны эти таланты всем обществом в итоге – другой вопрос.

Так вот, из тысячи примерно моих учеников я могу вспомнить только двух, которых следует отнести к этой малой и потому очень рискованной части

человечества (хотя могла в начале своей учительской деятельности кого и проглядеть). Повторяю: это не значит, что оставшиеся 998 особей, – косный балласт. Каждому человеку природа дала возможность (я бы даже сказала – обязанность) к самосовершенствованию, выполняя эту работу, он гарантирует будущее своим потомкам. И, наверное, хорошо, что вундерменш явление редкое: не все способны справиться с элементарной завистью к соседу по судьбе, с одной стороны, и с презрением – с другой. Долбить ребёнку, что он некий избранец, нельзя, его это затормозит. Нельзя и мерить его стандартными линейками – и никого, в общем, нельзя, но тут можете получить такой взрыв, что мало не покажется. Это довольно сложная педагогическая ситуация. Знаю, несколько примеров, когда учителя не могли психологически собраться в присутствии маленьких «соперников», даже не входящих в пресловутые мини-проценты. Встречаются таковые не просто редко, а очень редко – миллионы людей могут с ними не столкнуться никогда! Однако учитель должен быть готов к сюрпризу. :)

Марина и была сюрпризом. Далеко не все преподаватели понимали, что это за бриллиант, больше обращая внимание на внешние дела: ладная, пластичная, любознательная, общительная. Литература была не просто её коньком: в книгах она купалась, но не проглатывала подряд, а создавала свой неповторимый круг духовных ориентиров. Вы спросите, может ли человек, не обладая соответствующим личным опытом, почувствовать суть того, о чём пишут другие, жившие при других обстоятельствах? Да, может. И не только тот, что входит в авангардную группу природы. Однако тот, кто в неё входит, может не только почувствовать, но и объяснить. Когда я читала сочинения Марины, я испытывала не меньшее наслаждение, чем то, которое дарили мне признанные писатели, – это не дежурный дифирамб. :) Разумеется, узнав о планах поступления девушки на филфак МГУ, я вынуждена была дать прагматичный совет: раздобыть репетитора с самого факультета. Увы, излишняя самостоятельность абитуриентов у нас приветствуется редко, приходится на всякий пожарный страховаться. Мама нужного человека организовала, тот после нескольких занятий возжелал даже со мной познакомиться. Весьма приятный был товарищ, но переоценил мои учительские потуги: успехами своими в большей степени Марина была обязана себе.

У неё не было никого, кроме мамы, которая в ней души не чаяла. Ей самой вожделенный МГУ когда-то помахал ручкой: рано выскочила замуж, уехала в какой-то провинциальный наукоград. Как и большинство женщин, уступила своей половине все не бытовые удовольствия, а через семь лет осталась без самой половины. Вернулась в столицу, сосредоточилась на дочери. Гена вырос нежданной угрозой опять похоронить высокообразовательные мечты. Ну, так ей

казалось. :) Родителям частенько мерещится, что у судьбы один сценарий на все поколения.

- Елена Владимировна, поговорите с Мариной, пожалуйста, – вклинилась встревоженная мама в кабинет, в котором я засиделась над сочинениями.

- Что за дела? И вы туда же? О чём?

- Ну, вы же видите! Я просто не знаю, что делать. Так всё это не ко времени!

- Да что же вы расстраиваетесь зря? Люди друг друга полжизни ищут, тут же нате вам – явился королевич, а они прочь гонят.

- Вы смеётесь? Мне вот не смешно. Часами висит на телефоне, вечерами она срывается...

- Срывается?

- Уходит из дома.

- Дерзит, ругается?

- Что вы – нет, конечно. Но лето не за горами, экзамены. Она же не поступит!

- Почему? По-моему, шансы блестящие. Да она золотая, девочка ваша, она всё успеет. Ну, успокойтесь. Вы напрасно так драматизируете. Жизнь не глупее нас с вами.

- Это просто молодость! Через год всё улетучится...

- Не думаю, здесь другой случай. А если даже и улетучится – не беда. Вот посудите сами: если и дальше вы будете так нервно воспринимать происходящее, она будет с вами либо ссориться, либо держать суровую дистанцию, скрывать происходящее. Это же плохо, правда? Будет переживать – и за себя, и за вас. Это отвлечёт её от экзаменов куда сильнее, чем отношения с Геней. Разве можно заставлять человека выбирать дурное вместо хорошего?

- А он, Гена этот, как по-вашему, человек или дурак просто?

- Признаков излишней дурости пока не подавал. Нормальный парень, видно, что влюбился, а не приключений ищет. Я вообще думаю, что Марине очень повезло. Знаете, есть счастье, которое зависит от нас самих, а есть такое, которое зависит от других – на кого нарвёшься, что называется. К ней прибежало то, чего у многих-многих нет и не будет. Это же хорошо!

- Ой, не знаю... Я ей, конечно, не враг... Но страшно, Елена Владимировна!

- Послушайте, я этого Марине не говорю и говорить не стану, сама прозреет. А вам скажу: она человек не из общей тусовки. Возможно, Гена этот – её единственный шанс. Вам сейчас кажется, что у неё всё впереди, кого-кого, а мужчин в Москве много. Их на самом деле завались, но у неё выбор будет небогатый. Увы, это крест всех талантливых людей. Поразвлекётся она, конечно, сможет, и ума, и вкуса у неё для этого хватит. Но предрекать прочный союз на десятилетия...

- Не пугайте меня...

- Я не пугаю, я называю вещи своими именами. С обывателем она не уживётся. Точнее – он с ней не уживётся, он будет воинственно требовать соответствия своим затёртым представлениям – в том числе и о том, что филфак МГУ несусветная глупость по сравнению с банальным шашлыком. Её это, разумеется, начнёт раздражать, появятся никому не нужные проблемы. Гена ещё молод, шишек в отношениях с девчонками не набил, радуется тому, что чувствует, – ровно то, что доктор прописал. Если потом она его перерастёт, это будет потом, будущее покажет, что к чему. А сейчас надо принять то, что судьба послала. Не мешайте ей. Да и с ним познакомьтесь поближе – кажется, уже пора.

С выпускного наши герои, конечно, улизнули. Тётки слегка посплетничали, но нового пожара раздувать не стали. В МГУ Марина поступила, через год вышла замуж за своего Гену: мама-таки ещё посопротивлялась. Родилась девочка Леночка, потом я потеряла семейство из виду. Надеюсь, благодный период был продолжительным. :)

На выпускной, кстати, в том необыкновенном году впервые пришли ребята, окончившие школу значительное время назад: недобрая слава о заведении уступила место благодарности за незряшные детские годы. Помню, пригласил меня на танец один бравый молодой человек.

- Ой, вас тут все так уважают! Я с пацанами говорил. А вы завучем здесь были?

- Была.

- А теперь, болтают, вы журналистка тоже?

- Не болтают – правда. Пытаюсь урвать от жизни побольше. :)

- Я тут давно не был. После армии хотел зайти, но передумал. А в этом

году брат заканчивает... Девчонки у вас классные!

- Девчонки у нас что надо. Жениться хочешь?

- Хочу. Но не выбрал ещё.

- Смотри, пока выбираешь, уведут. А по какому принципу выбираем?

- Красивую, конечно! – засмеялся, запнулся, задумался. – Хотя нет, не это главное. Главное, чтоб добрая была. Ну, чтоб меня любила, ребёнка моего...

- Да, это ты прав. Заходи почаще: вдруг такая объявится!

Глава 30. Чины людьми даются. Был ли Моцарт?

К середине 1990-х школа наша прочно застолбила в округе уважаемое место. Но вот ведь какая штука: пока ты спрятан от славы, тебя не слишком теребят празднoлюбoпытсвующие и ты спокойно предаёшься любимому занятию. Когда молва убегает далеко, к тебе начинают приставать с глупостями. :)

В учительской остановила взбудораженная Р.Н.

- Елена Владимировна, мы решили подать документы на повышение вашего разряда (ещё только начиналась возня-распределителoвка учительских грошей – Е.С.). Вы чудесный словесник, пусть вас оценят по достоинству.

- Кто именно будет меня оценивать и каким образом?

- Я не шучу. Я уже была в руно, нужно, чтобы вы описали свою методику, дали ряд открытых уроков. Ну, ещё там всякие бумаги требуются...

- И вы думаете, что я буду на всю эту ахинею тратить время и здоровье? То есть какие-то люди, которые не умеют того, что умею я, милостиво разрешат мне называться чудесным словесником? И добавят к зарплате две копейки? Вот спасибо! А пока вся эта канцелярия вместе со мной отпляшет свою процедуру, кто будет детей учить?

- Я не понимаю. Мы добра хотим, и вам, и школе. Ну, все так делают, так полагается...

- Не обижайтесь на меня. Доброе имя у школы и у меня уже есть. Правильно? Если кому-то стукнуло в голову, что у меня можно чему-то поучиться другим словесникам, пусть придёт ко мне сам без всяких чиновных свидетелей, я сделаю, что могу. Если наше руно озабочено моим материальным благополучием, пусть само соберёт нужную ему информацию – хотя там её предостаточно, – и молча сделает своё благое дело. Почему я должна доказывать, что я – это именно я? Общество хочет отметить мои заслуги? Хорошо, пусть оно и подсуетится.

- Вот вы гордая.

- Гордая. И что? Хотя дело не в этом: нет у меня времени на такие глупости, ещё раз говорю.

- А если бы доплата была существенная?

- Существенная доплата при подобном государственном подходе к тому, чем занимается «рядовой труженик», никогда не возникнет.

- Но вы всё-таки подумайте...

Позвонила потом знакомая из руно.

- Тебе что, трудно о себе побеспокоиться чуток?

- В смысле?

- От почёта, значит, отказываешься?

- От дутого – да. А недутый при мне. Хотите зафиксировать его у себя в конторе – фиксируйте, я-то тут при чём? Ты мне лучше расскажи, как отпуск провела...

- Изумительно! Ладно, хочу тебя предупредить: через полгода у вас фронтальная проверка в школе будет. К тебе на уроки всё равно придём.

- Я пускаю тех, кто просится. С одним условием: чтобы вели себя тихо, ни мне, ни детям не мешали. :)

Фронтальная проверка у нас прошла. И прошла, к нашему удовольствию, экспрессом: то есть длилась не несколько месяцев, как обычно, а недели три от силы. В ту пору были модными всяческие интеграционные заморочки. Ну, есть же области, возникающие на стыке нескольких наук, почему бы то же самое не попробовать в учебном процессе? Беды в этом, в общем, никакой нет – но только тогда, когда соединение и взаимопроникновение учебных предметов происходит естественным образом, а не для того чтобы чины повыше наших порадовались новациям. В одной из соседних школ администрация умудрилась сделать интегратором географа: он как бы преподавал не только географию, но и математику. Десять минут водил указкой по карте, потом десять минут лепетал про свойства окружностей. Бред полный. Месяца через два сам взмолился, попросился в «чистые» географы. :)

Бедная З.Ф. должна была во время проверки явить образец интеграционного искусства подведомственных педагогов.

- Лен, ну что делать? Может, ты нечто музыкальное организуешь на показательном уроке?

- Зачем? Можно выкрутиться иначе. У меня есть сценарий клубного заседания для старшеклассников.

- Это тот, где про Моцарта разговор?

- Именно. Правда, мы с ребятами собирались месяц назад, они могли свои речи подзабыть.

- Да как получится!

Редкий год мне удавалось ограничиться только урочными занятиями: вечно заносило в какие-то «дополнительные» дела. Клуб «Диалоги о культуре» – очередная просветительская закавыка, возникшая от обнаружения скудных представлений старшеклассников о титанах, живших в разные эпохи и продвигавших человечество. Формально заседание строилось следующим образом. Четверо школьников-ведущих – двое что-то знающих о предмете разговора, двое слышавших общий звон – в присутствии почтенной публики вели неспешную беседу. По ходу её демонстрировались иллюстрации, музыкальные или литературные фрагменты – то, что доказывало культурную

значимость избранного деятеля. Разумеется, это была постановочная штука, текст сочинялся мной заранее, потом правился вместе с ребятами. Но во второй части заседания уже без всяких «подсадных» участников разворачивалась дискуссия среди всех собравшихся.

С Моцартом история вышла очень занятная. Когда мы «прокатили» заседание впервые, подросткового народу пришло довольно много. Дело было ближе к вечеру, для создания некоей салонной атмосферы решили расставить свечи. На доске красовался портрет великого композитора, тоже со свечами рядом. Музыка была живая (в моём скромном исполнении: девчонки, занимавшиеся в музыкальных школах, оробели, играть наотрез отказались). Только в заключение мы слушали «Слёзную» в записи.

И представьте себе картину: пробежали последние звуки этой грандиозной вечной музыки – и погасли свечи. Что такое? Ну, около портрета они были небольшие, просто успели догореть, но все прочие-то почему умолкли? Оказывается, одно окно было закрыто неплотно, уличный ветер порывом отодвинул раму и погрузил нас в темноту. Начинать дискуссию пришлось после щемящей паузы, мерещилось, что душа несчастного Вольфганга нас то ли благодарила, то ли просила о чём-то... После мероприятия ко мне подошла незнакомая девочка (из другой даже школы, как выяснилось), она засиделась вместе с подружкой: какую-то тетрадку хотела у неё быстренько забрать, но не тут-то было – увлеклась рассказом о незнакомце.

- А что, такой человек, Моцарт этот, действительно был?

- Конечно. Почему ты спрашиваешь?

- Ну, не знаю... Я думала, придумали нарочно. Нет таких людей, все совсем другие.

- По-твоему, в учебниках вымышленные люди? И Пушкина не было, и Айвазовского? А откуда же взялись стихи, картины?

- Айза... Как вы сказали? Он кто?

- Айвазовский. Он художник...

Наступил день, когда нам надлежало рассказать о Моцарте второй раз – по заказу, что называется. :) Это был такой ужасный день, в который школа стояла на ушах: с самого утра проводились только показательные уроки, взволнованные учителя и ещё более взволнованные подростки боялись ударить лицами в грязь, по всем этажам разгуливали толпы непрошенных гостей. В терминах руно это как-то по-особенному обозначалось и имело, видимо,

отдельную ценность. Параллельно с заседанием клуба «Диалоги о культуре» участникам нашего вечера предлагался концерт, подготовленный нашей замечательной англичанкой Натальей Н. Все текстовые элементы одного вечера, конечно, исполнялись только на английском языке. Нашество в полном составе попёрло в клуб – кошмар! На 50 школьников 70 взрослых, желающих убедиться в педагогической состоятельности какой-то Елены Владимировны. Англоизированный концерт перенесли на более позднее время. Мои ведущие впали в крайнюю степень нервозности.

- Елена Владимировна, я все слова забыл! У меня язык деревянный!

Парня понять можно: мы же не спектакль показываем, который уже двадцать раз до того состоялся. Текст непростой, всё действие занимает более часа. Даже взрослый человек обычно на публике теряется. Следом прибежали девочки:

- Ой, мы сможем только читать! Зачем их так много! З.Ф. говорила, что несколько учителей придут...

- Хорошо. Читайте по бумаге, и будь что будет.

Они прочли. Я сыграла. «Слёзная» прозвенела. Отпустили пострадавших ребят. Смотрю, наконец, в зал: одни тётки умильно улыбаются, другие готовы что-то прошептать. Но мне плевать: дети дороже показухи. Мудрая З.Ф. проговорила какую-то миротворческую речь и увела благодарную публику на обед. Она молодец, ситуацию ухватила без пояснений. Потом меня разыскали девушки из числа гостей, попросили копию сценария. Вот с ними мы и поговорили – о человеке, о культуре, о педагогике, о мастерстве, о призвании. :)

Глава 31. Невидимый причастный оборот. Как выпускают учителей

Рассказывая о своей работе школьным словесником, я ещё не затрагивала преподавание русского языка. Теперь вот есть отдельные спецы по литературе и языку. Разумеется, подходы к этим предметам отличаются, но я бы не сказала, что они абсолютно разные. В конце концов, словесник пытается научить подопечных грамотному обращению с речью, устной и письменной. Литература воспитывает качественного читателя, но это невозможно без обсуждения прочитанного. Язык больше сосредоточивается на грамматике, а именно на орфографии и пунктуации. И вот тут стоп: на деле-то такого сосредоточивания не получается.

В школьный курс русского языка включили чуть ли не всё, что хоть как-то связано с лингвистикой и филологией, в результате получился насыщенный компот пустого наукообразия. В лучшем случае главный акцент делается на зубрёжке правил написания. Как эти правила сформулированы – песня отдельная. :)

Подобно всем начинающим учителям, я на первых порах честно следовала за программами и учебниками. Единственное, что меняла, это как раз железобетонные фразы, толкующие орфографию и пунктуацию. На деле-то ведь многие ученики даже к окончанию школы не понимают, что такое причастие и есть ли разница между членами предложения и частями речи. Сам язык учебника абсолютно не соответствует живому восприятию подростка. Он заучивает абсолютно мёртвые выражения, а в практическом письме ориентируется только на конкретные слова, уже встречавшиеся ему. Можно, конечно, задаться целью вбить в память весь словарь русского языка, но что это даст в понимании устройства самой системы, которой является любой язык? И уж тем более, как это поможет пользоваться системой? Представьте себе, что вы никогда не видели дерева, и некто пытается вам объяснить, что это. Он ничего не сообщает вам о стволе, и ветвях – а только гордо выкладывает стопку листьев, долго описывая каждый из них.

Язык – это не словарь. Словарь лишь сохраняет второстепенное перечисление некоторых возможностей языка. Они интересны, они должны быть зафиксированы, но для развития речи этого мало. Кроме того, накопление единиц персонального словаря каждого человека происходит самотёком, в зависимости от требований среды. Учитель, конечно, в это дело может внести свою лепту, дополнив среду соответствующим условием, но переоценивать себя он не должен.

Есть ещё одно заблуждение: люди, много читающие, автоматически запоминают грамматические нюансы письменной речи. Что-то действительно запоминается, но, во-первых, далеко не всё, во-вторых, читатель акцентирует

внимание на перипетиях сюжета и характерах персонажей, а не на самой записи текста, в-третьих, параллельно с чтением работают воображение и «внутренний голос», который человек «слышит», но не «видит». Даже при написании своего высказывания никто не может полностью отключиться от такой многофункциональной деятельности сознания.

Само собой, ученику не нужно знать об указанных языковых сложностях. Это я всё для преподавателей расписывала. :) Ученик, как любой пользователь чем-либо, должен иметь представление лишь о том, на какие кнопки нажимать, чтобы получать желаемое. Нет, если вам попадутся такие, которым хочется продвинуться подальше, – то флаг в руки. Однако настоящая учебная программа сначала определяется с необходимым минимумом.

Я такую смогла более-менее скомпоновать только во второй половине своей педагогической жизни и то, честно сказать, благодаря тому, что преподавала тогда уже исключительно в старших классах. У нас ведь считается, что основной курс русской языка ученики усваивают в средней школе, далее им предлагается факультатив – еженедельное одночасовое занятие.

Не буду сейчас детально объяснять суть моей методики, это заняло бы слишком много места. Вот закончу данную книжку, может, и напишу «Самоучитель по русской орфографии и пунктуации» для всех желающих разобраться с родной письменной речью. :) А вкратце скажу следующее. Изучение иностранных языков подтолкнуло меня к выводу, что чаще всего я обращаю внимание на три штуки: разделение предложения на главную и дополнительную части (то есть определяю основу и всё прочее), различия приставок и суффиксов при образовании частей речи и их форм, вообще строение, состав слов. Конечно, к этому добавляются фонетические особенности, но при освоении родного языка они не так важны: мы с детства произносим всё, как принято в нашей среде. Да и разговор теперь идёт о языке в его письменном варианте.

Таким образом, я поняла, что гонять на факультативе своих подопечных нужно, опираясь на структурное видение речи. Пишущий должен выделять основу предложения, то есть его ядро, без которого ничего не получится с пунктуацией; различать слова, относящиеся к разным частям речи, ибо большое число орфограмм отталкивается от этой разницы; наконец, чётко раскладывать состав каждого слова, так как опять же орфография с этим очень связана. Все правила написания я сгруппировала тоже исходя из дробления речи на элементы. Выяснилось, что их не так уж и много: около тридцати орфограмм и пятнадцати пунктограмм. Почему? Ну, если, к примеру, вы начнёте с правописания корней, то выделите три варианта: корни неизменяемые,

непроверяемые («словарные слова», которые просто запоминаются); корни проверяемые ударением; корни с чередующимися гласными. Далее так же следует разобраться с приставками, суффиксами, окончаниями. Конечно, к подобному речевому «скелету» полагаются разнообразные и более многочисленные «мышцы», но это всё потом.

И, представьте себе, перестроения мои факультативные имели очень неплохие результаты. Два года занятий – повторяю, всего лишь раз в неделю один несчастный урок – и выпускное сочинение класс из 35 человек выдавал не более чем с пятью «тройками» за грамотность. То бишь 30 учеников допускали одну-две ошибки. Хотелось бы, конечно, гордо заявить, что были абсолютно непогрешимые в этом смысле, но врать не буду – не было таковых. Двумя годами ранее, то есть на стадии, когда я только знакомилась с классом, первый диктант он в полном составе писал исключительно на «двойки». Хотя это я собирательно говорю: подобный класс у меня был не один, разумеется. :) И каждый раз общение начиналось с девичьих слёз: «Я же экзамен на пятак сдала!» «Двойки» эти первые я вообще-то не ставила – только отмечала ошибки. И диктант был не простенький, включающий чуть не все «узкие» практические места. Зато когда мы подходили к окончанию курса и вновь писали тот же текст, сколько было восторгов: «Теперь я знаю, почему здесь не так!»

Поскольку, как вы поняли из предыдущей главы, я не любительница кричать о своих начинаниях на каждом углу, данное методическое изобретение нигде особенно не светила. Понабегут опять странные люди и всё испортят. :) Уже после ухода из школы, когда трудилась в газете «Первое сентября», напечатала небольшую статейку по теме. Ну, как напечатала? Сдала материал, его обрубили наполовину, нисколько не вдаваясь в логику изложения. Полную версию Симон Соловейчик отправил в приложение «Русский язык в школе». С редакторшей оного через пару недель произошёл разговор:

- Я такая-то, хочу узнать, что с моей статьёй.

- Да, я прочла. Ну, вы знаете, это для каких-то очень неразвитых... Зачем старшеклассникам объяснять отличия прилагательных и причастий? Да ещё по суффиксам?

- Затем, что они не понимают, что наткнулись на причастный оборот. И запятыми его не выделяют.

- Нет, так не бывает, что вы! И потом, вы тут вот пишете... – наизусть выдаёт мне фразу из статьи, с которой не согласна. Каково? Я же не предупреждала, что именно нынче позвоню, и не читала она её аккурат перед

нашей беседой. :) Запомнила – стало быть, всё не так просто. Если я ерунду написала, так она бы и забыла её через секунду после прочтения...

В общем, не стала я копыя понапрасну ломать. Детям помогла? Помогла. Доказывать кому-то, что они совсем не тем занимаются, так только врагов наживать. Вот тогда-то и промелькнуло в голове: будет время – напишу «Самоучитель».

А распрощалась со школой я в 1995 году. Посчитала: 15 лет вообще оттрубила, 25 классов «испробовала», 10 из них выпустила. Сплошные «пятёрки» мне! :) Уходить, конечно, было трудно. Когда у тебя что-то не получается, бросить затею пара пустяков, но если становишься знатоком, прервать процесс сложно. Знатоком – не значит освоить всё на свете. Всегда будет, чему поучиться, удивиться, над чем задуматься. Однако не понимать, что кое-что уже делает добротнo, нормальный человек тоже не может. Главное же: меня всё настойчивее звала к себе литература, я понимала, что она стремится стать паровозом, а не прицепом в пристрастиях.

Вот так и случился в моей жизни второй «личный» выпускной вечер. :) Вместе с 11 классом наша многострадальная школа провожала и меня. З.Ф. я предупредила о своём решении отправиться на выход за несколько месяцев до того: ей надо было прикинуть кадровый расклад на следующий учебный год. Деятельная директриса предприняла несколько попыток меня задержать.

- Тут ты уже состоялась, а там будешь неизвестно кем!

- Там – это где?

- Ну, чем ты собираешься заниматься...

- Вы же знаете, совмещать школу и газету больше невозможно. А литература – это не там, а здесь, это всегда при мне. И, пardon за нескромность, несостоявшейся в ней себя не чувствую. Вы мои статьи читаете, стихи, песни слушаете – они плохие?

- Да хорошие, очень хорошие, но...

- Но вам со мной хорошо работалось. Мне это приятно. Ищите учителя, я действительно ухожу. Только не надо пока об этом никому у нас говорить: пусть все спокойно делают своё дело.

З.Ф. не успокоилась: за две недели до конца года сообщила-таки на планёрке, что Елена Владимировна собралась школу покинуть. Она рассчитывала, видимо, что ценную персону уговорят остаться. Да, кое-кто сделал некоторые робкие движения в эту сторону, но быстро понял их

бессмысленность.

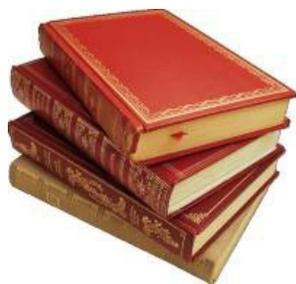
Когда на выпускной пришли парами родители уходящих учеников и все учителя, я как-то не сразу уловила, что это имеет ко мне отношение. Подумала: многие мамы-папы тоже закончили нашу школу, вот и решили отметить. Вы не подумайте, я не хвастаюсь – я сейчас хочу запоздало поблагодарить всех этих людей за то, что сочли необходимым устроить такой молчаливый акт поддержки. Уже через несколько лет, случайно встретившись с одной из тогдашних мам, услышала:

- Мы ведь сделали видеозапись вечера и часто её смотрим... Сначала хотели речь для вас организовать, но никто не смог придумать что-то особенное, а неособенное болтать как-то неправильно было бы. А вы не поняли, что мы из-за вас все пришли, не только из-за детей?

- Нет, не поняла.

- И хорошо!

Послесловие к книге

Всё, больше чистых страниц в моей тетради не осталось – будем расставаться. :) Если не лень, перечитайте предисловие и выясните, выполнила ли я задуманное. Мне кажется, что да. Но вы вправе вынести иное решение. Коли сочтёте возможным его сообщить, буду рада. Поскольку книжка эта писалась целый год (даже чуть дольше), она обзавелась постоянными читателями, а они, в свою очередь, помогли мне своими вопросами и замечаниями. Опять хвала нашему сотрудничеству! :)

Конечно, это не самый подробный педагогический дневник и вообще даже не дневник, но такой задачи я себе и не определяла. Мне хотелось обратить внимание всех, кому интересны растущий человек и человек, помогающий другому расти, на наиболее выразительные моменты в этом совместном движении. Педагогика – не скучное занятие, будь она искусством или наукой

(опять же, сами решайте, что она есть на самом деле). Она не занимается абстрактными схемами, она имеет дело со сложным и бесконечно разнообразным миром человеческих личностей. Они не всегда понятны и приятны друг другу, поэтому, к сожалению, нередко конфликтуют на пустом месте. Но есть и другие конфликты, весьма полезные, содержательные, те, что проистекают из желания каждого не застаиваться в болоте невежества – с одной стороны, и из боязни выбрать неверное направление для своего пути – с другой. Будьте уверены в себе, в своих возможностях. Нет человека, которому природа начисто отказала бы в способности к саморазвитию. Моя жизнь в педагогике это подтвердила.

Вы спросите, а что делать с несовершенным нашим социумом? Вот родитель, учитель старается, сеет разумное, доброе, вечное, но потом являются существа, подзабывшие о том, что они люди, и затапывают посевы в грязь, которую тащат с собой повсюду. Что ж, жизнь не протекает по молочным рекам с кисельными берегами. Но ведь чисто там, где грязь не накапливают, где не стесняются её уничтожить или, по крайней мере, отодвигать подальше. Ученики после прощания со школой идут не одними и теми же дорогами, никто заранее не может сказать, как сложатся их судьбы, что они выберут под напором грязеносителей. Однако у учителя всё равно остаётся чувство выполненного долга: я сделал своё дело, а там – будь как будет.

Я уже говорила о заведённой традиции раздавать уходящим выпускникам маленькие записочки с пожеланиями. Казалось бы, мелочь. Но иногда и такая шутовина может пригодиться. Один мой бывший ученик, совершенно отчаявшийся – потерял работу, ушла жена, влез в большие долги, – желая хоть как-то себя занять, отвлечь от дурных мыслей, стал перебирать старые конверты, открытки. И ему попала моя записочка. А в ней говорилось, что в трудный момент нужно положить эту бумажку на какой-нибудь стол и долго-долго оттуда не убирать. Он очистил самый большой стол, который был в квартире, от всякой всячины, положил в центр записочку... Нет, сразу всё не наладилось – чудес не бывает. Хотя в его душу постепенно вернулось что-то тёплое и обнадеживающее.

Угу, не удержалась, опять протранслировала историю. :) Но у учителей простых и одновременно непростых человеческих историй море, чему тут удивляться... Будьте добры! Несмотря ни на что. Только не забудьте добавить к своей доброте волю – тогда вы точно станете человеком, человеком доброй воли. То есть настоящим гуманистом. :)

Январь 2014 года

